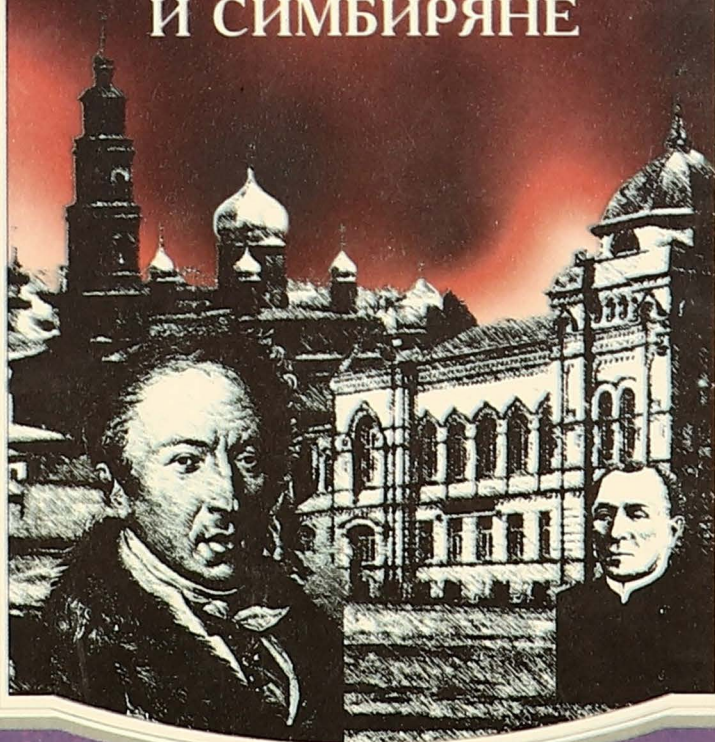
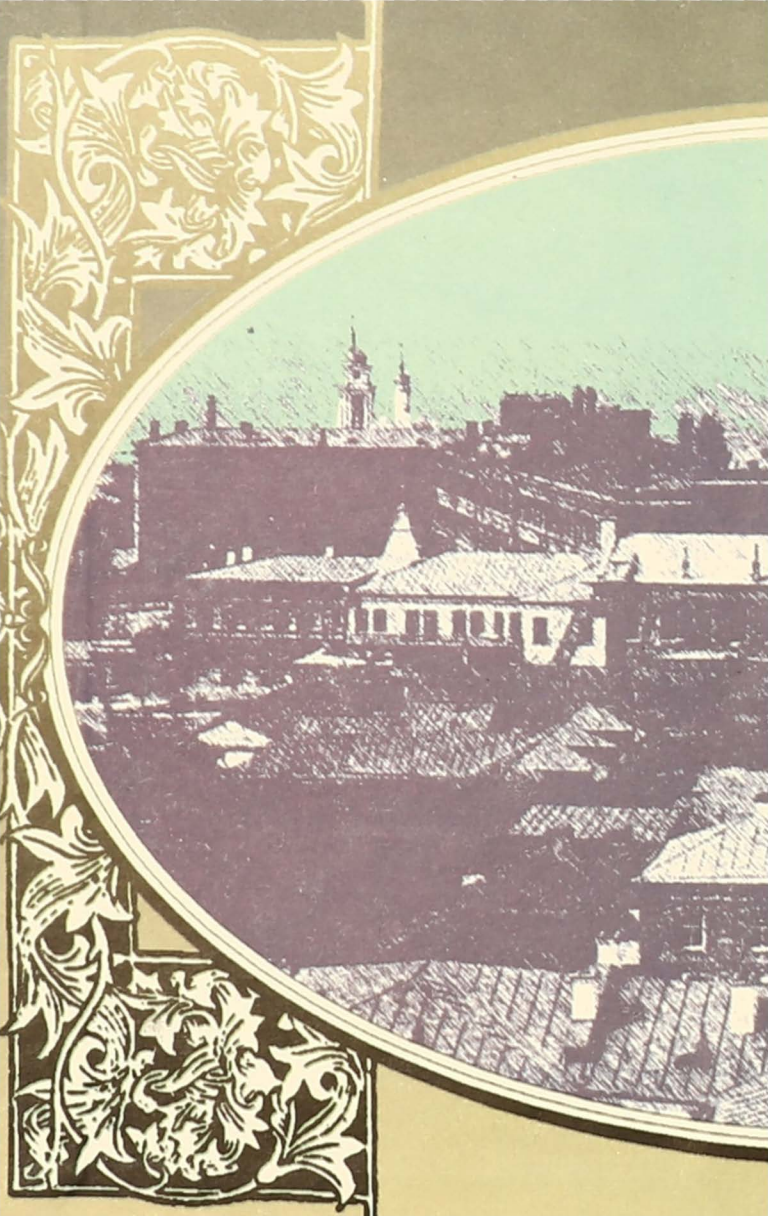

Ж.А. Трофимов

СИМБИРСК И СИМБИРЯНЕ

63.3(2...)

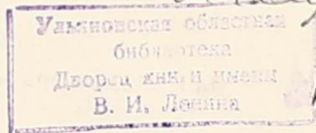
Т 76

Жорес ТРОФИМОВ

Симбирск и симбиряне

Исторические и литературные поиски

Краеведческому
сектору Ульяновской
областной библиотеки
им. В. И. Ленина
от благодарного
читателя

Ульяновск
"Симбирская книга"
1997

В. Трофимов

19 ноября

1997 г.

г. Ульяновск

1001001

ББК 85.334.3 (2Р — Рус.) 5—8
Т 65

Книга издана в соответствии с постановлением главы администрации Ульяновской области от 19.06.93 г. № 25 “Об областной программе книгоиздания”. Позиция № 162.

Трофимов Ж. А.
Т 65 Симбирск и симбиряне: Исторические и литературные поиски. — Ульяновск: Симбирская книга, 1997. — 362 с.

ISBN 5—8426—0204—0

ББК 85.334.3 (2Р—Рус.) 5—8

© Ж. А. Трофимов

© Оформление, А. М. Байгушкин, 1997

*Я не верю той любви к Отечеству,
которая презирает его летописи;
надобно знать, что любишь; а чтобы
знать настоящее, должно иметь сведе-
ния о прошедшем.*

Н. М. Карамзин

ОТ АВТОРА

Эта книга — своего рода признание в любви краеведа к истории нашего города на пороге его 350-летия. Она составлена в основном из очерков, печатавшихся в “Ульяновской правде” в последние два — три года и не входивших в предыдущие мои книги. Все очерки — строго документальны: написаны по материалам, почерпнутым в фондах областного госархива, Российского центрального исторического архива, из периодической печати, мемуарной и исторической литературы. При отборе очерков предпочтение отдавалось тем сюжетам, которые вообще не рассматривались ранее мной в книгах поискового жанра, скажем, в такой, как “Ульяновы. Поиски, находки, исследования”. При отборе учитывался также и временной фактор — для публикации отбирались сюжеты, относящиеся к XIX столетию, по возможности к первой его половине. И, наконец, я стремился к тому, чтобы в книге были представлены неординарные личности различного общественного положения, разных профессий, с различными увлечениями, насколько поз-

волил установленный издательством объем книги.

Из зодчих, творивших в Симбирске, героями очерков стали трое: М. М. Рушко, М. П. Коринфский и И. А. Бенземан. Изучением Симбирского края занимались десятки исследователей различных направлений, в книгу же вошли очерки о первых географах и историках — Т. Г. Масленицком, И. И. Пушкареве и А. О. Липинском. Из доброхотов, посвятивших большую часть своей жизни развитию народного образования и культуры, в книгу вошли очерки об И. Н. Николаеве, А. А. Знаменской, М. В. Лебедеве. На подмостках симбирского театра выступало немало замечательных актеров. С двумя из них я знакоблю читателей. Это В. Н. Андреев-Бурлак и К. З. Пузинский. Из сюжетов, раскрывающих поиски мест рождения наших знаменитых земляков (В. И. Ульянова, Н. М. Языкова, Д. Д. Минаева и др.), включен только один — о Н. М. Карамзине.

Истории самого города и его достопримечательностей посвящены главы: “Так начинался Симбирск”, “Так сколько же лет нашему театру?”, “О памятнике Н. М. Карамзину”, “Вид города Симбирска 1765 года”, “Общественные сады Симбирска”. Специальные страницы знакомят читателей с историей двух народных библиотек, одной из первых метеостанций города.

Любознательный книгоочей узнает для себя нечто новое о губернаторе А. М. Загряжском, у которого в сентябре 1833 года останавливался Пушкин, о “замечательном чуде” — гимназическом учителе Н. А. Гончарове, старшем брате романиста, о славной династии Крыловых, об отношениях в Симбирске между Керенскими и Ульяновыми, о таинственном авторе популярного стихотворения о Симбирске 1840-х годов К. И. Кореневе, о знаменитом псовом охотнике и собаководе П. М. Мачеварианове.

В книге указаны все источники и литература, которыми пользовался автор. Но, несмотря на кажущуюся

академичность, она рассчитана на широкого читателя.

В подготовке всех очерков к печати постоянное и всестороннее участие принимала неизменный мой помощник в творческой работе Наталья Михайловна Трофимова.

Надеюсь, что к знаменательному юбилею нашего города мне удастся выпустить второй том исследований, посвященных литературному прошлому Симбирска, в который войдут очерки: "Н. М. Карамзин и наш край", "Поэт Николай Языков и Симбирск", "Подвиг Дмитрия Ивановича Минаева", "Лермонтов и Симбирск" и некоторые другие.

ТАК НАЧИНАЛСЯ СИМБИРСК

Богдан Матвеевич Хитрово, по единодушному мнению ученых, принадлежит к выдающимся государственным деятелям правления первых Романовых — Михаила Федоровича и его сына Алексея, прозванного “Тихайшим”. Поражает быстрота, с которой Хитрово, выходец из скромной семьи дворянина города Алексина на Оке, продвигался по службе. В 1633 году, всего лишь в восемнадцатилетнем возрасте, удостоен был он должности стряпчего, а через три года — царского комнатного стольника “у крюка”.

Краевед П. Л. Мартынов писал в связи с этим в сборнике “Город Симбирск за 250 лет его существования”: “Столь быстрому возвышению и приближению ко двору он обязан боярину Борису Ивановичу Морозову (бывшему тогда дядькою царевича Алексея Михайловича), у которого мать Б. М. Хитрово была нянькою, и князю Алексею Никитичу Трубецкому, которые обратили внимание царя Михаила Федоровича на него как на молодого человека, отличавшегося умом. Находясь более 10 лет постоянно при дворе, Богдан Матвеевич сопровождал царя Михаила Федоровича во всех его походах на богомолье и только при Алексее Михайловиче, 20 февраля 1646 года, был назначен полковым воеводою в Темников, где обвел земляным валом Керенск, а потом, в 1647 году, обстроил гор. Карсунь, за что был пожалован в окольничьи”¹.

Во время царствования первого Романова было немало походов (не только на богомолье), связанных и с освобождением Смоленска и земель возле него, захваченных поляками, и с отражением нападений крым-

¹Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. — С-к, 1898, с. 15.

ско-татарских отрядов на южные и восточные окраины России, и с усмирением внутренних смут. В это тревожное и трудное время Богдан Хитрово проявил себя как отважный воин, искусный строитель, тонкий дипломат и зрелый государственный муж, способный выполнять неординарные стратегические задачи.

Своеобразным аттестатом на зрелость для 27-летнего стольника стал драгоценный подарок, который в описи экспонатов Царскосельского музея за 1860 год значится под № 326: "Полоса сабли, пожалованная царем Михаилом Федоровичем стольнику Богдану Матвеевичу Хитрово. На ней с правой стороны наведена золотом славянская надпись: "7150 (1642). Государь Царь и Великий князь Михаил Федорович всея Руси пожаловал сею саблею стольника Богдана Матвеевича Хитрово". Полоса украшена у пяты золотою насечкою с изображением царской короны"¹.

С этим памятным оружием и широкими правительственными полномочиями Богдан Матвеевич был направлен для обследования юго-восточных окраин Московского государства, систематически подвергавшихся набегам крымских и ногайских татар, и составления плана сооружения здесь системы оборонительной черты от Волги до Суры и далее в Воронежскую губернию.

Наш земляк историк И. И. Пушкарев в своей книге "Историко-географическое описание городов Симбирской губернии", вышедшей в 1837 году в С.-Петербурге и основанной на архивных документах, высказал мнение, что в том же 1642 году Богдан Хитрово со своими товарищами дошел до Среднего Поволжья.

Крупнейший знаток старины профессор Капитон Иванович Невоструев в "Историческом обозрении Симбирска от первых времен его до возведения на степень

¹Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего государю императору. — СПб., 1860, с. 162—163.

губернского города" (Симбирск, 1909, с. 11) не ставил под сомнение утверждение своего предшественника, что в 1642 году Хитрово обозревал местность, где будет сооружен Симбирск, но не считал возможным полностью согласиться с Пушкаревым, что "мысль построить город была случайная и его (Хитрово. — Ж. Т.) личная".

Мысль, конечно, родилась у Хитрово не случайно, и в этом легко убедиться из книги самого Ивана Ильича Пушкарева, где речь идет о "первобытном состоянии" Симбирска: "Предание говорит, что черемисы и мордва, обитавшие на луговой стороне, ежегодно осенью перебирались на западный берег Волги для рыбной ловли, на том месте, на котором раскинута нижняя часть Симбирска... Ловля шла удачно, и рыбаки, мало-помалу обогащаясь, заводили мытные дворы, а добытую рыбу отправляли земным путем по селениям, отдаленным от Волги. Сведая о таком приволье, окружные жители спешили подражать примеру рыбаков, и число переселенцев значительно увеличивалось, так, что в 1642 году боярин и оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово, посетив эту сторону, нашел тут довольно многолюдное и богатое селение"¹. Не прошли мимо его внимания и плодородные черноземные земли западнее Свяги, способные вознаградить труды поселянина и снабдить другие, менее хлебородные губернии.

Соотнеся эти местные условия со стремлением правительства "об устройстве приволжской стороны", пользуясь доверенностью царя и уважением соотечественников, своим "умом, просвещенным науками и познаниями", Богдан Матвеевич, по словам И. И. Пушкарева, и "предположил основать город на западном

¹Пушкарев И. И. Историко-географическое описание городов Симбирской губернии. — СПб., 1837, с. 15.

берегу Волги, для чего составил проект, к сожалению затерянный для потомства, и поехал ко Двору в Москву”.

Однако в силу ряда обстоятельств, в том числе и смерти в 1645 году основателя династии Романовых, сооружение оборонительной черты между юго-восточным краем и Поволжьем по-настоящему развернулось лишь в начале 1646 года, когда Б. Хитрово был назначен полковым воеводою в Темников. Продвигаясь отсюда на юг, он обвел земляным валом Керенск, а весной 1647-го, выполняя царский указ, возглавил возведение новой укрепленной линии от Суры и Барыша.

Заложив крепости Сурский острог (ныне село Первомайское) и Корсунь (Карсун), Хитрово, используя труд тысяч “подымовых” людей (крестьян, плативших подати с “дыма”, то есть с избы), сооружал между этими крепостями лесные засеки — мощные лесные завалы, где в несколько рядов валили деревья, вершинами в сторону врага (не отделяя их от пней). Ширина их достигала от 40 до 100 сажен. На открытой местности строился вал со рвом, частоколы и надолбы. На этой линии, протяженностью в 90 верст, были поставлены промежуточные четыре крепости-ostroга, по углам которых возводились башни¹. Вблизи острогов на валу устраивались боевые выходы — сторожевые площадки, куда высылались дозоры для наблюдения за степью. Вдоль оборонительной черты основывались селения и слободы, где размещались казаки и стрельцы.

К концу 1647 года за основание города Карсуна и сооружение черты царь Алексей Михайлович пожаловал Богдана Матвеевича в окольные². А 10 февраля

¹Ермолаев А. Д. На дальней границе Востока. — У-к, 1983, с. 3.

²Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования, с. 15.

1648-го, очевидно, не без его участия, царь “указал и бояре приговорили” отправиться Б. Хитрово с дьяком Григорием Кунаковым в “понизовые” города для “оберегания от приходу ногайских людей и для строения новых городов и засечных крепостей от реки Барыш до реки Волги”. И хотя в указе среди “понизовых” городов — расположенных на Волге ниже Казани — Симбирск не назван, именно он-то имелся в виду в первую очередь. Об этом свидетельствует сохранившийся серебряно-позлащенный напрестольный крест с нанесенным на него текстом: “Повелением великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Руси самодержца и его благоверныя царицы и великия княгини Марии Ильиничны сделан сей крест в Синбирский город в соборную церковь Живоначальная Троицы лета 7156 г. (1648 г. — Ж. Т.) марта в 6 день”¹.

“Синбирск” довольно скоро трансформируется в “Симбирск”, но более важно отметить факт, что последнее название города уже употреблялось царем в начале 1648 года, как само собой разумеющееся, укоренившееся и официально узаконенное. Вне всякого сомнения, что это имя будущей крепости, дающее название и засечной черте, которую предстояло возвести от нее до Карсуна, фигурировало уже в том “проекте” Хитрово, о котором говорится в книге И. И. Пушкарева, и его носило то “довольно многолюдное и богатое селение”, которое посланец Москвы в 1642 году нашел на западном берегу Волги, у подножия Симбирской горы.

По поводу происхождения названия “Синбирск” имеется немало толкований. Одни производят его из чувашского языка, на котором слово “Синбирск” означает “белая гора”. Другие (тоже сторонники чу-

¹ Невоструев К. И. Историческое обозрение Симбирска, с. 12.

вашского происхождения) полагают, что его следует переводить как “обиталище людей” (“син” — человек, “бурнас” — обитать). Третьи ведут название Симбирска из мордовского языка, на котором оно означает “зеленые горы” (“сююн” — зеленый, “бир” — гора)¹.

Дмитрий Петрович Ознобишин, которого Николай Языков как-то назвал “поэтом и полиглотом”, в своей стихотворной сказочке “Городок” в полушутливой форме дал как бы обобщенное толкование названия Симбирска:

Наверху приволжских гор
Зеленел когда-то бор,
Ветер выл без смены;
Вот, в середине пустыря,
Глядь-поглядь, монастыря
Поднялися стены.

Козней дьявола боясь,
Там от мира затаясь,
Сестры приютились;
Вкруг чуваша и мордва,
Свой ясак платя едва,
Мирно заселились.

Не по дням, а по часам
Городок разросся там,
Ветреный — прозваньем.
Назван был ли так от гор,
Иль по милости сестер, —
Смолчано преданьем².

В примечании к словам “ветреный городок” Д. Ознобишин пояснил, что так их истолковывал попавший в Симбирск киргизский султан: “сююн” и бирск” на татарском означают “ветреная гора”. Другие сторонники

¹Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. — С-к, 1868, с. 30.

²Ознобишин Д. П. Стихотворения. — М., 1992, с. 253.

тюркского происхождения переводят иначе: слово “сын”, — как “гробница”, а “бир” — как “один”, и тогда это, мол, “одинокая могила”. Наиболее же распространенным стало мнение, что на левой стороне Волги (между селами Крестовое Городище и Кайбела, 18-ю верстами ниже нашего города) существовал город, носивший имя болгарского князя Синбира, исчезнувший во время нашествия монгольских кочевников.

В заключение приведу объяснение слова “Симбирск”, появившееся 21 мая 1987 года в “Ульяновской правде”: “Вернее всего, название город получил по горе, на которой расположен. В монгольском языке слово “сумбур” употребляется в значении “священная гора”. Известно, что монголы с древнейших времен на многих возвышенных местах ставили храмы, которые по-монгольски назывались “сум”. Не исключено, что в XIII—XIV веках такой “сум” мог быть и на высоком волжском берегу”.

Но и это новейшее предположение имеет не большее право на жизнь, чем, скажем, скандинавское толкование, по которому слово “Симбирск” произошло от слов “sinn” — “путь”, “дорога” и “biarg” — “гора”, или “birg” — “береза”, так что, согласно этому словопроизводству, по мнению краеведов XIX века, “Симбирск” означает или “придорожная береза”, или “горный путь”¹. Такое же право на существование имеет и толкование, что Симбирск — это “город семи ветров”.

Истина же состоит в том, что антропологические исследования, проведенные в 1878 году студентом Казанского университета, сыном учителя симбирской гимназии С. М. Чугуновым при раскопке десяти древних кладбищ (в районе между Старым Венцом и ул. Гончарова), показали, что на месте Симбирска еще во времена Волжской Булгарии находилась мордовская деревня.

¹Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии, с. 30.

Встречается в документах указание и на то, что севернее Старого Венца было “старинное татарское городище”. Безусловно, что здесь прошли и полчища Тамерлана, сея разрушения и смерть. И вполне естественно, что и мордва, и татары, и монголы давали свое, но сходное название месту на живописной горе, с которой открывался величественный вид на могучую реку. Несомненно же одно: Богдан Хитрово воспринял слово “Синбирск” как нечто, уже вошедшее в местный обиход, и без колебания именовал так же и город, к постройке которого он приступил в начале 1648 года.

Дело началось спором. 10 февраля вышел указ, предписывавший Хитрово возводить “новые города и засечные крепости”, а уже 18 февраля арзамасскому воеводе была послана царская грамота, повелевавшая выслать “дворян и детей боярских по списку, для государственной службы с окольниковим Богданом Матвеевичем Хитрово, на Алатырь, так как в этом городе назначен был всем им сборный пункт”¹. А в начале марта, сразу же после пожалования царем креста для соборной церкви Синбирска, Хитрово с дьяком Григорием Кунаковым “со товарищами” отбыл в Алатырь, чтобы оттуда со всеми прикомандированными лицами, охраной и строителями двинуться к конечному пункту оборонительной черты на высоком волжском берегу.

ВРЕМЯ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА

П. Мартынов справедливо отмечал, что “на практике встречалось немало затруднений, замедливших приведение царского указа в исполнение”. В подтверждение он приводил в своем сборнике “Город Симбирск за 250 лет его существования” выписку из донесения ар-

¹Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования, с. 251.

замасского воеводы, поступившего в царскую администрацию 19 мая 1648 года, о том, что “арзамасцы дворяне и дети боярские” уклоняются от государственной службы, и делает вывод: **“в мае месяце 1648 года постройка города Симбирска еще не началась”**¹.

Но с этим трудно согласиться. Ведь сам уважаемый краевед приводит в сборнике документ с фамилиями дворян и детей боярских, поступивших в распоряжение Богдана Хитрово из Свияжска, Алатыря, Курмыша, Козьмодемьянска и Яранска еще в Москве. С этими добрыми молодцами и сильным отрядом стрельцов, пушкарей и затинщиков окольных по пути к месту назначения собирал “посошных и подымовых людей” как в русских, так и в ясашных (инородных) городах, по одному человеку от 3—5 дворов. Достигнув Симбирска, Хитрово, не мешкая, использует санные пути для доставки леса и камня, чтобы с наступлением тепла — **в апреле** — приступить к работам по сооружению города-крепости, иначе до осенней распутицы это не удалось бы осуществить.

Это хорошо понимали в Москве. В сборнике “Город Симбирск за 250 лет его существования” опубликован царский указ и боярский приговор от 10 февраля 1648 года, предписывающий арзамасцам, а также мурзам и татарам на Алатыре прибыть на службу к Б. Хитрово. При этом особо подчеркивалось: **“...собраться ему, окольному и воеводе на Алатырь, а отпуск ему с Москвы вскоре, для того, что ему на степи города поставить всякия крепости устроить до приходу воинских людей заранее с весны”**².

Итак, в соответствии с директивой, Хитрово обзывался “вскоре” после 10 февраля, то есть спешно,

¹Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования, с. 251.

²Там же, с. 1—2.

отправиться на строительство города и крепости на Волге, чтобы “заранее с весны” начать работы и завершить их “до прихода воинских людей”. Здесь явно учитывался опыт сооружения под руководством Богдана Матвеевича оборонительной линии и основания Карсуна в 1647 году: тогда закладка города начиналась тоже **весной**, в апреле — мае. Этот вывод не нов. Еще доцент Н. П. Гриценко в “Очерках по истории Симбирска—Ульяновска и Ульяновской области” (Ульяновск, 1948) придерживался в отношении срока примерно такой же точки зрения: “Логически рассуждая, правительство Алексея Михайловича распорядилось, чтобы к весне, **апрелю** месяцу 1648 г. арзамасский воевода Травин направил людей для строительства новой симбирской засеки. Таким образом... и г. Симбирск начали строить **весною** 1648 года” (с. 23).

Члены симбирской губернской ученой архивной комиссии были знакомы с документами, указывающими на то, что Симбирск основан весной, тем не менее отнесли празднование 250-летия города на 1 сентября 1898 года. “Мотивом к выбору этого дня, — писал П. Мартынов, — послужили: начало года древнего летоисчисления, а также возможность участия в юбилейном праздновании воспитанников учебных заведений и служебного персонала, к этому времени возвращающихся, обыкновенно, в город из отпусков. Однако потом юбилейная комиссия решила праздновать день основания Симбирска 4 октября — “так как 4-го октября 1670 года одержана была под стенами Симбирска победа над Стенькой Разиным и его полчищами”¹. Это субъективное решение комиссии имело одноразовое значение, предназначалось только для данного

¹Мартынов П. Празднование двухсотпятидесятилетнего юбилея города Симбирска. — С-к, 1899, с. 4.

юбилея, а город так и не обрел дня своего рождения. 300-летие праздновалось 12 сентября, а с наступлением горбачевской перестройки, когда многие города СССР начали отмечать свои особые дни, ульяновские горком КПСС, исполком горсовета народных депутатов и горком ВЛКСМ приняли постановление о ежегодном празднике “День города Ульяновска” в последнее воскресенье мая”¹.

В 1987 году празднество происходило 24—25 мая и сопровождалось благоустроительными работами и многочисленными культурно-спортивными мероприятиями, в которых участвовало большинство жителей².

Начиная с 1992 года, власть имущие во многих регионах России приурочивали “Дни городов” к 12 июня — “Дню независимости” и выборам первого президента Российской Федерации. На сей раз перенесение дня рождения нашего города произошло по чисто политическим мотивам.

Если уж совмещать День города (хотя бы в целях экономии бюджетных средств) с другими красными датами календаря, то в первую очередь следует считаться с документами, свидетельствующими, что Симбирск начинался не летом или осенью, а весной, в апрельские дни. В нашем городе, названном в честь главы первого Советского правительства В. И. Ленина, День основания города можно было бы отмечать с учетом дня рождения своего великого земляка — или 22 апреля, или в ближайшее за ним воскресенье. Есть и другие приемлемые варианты: Днем города можно сделать один из общенародных праздников: 1 или 9 мая. А может быть, удачнее всего будет 2 мая?

Дискуссии в средствах массовой информации и краеведческих учреждениях по этому вопросу необходимы

¹Ульяновская правда. — 1987, 21 мая.

²Там же.

и полезны. Но в любом случае выборы Дня города, как и его герба, должны проходить с участием основной массы населения: либо на собраниях по месту работы, учебы и жительства, либо на референдуме. И решить эти проблемы необходимо безотлагательно, чтобы внести в них стабильность. А поводы для беспокойства имеют место. Так, сотрудник Дома народного творчества А. Голубкова в своей статье, появившейся 28 декабря 1996 года в "Ульяновской правде", упомянув о приближении 350-летия Ульяновска, заявила: "10 февраля 1998 года ему исполнится 350 лет".

ИСТОЧ

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВИД ГОРОДА

В апрельские дни 1648 года окольный и воевода Богдан Хитрово и дьяк Григорий Кунаков добрались до конечного пункта назначения в междуречье Волги и Свияги и приняли окончательное решение о строительстве города-крепости Синбирска.

Решающее слово о том, что именно, в каком порядке и какими силами возводить, принадлежало Богдану Матвеевичу, но по закону он должен был согласовывать свои действия с дьяком Григорием Кунаковым, который являлся отнюдь не церковнослужителем или правителем канцелярии, а товарищем по руководству. И как думный дьяк Д. Башмаков, составлявший в Москве примерные планы и чертежи новых городов Руси, обладал солиднейшими инженерными познаниями, так и соратник Хитрово наверняка был специалистом по фортификации и привез с собою примерные планы крепости, острога, общественных зданий, складов. Вместе с Хитрово и Кунаковым прибыла команда специалистов, состоявшая из зодчего, мастеров строительных специальностей, “иконных дел мастеров” (выполнявших и роли художников), лекаря и др.

Согласно утвердившейся на Руси традиции, город-крепость должен был состоять из двух участков. Первый — это собственно цитадель, кремль, или рубленый город. Он был обнесен мощной деревянной стеной с башнями и воротами, имеющими бойницы для пушек, пищалей или мушкетов, а также глубоким рвом и валом и являлся главным опорным пунктом обороны. За стенами кремля создавался ретраншемент — дополнительная, внешняя линия обороны, тоже обнесенная рвом и валом. В ее состав входил и острог — передовое укрепление, огороженное, по разъяснению В. И. Даля, сверху заостренными сваями или рубленой стеной

с башнями¹. Между первой и второй линиями обороны строился посад, в котором “садились” служилые и торговые люди, ремесленники и солдаты с семьями.

Обстановка требовала, чтобы работы по сооружению всех укреплений и строительство общественных зданий велись одновременно. Это достигалось за счет того, что срубы изготовлялись в различных местах, вблизи дубовых и сосновых лесов, и после приемки доверенными лицами разбирались и перевозились в Симбирск для окончательной сборки на предусмотренном плане месте.

Тем не менее в начале строительства было какое-то основное место, где расположились тысячи крестьян-строителей, стрельцы, казаки и обслуживающие их хозяйственные команды. А. И. Осятинский в своей книге “Строительство городов на Волге” (Саратов, 1965) высказал предположение, что первостроители Симбирска в 1648 году расположились на месте, называемом “Старый Венец”, и только после того, как здесь обустроились, они, якобы, перешли к закладке кремля на “Новом Венце” (с. 47).

Думается, что более вероятен другой вариант: основание Симбирска началось с создания острога, который возводился несколько выше расположенного на берегу Волги старого селения, в “20 саж. от Успенского монастыря в гору на запад”, — как уточнял К. И. Невоструев в “Историческом обозрении Симбирска от первых времен его до возведения на степень губернского города”.

Сооружению острога на косогоре благоприятствовала близость к прибрежному селению, жители которого могли обеспечить строителей продуктами питания. Кроме того, Б. Хитрово имел основания опасаться, что

¹Даль В. И. Толковый словарь. Т. 2. — М., 1989, с. 707.

именно со стороны Волги может нагрянуть неприятель, причем не столько ногайцы, сколько казачья вольница, охотившаяся за торговыми судами, а также местные шайки, облюбовавшие себе приволжскую местность южнее Симбирска, изобиловавшую труднопроходимыми чащобами, оврагами и болотами. Размеры острога неизвестны, но в 1670 году он стал убежищем для нескольких тысяч стрельцов и жителей “разного звания”. О многочисленности обитателей говорит факт: когда в острог (с помощью сочувствовавших) вошел отряд Степана Разина, было “много людей побито и 300 человек захвачено в плен. Прочие ушли на гору в рубленный город, или кремль”¹.

На Венце и прилегающей к нему местности трудились тысячи набранных по разверстке русских, татарских, чувашских и мордовских крестьян, которые под наблюдением дворянских и боярских детей и мурз закапывали ямы и овраги, рыли канавы, изготавливали мостки, вязали “тарасы” — срубы из бревен, которые потом набивались землей и камнями и составляли первооснову оборонительных укреплений.

Представить же размеры кремля в начале его существования помогает нам Тимофей Григорьевич Масленицкий — географ и историк, один из образованнейших военных инженеров, знаток крепостной фортификации. В своем фундаментальном “Топографическом описании Симбирского наместничества”, составленном по заданию правительства в 1784 году, он писал: “Градские укрепления с трех сторон (восточная стена была разобрана в 1776 году. — Ж. Т.), видны остатки пяти деревянных с таковыми же стенами башен и со рвом бывшей деревянной четырехугольной крепости, которой уже укрепления более ныне не видны, расположена была по са-

¹ Невоструев К. И. Историческое обозрение Симбирска, с. 15.

мому венцу горы... Длина оной крепости 200 сажен и столько же ширины, в окружности 800 сажен”.

Эти данные основаны на визуальном наблюдении Масленицкого и на старинном труде “О построении города Симбирска”, полученном им от правителя симбирского наместничества генерал-майора князя П. М. Баратаева, а также на рассказах старожилов. Поэтому они, как заслуживающие полного доверия, уже два столетия используются краоведами.

Кстати, и рельеф слегка ромбовидного плато, размером 200 на 200 сажен (440 х 440 метров), первый угол которого находился на Венце, соответственно современной застройке — у филармонии, второй — в Краснознаменном переулке, на территории суворовского училища, третий — на пересечении продолжения Пожарного переулка с улицей Д. Ульянова и четвертый — у северного фасада педуниверситета на Венце, говорит в пользу размеров периметра крепостных стен, указанных Масленицким. Именно таких размеров и формы плато позволило Богдану Хитрово и Григорию Кунакову максимально использовать в целях обороны уникальные возможности гребня волжского косогора, а также южной и западной покатостей симбирской полугоры. Наконец, в пользу данных Масленицкого говорит и маршрут возникшего в 1670-х годах крестного хода в память обороны крепости от штурмовых отрядов С. Разина и Ф. Шелудяки.

За последующие два столетия маршрут крестного хода, по описанию корреспондента “Симбирских губернских ведомостей” в номере от 24 мая 1877 года, выглядел так. Процессия во главе с духовенством от летнего кафедрального Троицкого собора выходила на Венец, затем шла “мимо присутственных мест и архиерейского дома”, далее по Сенной (Д. Ульянова) и Спасской (Советской) до “часовни при Спасском монастыре (у северного фасада Дворца молодежи. — Ж. Т.), поворачи-

чивала на Дворцовую (К. Маркса) и по ней доходила до Вознесенского собора на Большой Саратовской (Гончарова), а отсюда, по Московской (Ленина), возвращалась на Соборную площадь.

Народ называл это шествие “ходом вокруг города”, но сама крепость XVII века, по словам корреспондента “Ведомостей”, имела иные границы: “От водопроводной башни (место нынешней филармонии. — Ж. Т.) шла по Венцу до нынешнего архиерейского дома, затем спускалась к церкви св. пророка Ильи, где, по преданию, были Спасские крепостные ворота... Крепость имела вид правильного четырехугольника длиною в 800 саж. и шириною в 200 саж. Вокруг крепости, или города, был посад, обнесенный стеною, рвом и валом”.

Это описание границ кремля отличается от данных Масленицкого тем, что длина стены по Венцу указана не 200, а 800 сажен, но это — явная описка корреспондента, который число “800”, обозначавшее у Масленицкого размер **окружности** кремля, принял за длину стены вдоль Венца. А ведь даже на глазок видно, что от филармонии до северного фасада университета — около 200 саженей (440 метров). Это прекрасно понимали П. Мартынов и М. Суперанский, которые в своих работах по истории Симбирска 1898 года приводили данные о размерах кремля по Масленицкому. Однако, в том же юбилейном, 1898 году А. Яхонтов в “Исторической записке”, напечатанной в “Симбирских епархиальных ведомостях”, заявил, что “кремль имел вид правильного четырехугольника длиной в 800 саж. и шириною в 200 саж.”, то есть увеличил периметр стен кремля в 2,5 раза. Через полстолетия наступило 300-летие города. Доцент Н. П. Гриценко в своих “Очерках по истории города Симбирска — Ульяновска и Ульяновской области” (У-к, 1948) повторил версию о размерах кремля в 200 на 800 саженей и дал новое описание его

границ, перенеся западную стену до “нынешней улицы Гончарова”, а северную — в район “бывшего Старого Венца” (с. 25). Авторы же сборника “Родной город Ильича” (Саратов, 1976) проигнорировали такую трактовку, заявляя, что каждая из четырех сторон была “примерно по 400 метров” (с. 8), и вернулись, таким образом, к данным Масленицкого. Но почти в это же время опытный краевед Н. А. Кузминский в учебном пособии “Край наш родной” сумму длин сторон кремля обозначил в 4352 метра и стал, по существу, на точку зрения корреспондента “Симбирских губернских ведомостей” 1877 года и последовавшего за ним А. Яхонтова.

Свое мнение относительно параметров кремля высказал А. Н. Блохинцев в 1974 году в брошюре “Симбирск XVIII века (гравюра по рисунку М. И. Махаева)”. Ссылаясь на работу К. И. Невоструева “Историческое обозрение Симбирска” (с. 12), в которой говорилось, что кремль имел площадь в “200 кв. саж.”, Александр Николаевич пояснил: “Он располагался в северной части нынешней площади В. И. Ленина”, а позже “был перестроен так, что занял все пространство площади В. И. Ленина и прилегающей к ней местности. Длина каждой из его четырех стен составляла сначала 80, а потом уже 200 сажен”.

Труд К. И. Невоструева заслуживает самого высокого уважения, но ведь известный археограф намеревался “во многих местах рукопись исправить и дополнить... но не успел сделать этого”, как отмечал А. Соловьев в предисловии к “Историческому обозрению Симбирска”. Наверняка Капитон Иванович вернулся бы еще раз к величине “200 кв. саж.”, почерпнутой из “Топографического описания городов и уездов Симбирской губернии” казанского землемера А. В. Фокина, составленного им, когда крепости в Симбирске уже не существовало. Думается, что землемер при использовании “Описания” Т. Г. Масленицкого 1764 года длину

стен в "200 саж." машинально превратил в площадь, равную "200 кв. саж.". В свою очередь К. И. Невоструев, со своим слабым зрением, лишь повторил описку.

Нереальность размера нашего кремля в "200 кв. саж." особенно очевидна при сравнении с размерами опорных пунктов — "городков", воздвигавшихся Б. Хитрово на оборонительной черте Симбирск — Уренск. Городки Юшанск и Тагай имели по 20 саж. в длину и ширину (400 кв. саж.), а Уренск — 51 на 26 саж., то есть его площадь составляла 1326 кв. саж. — в 6,5 раза больше, нежели кремль Симбирска, по Невоструеву, в "200 кв. саж.", а этого быть не могло¹.

Доцент С. Л. Сытин в своей статье "На Венце 340 лет тому назад" (Ульяновский комсомолец. — 1988, 26 марта) назвал, опираясь на нынешние ориентиры, иные границы кремля: восточная стена проходила по Венцу от филармонии и имела длину 80 сажен (170 м), северная — от Венца в промежутке между зданиями сельхозинститута и краеведческого музея до памятника Карлу Марксу; западная — вдоль здания областной администрации, а южная проходила мимо госпиталя ветеранов войн и упиралась в Наугольную башню. Нетрудно подсчитать, что кремль занимал в этом случае около 6400 кв. сажен — в 30 раз больше площади, фигурирующей в брошюре К. И. Невоструева.

Но и с видением Сергея Львовича трудно согласиться, ибо оно не подтверждено такими документальными доказательствами, которые бы подрывали достоверность данных Т. Г. Масленицкого. Кстати, в пользу этого знатока фортификации XVIII века говорит и сравнение размеров крепостей, сооружавшихся в ту пору в других городах. Так, в Саранске (1641 г.) периметр стен состав-

¹Мартынов П. Остатки старины, сохранившиеся в Симбирском уезде. — С-к, 1898, с. 2.

лял 470, в Острогожске (1651 г.) — 406 и в Пензе (1663 г.) — 431 саж.¹. В последнем случае площадь кремля превышала 10 тыс. кв. саж., то есть была наполовину больше, чем симбирская в понимании С. Сытина.

Между тем Симбирск, в отличие от многих других городов, создававшихся тогда по-соседству, сразу мыслился как административный и религиозный центр обширного края. Достаточно сказать, что в числе первоочередных объектов крепости оказался **соборный** храм, который по статусу являлся головным культовым сооружением. Вполне вероятно, как отмечают некоторые краеведы, Спасский девичий монастырь начал строиться еще до сооружения крепости или в одно время с нею². Но в любом случае крепостные стены защищали девичий монастырь, ставились западнее его. Кроме того, в кремле был возведен двор подгорного Успенского мужского монастыря с часовней. При соборном Троицком храме стояли избы причта и находился погост.

Видное место в кремле занимал воеводский двор, состоявший из жилых помещений, поварни, мыльни, ледника, конюшни и других хозяйственных построек. Здесь же находились и присутственные места: приказная изба, архив, “черная земляная изба (заведывавшая работами по постройке города и земляного вала от Симбирска до г. Карсуна)”, конская изба, таможня, кружечный сбор, а также караульная изба, казарма для гарнизона, пороховой и соляной погреба. Помимо воеводы и дьяка, с сотоварищи, в кремле свои “осадные дворы” возводили дворяне, вотчинники и различного чина служилые люди³. В центре кремля находилась просторная площадь,

¹Мясников Г. В. Город-крепость Пенза. — Саратов, 1984, с. 50.

²Прошлое нашего края. — Саратов, 1968, с. 421.

³Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования, с. 10.

на которой в случае опасности размещались воинские подкрепления и находили пристанище беженцы из окрестных селений.

В одно время с кремлем росли посад и слободы. С южной, западной и северной сторон городской посад был огражден стеной, рвом и валом. От проезжих башен и ворот кремля брали свое начало будущие улицы. Одной из первых, севернее кремля, в Стрелецкой слободе, сформировалась Стрелецкая улица, на которой ставились казармы и дома стрельцов. От Свияжских ворот кремля к водам реки Свияги, по обеим сторонам которой располагалась Конная слобода, пролегла Большая Свияжская (Московская) улица. К числу первых улиц города принадлежали и те, что возникли по направлению к Казани и Саратову.

Из деятельности Богдана Хитрово и Григория Кунакова в 1648 году известно, что в июле они направили в Москву челобитчиков Симбирска по "городским делам"¹. Но, судя по тому, что уже в 1649 году, сразу же после того, как Хитрово и Кунаков передали бразды правления стольнику Ивану Богдановичу Камынину, они были отозваны в Москву и щедро вознаграждены, правительственное задание по строительству городо-крепости на Волге было выполнено ими с честью.

¹ Ульяновская правда. — 1981, 13 февраля.

ВИД ГОРОДА СИМБИРСКА 1765 года

Почти столетие назад П. Л. Мартынов в своем сборнике "Город Симбирск за 250 лет его существования" опубликовал копию с гравюры, хранившейся в архиве Министерства иностранных дел, на которой был изображен Симбирск. В комментарии к этой публикации говорилось, что изображение города относится к началу XVIII столетия, так как на нем видна вполне сохранившаяся крепостная стена, а она, уже в 1714 году, развалилась. В заключение П. Мартынов добавил, что на гравюре Симбирск "снят с северо-восточной стороны, с дороги из Сельдинской слободы в город".

Это объяснение оказалось недостаточно обоснованным. Из документов, приведенных в книге К. И. Невострюева "Историческое обозрение Симбирска от первых времен его возведения на степень губернского города", изданной в Симбирске в 1909 году, видно, что "в 1738 году крепость выстроена вновь... В ней двое больших проезжих ворот в башнях, по углам и в середине 6 башен" и т. д. Да и почти все каменные храмы, изображенные на панораме Симбирска, были сооружены в 1730—1740-х годах.

Трудно было согласиться и с утверждением П. Мартынова, что на ней город "снят с дороги из Сельдинской слободы", то есть со стороны Свияги. Ведь на одном из подлинных экземпляров гравюры, поступившей в фонды Ульяновского областного краеведческого музея им. И. А. Гончарова в 1927 году, сохранилась четкая надпись: "Вид города Симбирска с приезда к северо-западу", то есть с юго-восточной стороны, или "с района нынешнего речного порта", как уточнял доцент С. Л. Сытин. Он же, комментируя в 1969 году гравюру, высказал мнение, что ее автор, известный

художник М. И. Махаев, запечатлел Симбирск 50-х или 60-х годов XVIII века, во время пребывания в нем¹.

Что касается исторической ценности произведения, то Сергей Львович назвал гравюру Махаева “своего рода графическим документом, который дает нам вполне правдивое, достоверное изображение Симбирска. В том числе и тех строений города, вроде кремля, которых уже не было, когда в Симбирске появился первый фотограф... Художник позволил себе лишь одну, вполне оправданную вольность — примечательные здания города, которые должны были скрываться за волжским косогором, он “подтянул” к бровке”².

Между тем в трудах столичных искусствоведов, особенно в статье М. А. Алексеевой о серии гравюр российских городов, опубликованной в 1964 году в Ленинграде³, была довольно подробно раскрыта предыстория создания поволжской части серии гравюр, в которую вошел и Симбирск. Оказывается, не М. И. Махаев снимал с натуры вид нашего города, а подполковник Свечин Александр Иванович, который в 1764 году был командирован Правительствующим Сенатом из Петербурга в Казанскую губернию для обследования дубовых лесов и, будучи художником, не удержался от того, чтобы не запечатлеть во время экспедиции виды 28 городов, приложив к выполненным “проспектам” еще и краткие описания⁴.

Творческая инициатива Александра Свечина получила одобрение высокого начальства и с его благословения подполковник в июле 1765-го передал все эти материалы в Академию наук, указав в донесении, что

¹Призвание. — 1969, 4 января.

²Там же; Прометей. — М., 1971, № 8, с. 7.

³Сообщения Гос. Русского музея. VIII. — Л., 1964, с. 68.

⁴Там же.

для исправления черновых “проспектов” не имеет свободного времени и просит приказать М. И. Махаеву, чтобы тот, под его “смотрением”, их исправил и скопировал.

Однако известный мастер перспективных дел и лучший шрифтовщик столицы уклонился от выполнения этой просьбы, и подполковнику самому пришлось дорабатывать рисунки городов. Через полгода А. Свечин (уже получивший чин полковника) представил “14 проспектов разным российским городам” самой Екатерине II, которой они пришлись по душе, и 7 декабря 1765 года последовало повеление императрицы, “чтобы оные наградырованы (выгравированы. — Ж. Т.) были при Академии наук”¹. Как видим, рисунки полковника были настолько искусно выполнены, что императрица потребовала незамедлительно их гравировать.

Тем не менее канцелярия Академии наук, учитывая просьбу самого Свечина привлечь М. И. Махаева к отделке “проспектов”, поручила мастеру внести в них исправления в соответствии с требованиями “перспективной науки”, художественного искусства и граверных правил. На сей раз Михаил Иванович принялся за дело 6 марта 1766 года и даже с похвалой отозвался о работе полковника: “...Ежели б многие господа дворяне, оставив свои роскоши в беспутных забавах, да принялись бы за подобные и славу приносящие с пользою труды, бесспорно наше б государство другим лутшим ни в чем не уступило, но еще б и превзошло”².

В чем именно состояла доработка Махаевым 14 свечинских видов городов? Из задания Академии наук видно, что мастер должен был эти “проспекты... перерисовать, погрешности исправя, привести в один формат листа любской бумаги”. Кроме того, Михаил Ивано-

¹Сообщения Гос. Русского музея. VIII., с. 69.

²Там же.

вич старался оживить копии рисунков “украшением благопристойным”, а также фигурками людей и животных, которые выполнял его подмастерье М. Рыков.

Так уж случилось, что копия с “Вида города Симбирска вниз по реке Волге с береговой стороны” была снята Махаевым с учеником еще в 1767 году, но на гравировку она попадет только через три года и станет последней в свечинской серии, когда престарелый мастер Академии наук находился почти на смертном одре. Причина этой задержки с гравировкой, наверное, кроется в том, что в “проспекте” Симбирска Михаил Иванович встретил такую “расстройку объектов”, сделанную Свечиным при натуральных съемках, которую он затруднялся править без полковника, а он был где-то в отъезде. Пришлось обращаться за разъяснениями к людям, которые тоже бывали в Симбирске и помогли представить неповторимый рельеф горы, на которой стоял волжский город¹.

В полной же мере трудности изображения общей картины Симбирска и его достопримечательностей со стороны Волги испытал Александр Свечин, которому из района нынешнего речного вокзала не были видны ни Богоявленская церковь, ни Покровский и Спасский монастыри, ни Троицкий собор, ни Никольская церковь, ни церковь Вознесения, да и кремль виднелся лишь верхушками башен и остатками юго-восточной стены. Художник-краевед А. Н. Блохинцев, написавший в 1974 году обстоятельную брошюру “Симбирск XVIII века (гравюра по рисунку М. И. Махаева)”, справедливо заметил: “Отдельные части города снимались в каждом отдельном случае со своего отдельно взятого места. Потом эти отдельные фрагменты были соединены художником в единую панораму. Вот почему некоторые части

¹Русское искусство XVIII — первой половины XIX века. — М., 1971, с. 263.

гравюры кажутся зарисованными из района речного порта, другие — из района, где ныне расположен литейный цех моторного завода (ул. Кирова), а третья — где-то из района старого железнодорожного вокзала”.

На практике это выглядело примерно так. Александр Иванович Свечин, остановившийся в какой-то гостинице Симбирска, вместе с камердинером и помощником, сведущим в съемках на местности, погрузив в экипаж парусиновую палатку, складные стол и стулья на железных винтах, рисовальные доски, готовальни и камер-обскуру со складывающимися ножками, а также “снимательные валерьяновские наугольники”, отправился, скажем, по Московской улице, по направлению к Свяиге, чтобы запечатлеть на бумаге Богоявленскую церковь с прилегающей к ней местностью и создать очередной городской пейзаж. Делалось это не на глазок, а с использованием оптических и измерительных инструментов, как правило, в одно и то же время дня (полуденное), с учетом того, что этот пейзаж должен стать частицей будущей панорамы города.

Съемки каждого пейзажа (отдельно по каждому храму и монастырю, несколько — по кремлю, общим видам города со стороны Волги и Свяиги) подполковник Свечин производил с помощью оптического прибора “камер-обскуры”, в которой отраженные через линзы контуры избранного для съемки городского объекта обводились карандашом на листе бумаги. В наиболее ответственных местах изображение наносилось с помощью специальной линейки, а большей частью — от руки.

Эта кропотливая работа заняла у Александра Ивановича только в Симбирске несколько недель. Здесь же он со своими помощниками расположил рисунки монастырей, кремля и почти всех храмов на узкой полосе, выстроив их как бы на горизонтальном плато, без учета спуска к Свяиге. Кажется, что взгляд на город брошен издали и немного сверху. За счет изображения

культовых зданий и кремля создавался сравнительно узнаваемый силуэт города. Гражданские же строения, как отмечал А. Н. Блохинцев, за исключением трехэтажного особняка с балконом (вблизи Спасского монастыря и кремля), скорее схематично обозначены, чем нарисованы, и выглядят невыразительно монотонно.

С. Л. Сытин считал “вполне оправданной вольность” художника (под которым он подразумевал М. И. Махаева) в том, что примечательные здания Симбирска, “которые должны были скрываться за волжским ко-согором, он “подтянул” к бровке”. Сопоставление же схематических изображений этих зданий, в частности Вознесенского собора, с фотографией 1860-х годов укрепило мнение Сергея Львовича о документальном характере панорамы¹. Гораздо сдержаннее подошел к ее оценке А. Н. Блохинцев, который полагал, что “если бы Махаев сам делал натурные съемки или зарисовки города, то он отразил бы характерный рельеф Симбирска. Работе же Свечина, по мнению Александра Николаевича, присущи “поспешность и схематичность съемок с натуры”.

Но так как первооснова панорамы — “съемки с натуры” Свечина до сих пор исследователям не известны, то невозможно представить в полном объеме вклад Махаева в создание панорамы. С уверенностью можно лишь сказать, что Михаил Иванович поработал над композицией облаков, а со своим подмастерьем придал декоративную живописность панораме изображением в нижней части ее деревьев, фигурок пешеходов и животных, жилищ горожан. Что же касается главной части панорамы — примечательных зданий и кремля, съемку которых с натуры производил Свечин с помощью “камер-обскуры”, то в мастерской Академии наук они подверглись лишь косметической отделке контуров.

¹Призвание. — 1969, 4 января.

Другими словами, автором “Вида города Симбирска вниз по реке Волге с береговой стороны” является подполковник Александр Иванович Свечин.

Наглядное представление о его незаурядном художественном мастерстве дают рисунки Казани и Чебоксар, сделанные в том же 1765 году, что и рисунок Симбирска, найденный в квартире М. И. Махаева после его смерти. Если сравнить сохранившийся рисунок А. Свечина “Вид г. Чебоксары. 1765” с гравюрой этого же города 1769 года, выполненной И. Е. Бугреевым по рисунку, авторами которого в современном каталоге значатся “Махаев М. И. и Свечин А. И. “, то невооруженным глазом можно видеть, что рисунок подполковника является вполне профессиональным, а с точки зрения исторической достоверности, никакой другой не может идти с ним в сравнение, ибо сделан с натуры умело и по возможности точно.

Уместно в связи с этим привести мнение известного чувашского искусствоведа А. И. Иванова-Ехвета, который в своей книге “По следам находок” (Чебоксары, 1977) так отозвался об изображении Свечиным в 1765 году нынешней столицы Чувашии: “Его рисунок в настоящее время хранится в собрании Государственного Эрмитажа. По его рисунку в 1769 году И. Бугреевым был выгравирован вид Чебоксар. Документально точному, поэтому исторически ценному рисунку ученого (подполковника Свечина. — Ж. Т.) как бы противопоставит опозитизированный лист гравера” (с. 26).

Действительно, “опозитизированная” гравюра Чебоксар, где соавтором Свечина значится Махаев, выглядит более живописно: вместо небольших парусных лодок изображены корабли с развевающимися вымпелами на мачтах, большая прогулочная лодка с пятью пассажирами. Значительно усложнена и композиция облаков на небе, а городские сооружения и магистрали выглядят так, что несведущий человек может подумать, что

перед ним вид не волжского городка, а какого-нибудь порта в Европе. Конечно, после проработки рисунка Свечина в мастерской Махаева мастеру И. Бугрееву легче было создавать привлекательную гравюру.

И все-таки в каталогах, справедливости ради, первым из трех авторов этого произведения надо было бы ставить художника — подполковника, автора композиции городского пейзажа и исполнителя рисунка с натуры. Затем должна идти фамилия Махаева, внесшего свою лепту в отделку рисунка и подготовку к гравировке и, наконец, фамилия художника-гравера. Примечателен и такой факт. В каталоге Государственного Русского музея указано, что гравюра города Кокшайска сделана Н. Я. Саблиным в 1771 году с рисунка А. И. Свечина (вовсе без участия Махаева)¹. Московские искусствоведы в каталоге выставки “Русские города в старинных акварелях, рисунках и гравюрах” 1984 года под особо дорогим для нас “Видом города Симбирска” поместили аннотацию:

“Махаев Михаил Иванович.

Свечин А. И. Художник середины XVIII в.

Гравер П. А. Артемьев”.

Думается, что настало время, когда фамилия Свечина будет значиться первой, место же инициалов займут имя и отчество — Александр Иванович, а искусствоведы и любители краеведения смогут познакомиться с очерком жизни и деятельности пока что таинственного подполковника Свечина, фигурирующего в каталогах под скромным званием “художник”.

Между тем он является потомком древнейшего дворянского дома (Долен) Европы, один из представителей которого в XIV веке принял православие и стал боярином у великого князя Александра Михайловича Тверского. От этого Василия Дола в пятом колене воз-

¹Сообщения Гос. Русского музея. VIII., с. 75.

ник род графов Левашовых, а в седьмом — и Свечиных¹. Многие поколения Свечиных являлись офицерами и генералами России (а некоторые и СССР), состояли в родстве с Огаревыми, Чичериными, Аксаковыми, Загряжскими, Львовыми и другими знатными дворянами². Молодой подполковник Александр Иванович Свечин, возглавлявший в 1764 году по поручению Сената экспедицию в Поволжье, был далеко не ординарным офицером: он глубоко знал инженерное дело, владел искусством рисования и не лишен был литературного дарования.

Не вдаваясь в подробности этой экспедиции (о ней писали и в академических трудах), коснусь лишь “Краткого исторического описания Симбирска, Сызрани, Кашпира”, которое 10 мая 1765 года представил подполковник А. Свечин в Правительствующий Сенат. Это описание стало доступно для широкого читателя после того, как его включил в свою брошюру “Историко-географический очерк Симбирска, Сызрани и Кашпира во второй половине XVIII века”, вышедшую в 1896 году в Симбирске, А. Н. Зерцалов.

В связи с тем, что Александр Иванович использовал в своем описании рассказы старожилов, в нем встречаются некоторые исторические неточности. Но его собственные наблюдения и язык, которым они изложены, представляют несомненный интерес для любителей старины. Вот как своеобразно пишет он о Симбирске: “Состоит в двух частях: первая — на высоком косогористом и весьма веселом месте; вторая — под немалой горой на берегу Волги...” Или чего стоит такая деталь: в городе имеется “школа французского и немецкого языков, в которой до 30 человек благородного юношества

¹Бобринский А. Дворянские роды... Ч. I. — СПб, 1890, с. 337.

²Руммель В. В., Голубцов В. П. Родословный сборник... т. 2, с. 23, 215, 281.

находятся". (Не в ней ли обучались будущий баснописец И. И. Дмитриев и его брат Александр?) Драгоценно и указание на то, что Симбирск имел "через реку Волгу перевоз на двух паромов".

Буду рад, если мое сообщение побудит других краеведов — историков, географов, искусствоведов продолжить сбор материалов о жизни, исследовательской и творческой деятельности полковника Александра Свечина, возглавлявшего в 1764—1765 годах одну из крупнейших научных экспедиций России.

ГУБЕРНСКИЙ АРХИТЕКТОР МИХАЙЛО РУШКА

Так необычно значится в общероссийском справочнике начала 1800-х годов имя и фамилия симбирского зодчего, не пожелавшего видоизменить малороссийское их написание на русское. При изучении же архивных документов о роде Рушко выяснилось более удивительное: оказывается, зодчий был выходцем “из швейцарской нации, а присягу на подданство России принял в 1787 году, когда вступил на службу в Московскую дорожную экспедицию “мастером каменных дел”¹.

Служба в первопрестольной, правда, продолжалась всего три года, ибо представитель симбирской казенной палаты в 1790 году уговорил его отправиться в далекое Поволжье и стать “машинным мастером мелекесских и других винокуренных заводов”, действовавших в Симбирской провинции. (Небезынтересно, что существовавшие здесь с начала 1730-х годов частные заводы, изготавлившие “хлебное вино”, то есть водку, в 1767-м были преобразованы в казенный винокуренный завод²).

Швейцарец, как уникальный мастер, получал приличное жалованье, пользовался казенным жильем. В Мелекесе родился у него сын, названный в честь деда Матвеем, и жить бы Рушко здесь, поживать да добра наживать. Да симбирский и уфимский генерал-губернатор барон О. А. Игельстром соблазнил в 1792 году Михаила Матвеевича занять место главного зодчего Симбирской провинции, освободившееся после И. П. Тоскани — автора проекта здания главного народного училища.

¹ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 811, л. 15.

²Касымов Ф. История Мелекесса и его окрестностей. — Димитровград, 1996, с. 35.

Поле деятельности Рушко — фактически первого “губернского архитектора” (так значилась официально должность) — открылось очень широкое: генеральный план Симбирска хотя и был утвержден Екатериной II в 1780 году, но центральная часть города — остатки кремлевской крепости и прилегающей к ней местности — нуждалась в перепланировке. Для наместника и органов его управления необходимо было сооружать приличные административные здания.

В первые годы жизни в Симбирске Михаил Матвеевич занимался текущими ремонтными работами, изучением всей городской застройки и налаживанием своей службы, да и всего строительного дела в крае, который с 1796 года получил наименование “Симбирская губерния”. Самой же крупной вехой в его творческой деятельности стал план Симбирска 1800 года. Этот план сохранял основные черты плана 1780-го, в частности, радиально-полукольцевую планировку центра в сочетании с прямоугольной на окраинах. Но появились и серьезные нововведения.

Так, Соборная площадь сменила круглую форму на квадратную. Бульвар на Большой Саратовской улице получил на всем протяжении одинаковую ширину (до 30 сажен), закрепившись тем самым в роли композиционной магистрали¹. За южной границей города, как отмечал Б. В. Аржанцев, теперь была обозначена трехлучевая композиция Александровского сада (которого на предыдущем плане не было), а перед ним предусмотрена квадратная площадь (ныне III Интернационала). На плане Рушко показывались не только отдельные кварталы, но и усадьбы с жилыми и хозяйственными постройками². Наконец, по плану 1800 года

¹Осятинский А. И. Строительство городов на Волге. — Саратов, 1965, с. 97.

²Аржанцев Б. В., Митропольская М. Г. Архитектурная летопись Симбирска (Вторая половина XVII — начало XX в.). — У-к, 1991, с. 21.

территория Симбирска официально расширялась до 500 десятин (против 120, имевшихся в первой половине XVIII века).

Вскоре после утверждения творения Рушко в Петербурге на повестку дня встал вопрос о размещении резиденций начальника губернии и вице-губернатора, а также губернского правления, судебных учреждений, казенной палаты, межевой конторы, архивов, полиции, топографии. В новостройках подобного рода нуждались десятки других вновь учрежденных губерний, а в казне не хватало средств, и Рушко трудился не столько над проектами новых зданий, сколько над приспособлением частных, приобретаемых казною.

В южной части Вятки еще в 1780 году был выстроен наместнический дом, но из-за отсутствия при нем сада и комплекса хозяйственных построек генерал-губернаторы предпочитали снимать благоустроенную усадьбу помещика В. Б. Бестужева, находившуюся напротив парадного подъезда главного народного училища. В 1801 году губернатор В. М. Сушков поручил М. Рушко обследовать старый наместнический дом и дать заключение о возможности его использования. Губернский архитектор предложил разобрать ветхое здание и пригодные материалы отдать на строительство Александровской больницы.

Для губернской же резиденции Михаил Матвеевич рекомендовал приобрести двухэтажный каменный особняк коллежского асессора В. М. Карамзина (старшего брата историографа Государства Российского), расположенный на Верхненабережной улице (ныне Пролетарской, около общежития педуниверситета), с прекрасным видом на Волгу. Василий Михайлович Карамзин соглашался уступить дом с садом и дворовыми хозяйственными постройками за 12 тысяч рублей. По смете, составленной Рушко, необходимо всего 3222 руб-

ля, чтобы приспособить эту усадьбу под жилье губернатора и его служебную канцелярию¹.

Как водится, завязалась переписка между Симбирском и Петербургом, во время которой в 1803 году губернатором стал князь С. Н. Хованский, и при нем владение Карамзина "со всею мебелью весьма опрятною, со всеми пристройками, садом и большим местом" казна купила всего лишь за 8 тысяч рублей. Однако князь решил отдать этот дом вице-губернатору, а для своей резиденции он облюбовал двухэтажный каменный особняк Бестужева с каменным двухэтажным флигелем и многочисленными службами во дворе.

В том же 1803 году Хованский доложил в столицу, что деревянные здания в Симбирске, в коих с 1780 года помещаются присутственные места, "пришли в совершенную ветхость и угрожают падением". Для сооружения же нового здания, согласно проекту и смете М. Рушко, требовалось 48 тысяч рублей. Министр внутренних дел согласился с необходимостью этого строительства, но при этом указал, чтобы оно производилось "сообразно утвержденным на сие вообще по государству публичным зданиям". Это означало, что присутственные места, в целях экономии средств, возводились бы с учетом разработанных для провинции типовых проектов, скажем, академика А. Д. Захарова.

Однако сие вовсе не означало, что присутственные места во всех губерниях походили бы друг на друга, как близнецы-братья. И в самом деле, если сравнить подобные казенные здания, строившиеся в начале XIX века в Саратове и Симбирске, то вряд ли кто станет утверждать, что их творцом был один и тот же зодчий. Достаточно отметить, что в Саратове корпус присутственных мест стоит внутри обычного жилого квартала и со стороны переднего фасада выглядит в виде буквы

¹РЦИА, ф. 1289, оп. 8, д. 18, л. 23.

“Ш” и краеведами даже не относится к числу достопримечательностей¹.

А вот Михаил Рушко сделал все, чтобы казенное здание стало украшением города: поместив его рядом с Соборной — главной площадью Симбирска, он передний фасад обратил к Волге и создал тем самым перспективу для устройства бульвара Венец. Здание внешне украшено характерным для классического стиля шестиколонным тосканского ордера портиком и треугольным фронтоном. И все-таки оно очень оригинально. Недаром автор монографии “Памятники архитектуры России” Г. К. Лукомский (Птг., 1916) считал детище симбирского зодчего выдающимся: “К числу красивых зданий присутственных сооружений отнесем еще симбирские учреждения, фасад которых также имеет традиционный портик, а все здание поставлено на высокий цокольный этаж таким образом, что открывается наружная, широкого марша, лестница, которая ведет прямо в первый этаж. Этим приемом фасад напоминает Александровский дворец в Царском Селе... Построено это здание в Кваренговом времени и быть может сам Кваренга... сделал проект...” (с. 152).

Независимо от того, чей проект — А. Д. Захарова или Кваренги — Рушко взял за основу, ему одному принадлежит честь привязки проекта на волжском косогоре, и это он поставил двухэтажное здание на высокий цокольный этаж и спроектировал наружную “широкого марша лестницу”, ведущую прямо на первый этаж, ему же принадлежит выбор формы и размера шести колонн, рисунок внешней отделки здания.

Необходимо отметить также, что Михаил Матвеевич в 1816 году изменил планировку верхнего и нижнего

¹Осятинский А. И. Строительство городов на Волге. — Саратов, 1965, с. 87; Малинин Г. Памятники и памятные места Саратовской области. — Саратов, 1971, с. 16.

этажей для улучшения размещения губернского правления, казенной и судебных палат, врачебной управы, приказа общественного призрения, губернского и уездных казначейств, совестного и уездного судов, чертежной мастерской. Наконец, после опустошительного пожара 1828 года Рушко руководил восстановлением корпуса присутственных мест.

Это здание (ныне занимаемое сельхозакадемией) является одним из немногих в стране архитектурных памятников эпохи классицизма и, конечно, важной исторической достопримечательностью нашего города. В нем бывали Д. И. и Д. Д. Минаевы (последний здесь служил, как и историк И. И. Пушкарев), И. А. и Н. А. Гончаровы, Н. П. Огарев, П. В. Анненков, В. Н. Назарьев, И. Н. Ульянов и многие другие видные деятели Симбирска. Во время грандиозного пожара 1864 года оно снова сгорело, но, как пишет П. Мартынов в книге "Город Симбирск за 250 лет его существования", было "реставрировано в лучшем виде". Однако Г. К. Лукомский полагает, что после реставрации "некоторые формы здания не носят подлинного классического отпечатка. Но если вернуть всем сохранившимся пропорциям прежние линии и детали, мы увидели бы, что этот фасад — действительно руки лучшего мастера".

Лет десять назад Ульяновский областной Совет народных депутатов решил передать корпус бывших присутственных мест областному краеведческому музею имени И. А. Гончарова. Остается надеяться, что ныне власть предрежающие поддержат это мудрое решение и спасут для грядущих поколений детище первого симбирского губернского зодчего.

Вернемся к 1804 году, когда по просьбе губернатора Хованского Петербург разрешил приобрести двухэтажный каменный особняк с флигелем (всего 23 комнаты) у В. Бестужева (с мебелью, картинной галереей и другим имуществом) за 17 тысяч рублей. Тогда же М. Руш-

ко составляет проект и смету на приспособление домов В. М. Карамзина и В. В. Бестужева под резиденции вице-губернатора и губернатора.

Дом Карамзина надлежало расширить, и губернский архитектор составил проект, согласно которому длина по переднему фасаду увеличилась на четыре окна, и именно таким видел дом А. С. Пушкин и схематично запечатлел его на рисунке 15 сентября 1833 года, когда направлялся из Симбирска в Оренбург. В несколько перестроенном виде бывший карамзинский особняк простоял до 1960-х годов, пока творцы реконструкции города, не представляя исторической ценности этого здания, не снесли его с лица земли. Эту досадную оплошность можно исправить, ибо в архивах сохранились детальные чертежи и планы, позволяющие с документальной точностью воссоздать не только особняк, но и интерьеры комнат¹.

Еще драматичней сложилась судьба бывшего бестужевского дома. Михаил Рушко при его реконструкции сохранил остовы обоих кирпичных зданий: надстроил на 195 сантиметров стены флигеля, то есть до высоты дома, а затем выложил между ними соединительную кирпичную коробку в два этажа и образовавшееся таким образом как бы единое здание подвел под общую крышу. Новый фронтон и портики с колоннами по бокам переднего фасада придали губернаторскому особняку и монументальность, и художественную завершенность.

В этом респектабельном дворце в сентябре 1824 года останавливался Александр I (проездом из Петербурга в Оренбург). Через десять лет, тоже на пути в Оренбург, несколько дней гостем дальнего родственника своей жены губернатора А. М. Загряжского был Алек-

¹ Трофимов Ж. Дом Карамзина. — Ульяновская правда, 1984, 27 сентября.

сандр Пушкин. А в 1834—1835 годах сюда, на службу, приходил выпускник Московского университета Иван Гончаров (чуть позже в этой же канцелярии служил его брат Николай Гончаров). В 1836-м во дворце останавливался Николай I, а в следующем году — его наследник, будущий Александр II (в сопровождении поэта В. А. Жуковского). Дважды здесь бывал Александр III, не говоря уже о других особах царствующего дома.

После падения династии Романовых дворец заняли рабочие и солдаты и он вошел в историю как “Дом Свободы”. С мая 1917-го в нем разместился Совет рабочих и солдатских депутатов, а потом и комитет РСДРП (б). В 1960-х годах в историческом особняке размещались областной комитет радио и телевидения, другие учреждения, а в 1968-м, несмотря на протесты общественности, здание было разрушено... Но опять-таки не все еще потеряно: сохранились планы и чертежи М. Рушко, по которым можно создать точную копию былой достопримечательности города. Чудесное было бы помещение для музея истории Симбирска — Ульяновска!

По проектам М. Рушко был перестроен двухэтажный каменный дом чиновника А. В. Зубова под помещение полицмейстера и управление полиции Симбирска на углу Дворцовой (К. Маркса) улицы и переулка, который в XIX веке именовался Полицейским, а ныне — Пожарным¹.

Это здание вместе с остатками бывшего женского Спасского монастыря было снесено в 1980-х годах. Михаил Матвеевич участвовал в перестройке частного дома на Покровской улице под “Дом трудолюбия” — заведение, где жили и обучались девочки из “благородного сословия”. Известно также, что “за труды по производству работ в доме симбирской комиссариатской комиссии для приема сукон” (на нынешней улице Куз-

¹РЦИА, ф. 1289, оп. 8, д. 18, л. 5.

нецова) губернский архитектор был удостоен награды военного ведомства¹.

В архивах сохранились и оригинальные проекты Михаила Матвеевича на сооружение в Симбирске служебных зданий, скажем, корпуса для казенной палаты, но из-за недостатка средств они не были осуществлены. Почти одновременно с архитектором М. П. Коринфским Рушко создал проект нового кафедрального собора (Александра Невского), но в творческом соревновании победил золотой медалист Академии художеств, чей проект напоминал одноглавый Исаакиевский собор в столице². По проекту же Михаила Матвеевича храм (пятиглавый) был сооружен в деревне Пятино (ныне Инзенского района)³.

Замечу, что даже некоторые из неосуществленных проектов Рушко представляют историческую ценность. Так, благодаря тому, что он составил план симбирской мужской гимназии для намеченной реставрации ее здания, мы имеем представление о том, каким его видели А. Пушкин, И. Гончаров. Признательны мы Рушко и за то, что он запечатлел на бумаге фасад и расположение комнат двухэтажного каменного дома Пустынникова (на его месте ныне стоит учебный корпус суворовского училища), который интересовал Пушкина в связи с работой над “Историей Пугачева” и где действовал первый публичный театр Симбирска⁴.

Служба Михаила Матвеевича в должности губернского архитектора продолжалась до выхода в отставку в 1828 году, то есть 36 лет! По его ли проектам или типовым (но в любом случае — с его ведома и под его наблюдением”) происходила застройка города домами

¹РЦИА, ф. 1263, оп. 1, д. 262, л. 374.

²Там же, ф. 1488, оп. 3, д. 1235, л. 4.

³Симбирские губернские ведомости. — 1995, 21 октября.

⁴Трофимов Ж. Страницы истории симбирского театра. — У—к, 1994, с. 9.

с мезонинами, антресолями и мансардами, обширными садами и комплексом хозяйственных строений. Особое внимание он уделял центру Симбирска, и можно сказать, что лучшие усадьбы — Ермоловых, Языковых, Хованских, Гончаровых, Столыпиных, Тургеневых, Карповых, Андреевых (Барыкиных) и многих других именитых граждан создавались не без его участия. И тот факт, что побывавший в 1838 году в Симбирске сенатор П. Сумароков отметил: “Город расположен правильно, прекрасно, лучше всех прежних (Тулы, Воронежа, Тамбова, Пензы и др.). Лучшая улица, Саратовская, шире всех улиц петербургских, кроме Невского проспекта. Другие: Покровская и Московская не столь хороши, но — хороши”¹. Это тоже заслуга Рушко.

Велика его роль как “мастера каменных дел” в подготовке нескольких поколений квалифицированных строителей-симбирян, которые потом с успехом воплощали в жизнь сложные проекты академиков М. П. Коринфского, И. А. Бенземана и других зодчих. Кстати, на улице Л. Толстого стоит здание, занимаемое ныне фармучилищем, проект реконструкции которого для удельной конторы составил М. П. Коринфский, строительными работами в 1836—1838 годах руководил “вольнопрактикующий архитектор” М. М. Рушко, а за окончательной отделкой наблюдал И. А. Бенземан².

За время своей многолетней службы в Симбирске архитектором Михаил Матвеевич получал чины и награды, приобрел права потомственного дворянина. Но для себя лично хором не построил и жил с большой семьей весьма и весьма скромно. К честному служению и детей своих воспитывал. Упомяну об одном из них — Петре Михайловиче Рушко, который в 1807—1815 годах

¹ Сумароков П. Прогулка по 12 губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году. — СПб, 1839, с. 161.

² ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 444, л. 13, 35.

подпрапорщиком российской армии воевал против турецких и наполеоновских войск в Бессарабии, Валахии, Польше, Пруссии, Австрии, Силезии, Баварии, Богемии и в самой Франции. А после возвращения в Россию поручик Петр Рушко оказался на Кавказе, где участвовал в стычках с горцами в Чечне, под Дербентом, Кубой, Кизляром. Отдав боевой службе 15 лет жизни, в звании штабс-капитана он увольняется в отставку и возвращается в Симбирск, где вскоре становится скромным чиновником удельной конторы. Просматривая дела этой конторы, из формулярного списка о службе Ивана Ивановича Рушко — уже внука зодчего — я выяснил, что он летом 1855 года (в одно время со Львом Толстым) отважно защищал Севастополь, за что был произведен из прапорщиков в подпоручики. Отслужив в армии 13 лет, штабс-капитан Иван Рушко тоже вернулся в Симбирск и до 1878 года служил в той же удельной конторе¹.

Потомки главного архитектора Симбирска жили также в Сызрани, Самаре, Казани, и если кто-нибудь из них хранит документы об основателе славного рода, то сделает доброе дело, когда познакомит с ними сотрудников Ульяновского краеведческого музея им. И. А. Гончарова. Вклад Михаила Матвеевича Рушко в строительство Симбирска, а также уездных городов (Сенгилея, Ставрополя, Самары, Сызрани, Карсуна, Канадея, Тагая, Котякова, Алатыря, Ардатова, Курмыша и Буинска) значителен, и его творческая деятельность с полным основанием может стать не только темой дипломной работы, но и кандидатской диссертации. Имя же замечательного зодчего уместно увековечить мемориальной доской на фасаде бывшего здания присутственных мест, и в наши дни украшающего Новый Венец.

¹ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 1190, л. 3.

ЗОДЧИЕ-АКАДЕМИКИ

В архитектурную летопись Симбирска первой половины XIX века особо яркие страницы вписали питомцы Петербургской академии художеств М. П. Коринфский и И. А. Бенземан. Биография первого из них, особенно в связи с его вкладом в сооружение комплекса зданий Казанского университета, довольно широко известна, но не свободна от мифического налета. Имя же второго академика, даже среди краеведов, более столетия было почти неизвестным.

1. М. П. КОРИНФСКИЙ

В “Советском энциклопедическом словаре” (М., 1983) читаем справку: “Коринфский (наст. фамилия Варенцов) Мих. Петр. (1788—1851), рус. архитектор, представитель ампира. Собор в Арзамасе (1814—42), библиотека, анатомический театр и обсерватория университета в Казани (1830-е гг.)” (с. 630). Почему же здесь не отмечена его деятельность в Симбирске — можно только гадать. А вот для объяснения происхождения фамилии зодчего приведу строки из неопубликованной автобиографии его внука — известного поэта Аполлона Аполлоновича Коринфского:

“Родоначальником потомственных дворян Коринфских был дед — Михаил Петрович, разыгравший на театре жизни роль маленького Ломоносова. Он был сын арзамасского крестьянина-мордвина Варенцова, променявшего земледелие на мелкую торговлю. Выучившись грамоте у приходского дьячка, он встал за прилавком лавочки своего отца, видевшего в нем своего будущего преемника. Но судьба решила иначе: в голову мальчика запала мысль совсем о другой жизни, он при-

страстился к чтению и начал поглощать книгу за книгой. Случайно с сыновьями местного священника — воспитанниками Казанской духовной семинарии, он решается на побег из отцовского дома, где встречал суровое противодействие своим стремлениям к свету знаний, и с помощью друзей-семинаристов уезжает в Казань.

Счастливым случай, — продолжал внук-поэт, — дал ему возможность поступить в младший класс гимназии. Здесь он выделился не только успехами по всем предметам, но и выдающимися способностями к рисованию, — почему и был, по окончании гимназического курса, отправлен на казенный счет в Академию художеств, где избрал своей специальностью архитектуру. За представленный им план в коринфском стиле он получил большую золотую медаль и удостоился звания академика. Император Александр I, присутствовавший на торжественном акте Академии, заинтересовался личностью автора-художника и, узнав о его судьбе, повелел именоваться ему не Варенцовым, а Коринфским, собственноручно написав об этом на его конкурсном плане. Академик М. П. Коринфский был назначен городским архитектором в Казань, где и умер в чине действительного статского советника, отцом многочисленной семьи. Памятниками его деятельности остались многие казенные здания и храмы как в Казани, так и на всем Среднем Поволжье, выстроенные в его излюбленном коринфском стиле”¹.

Поэт-мемуарист появился на свет через 17 лет после смерти своего деда-архитектора, и думается, что в процитированный выше отрывок вкрались уже легенды (перекочевавшие позже и в энциклопедические словари), в частности, об учебе деда в казанской гимназии или о пожаловании ему Александром I звучной греческой фа-

¹ЦГАЛИ.

мии. А вот из автобиографии самого Михаила Петровича, а также по формулярному списку о его службе и исследованиям ученых можно представить, как именно разыграл он “на театре жизни маленького Ломоносова”.

Родился будущий знаменитый архитектор в 1788 году в Арзамасе, в мещанской семье, но не Варенцовых, а **Коринфских**. По прихоти какого помещика или чиновника и когда именно в российской глубинке появилась такая редкостная, экзотическая фамилия — неизвестно. Зато известно достоверно, что родные Михаила, Коринфские, были резчиками по дереву, изготавливавшими, в частности, и церковные иконостасы по рисункам, которые, как правило, сами же и сотворяли. Так что будущий академик, как справедливо отметили исследователи, “рос в обстановке графического творчества, а потом и сам стал резчиком. Интерес к архитектуре у него пробудился с юношеских лет”¹.

Отец, передав сыну свои художественные знания, для дальнейшего их совершенствования определил его в арзамасскую школу живописи, которой руководил академик А. В. Ступин, а тот, убедившись в недюжинных способностях юноши, весьма скоро стал привлекать его не только как резчика, но и к производству строительных работ. Сам Михаил Петрович, вспоминая об этой поре своей жизни, писал: “Мало-помалу совершенствуясь по сей части, я производил уже практические строения по месту рождения моего, в городе Арзамасе и уезде оного. Но чувствуя в полной мере, что принятым мною способом нельзя надлежащим образом достигнуть совершенства во всех частях любимой мной науки, я отправился в С.-Петербург”².

¹Егоров В. В. Архитектор М. П. Коринфский. — Казань, 1961, с. 3.

²Там же.

Отважиться на этот шаг было нелегко, ибо Михаил Петрович принадлежал к податному сословию и надо было заручиться согласием родных и мещанского общества уплачивать за него налоги и подати. Кроме того, предстояла длительная разлука с женой и детьми. Различного рода препоны помог преодолеть А. В. Ступин, который и взял Коринфского с собой в столицу и представил там профессору Академии художеств А. Н. Воронихину. Знаменитый зодчий взял под свое крыло талантливого самородка, и тот в ходе годичных занятий так успешно освоил заданную программу, что экзаменаторы Академии художеств признали познания Коринфского “близкими с воспитанниками Академии, девять лет уже в оной образовывавшимися”¹.

Более того. Профессор Воронихин добился того, что совет Академии, в виде исключения, в 1810 году разрешил Коринфскому “вход в художественные классы вместе с воспитанниками Академии”, то есть на правах вольнослушателя. В том же году Михаил Петрович “за архитектурную композицию” был удостоен советом серебряной медали и получил разрешение участвовать в конкурсе на соискание золотой. Кроме того, Воронихин привлекал своего ученика для работ на строительстве Казанского собора, других величественных сооружений. Однако материальная необеспеченность и домашние обстоятельства вынудили Михаила Петровича в декабре 1811 года оставить Академию. Согласно же очень благожелательному представлению А. Н. Воронихина, совет Академии удостоил его аттестатом 1-й степени, в котором отмечалось, что за успехи в обучении “архитектурным художествам” Михаил Коринфский “возводится в звание художника” с правами чиновника 14-го класса, шпагой в награду, получает со своими потомками

¹Егоров В. В. Архитектор М. П. Коринфский. — Казань, 1961, с. 4.

на вечные времена возможность пользоваться правами и преимуществами свободного художника¹.

Свыше десяти лет молодой зодчий проектировал и сооружал церкви, казенные и частные здания в родном Арзамасе, других местах Нижегородской, а также Пензенской губерний. Но выполнение случайных заказов не позволяло Коринфскому в полной мере проявить свое дарование, и поэтому он в конце 1823 года без колебаний принял предложение занять место архитектора симбирского дворянского депутатского собрания для “надзора при производстве разных построек”². В действительности же князь М. П. Баратаев и другие руководители дворянства, наслышанные об одаренном архитекторе, пригласили Коринфского для срочной разработки проекта величественного храма в память Отечественной войны 1812 года на лучшей городской площади, близ старого кафедрального Троицкого собора. Михаил Петрович с блеском оправдал это доверие. Прибывший в Симбирск Александр I, ознакомившись с его проектом, одобрил замысел и собственноручно положил в основание храма камень и известку, “налично приготовленную для сего случая серебряною золоченою лопаткою”³. В дополнение к столь блистательному началу, совет Академии художеств за проект храма в Симбирске 16 сентября 1825 года избрал М. П. Коринфского в “назначенные академики”.

Милостивое отношение Александра I произвело глубокое впечатление на генерал-губернатора Нижегородского, Казанского, Симбирского, Саратовского и Пензенского, который в бытность свою в Симбирске поручил Михаилу Коринфскому “сделать проект сим-

¹РЦИА, ф. 789, оп. 1, д. 1544, л. 3.

²ГАУО, ф. 45, оп. 1, д. 101, л. 6.

³Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. — С-к, 1898, с. 124.

бирскому Гостиному двору” и впоследствии остался доволен представленным проектом. Симбирский гражданский губернатор, в свою очередь, счел нужным направить в октябре 1826 года в столичную Академию художеств весьма лестный отзыв о М. П. Коринфском: “Сей художник совершенно оправдывает свое искусство и приносит честь собою месту своего образования... Сей художник неоднократно употребляем был для составления разных архитектурных проектов, большею частью строившихся под его смотрением, совершенно удовлетворяет всякого и, стараясь соблюсти все удобства, красоту и прочность зданий, за что и приобрел в крае полную к себе доверенность, благодарность и похвалу”¹.

Между тем собранных симбирским дворянством 50 тысяч рублей явно не хватало на создание грандиозного для города храма, и по-настоящему фронт работ развернулся лишь летом 1827 года. Но у энергичного Михаила Петровича время зря не пропадало. Он поставил церковь в селе Архангельское-Шигоны Сенгилеевского уезда, заложил внушительный Гостиный двор в уездном городке Карсуне, разработал проекты реконструкции здания мужской гимназии и Дома трудолюбия в Симбирске (школа-интернат № 17 на ул. Ленина). За последнюю работу императрица Мария Федоровна наградила М. Коринфского “золотой эмалью украшенной табакеркою”. А за “наблюдение без всякой платы за постройкой удельного дома в Симбирске” (сейчас в этом здании, расположенном на углу улиц Л. Толстого и 12 Сентября, находится фармацевтическое училище) Николай I пожаловал Михаилу Петровичу 23 января 1832 года бриллиантовый перстень. Внес свой вклад Ко-

¹РЦИА, ф. 789, оп. 1, ч. II, д. 607, л. 167.

ринфский и в сооружение Гостиного двора, проводившееся архитекторами А. И. Мельниковым и И. И. Лизогубом¹.

С большими трудностями, вызванными перебоями с финансированием стройки, остов соборного храма был завершен в 1832 году. Михаил Петрович мог гордиться своим новым творением: получилось благородное по общему силуэту сооружение, более зрелое и законченное, чем, скажем, созданный им же Воскресенский собор в Арзамасе. И вместе с тем собор в Симбирске прост в своем задании. Вот мнение специалиста: "Здесь мы видим тот же крестообразный план, четыре портика коринфского ордера, венчающий один барабан (вместо пяти) куполом. Острота углов между портиками здесь остроумно скруглена и занята глубокими нишами (иногда заполненными оконными проемами). Эти части здания имеют обычную для него рустовку, остальные же части радуют глаз своей гладью и белизной и игрой света и тени"².

В ближайшие годы, из-за нехватки средств, отделка собора не предвиделась, и Михаил Петрович принимает предложение попечителя Казанского учебного округа занять должность архитектора гимназии и университета. Последним из известных нам проектов, разработанных Коринфским в Симбирске, стал помеченный 28-м июня 1832 года проект монументального здания Казанского института благородных девиц. В Казани же Михаил Петрович создал проект реконструкции учебного корпуса губернской гимназии.

О личной жизни зодчего в Симбирске мало что известно. Когда он приехал сюда с женой Анастасией Александровной, то у них было двое детей — трехлетний Владимир и годовалый Адам. Под самое рождество, 23 декабря 1823 года, родился мальчик, первый симбирянин в семье, которого нарекли Аполлоном. Затем родились

¹Архитектор М. П. Коринфский. — Казань, 1928, с. 30.

²Там же.

еще четверо: в 1825 году — Николай, в 1830 — Анна, 1831 — Михаил и в 1832 году — Петр. Если справедлива версия, что в Симбирске Михаил Петрович овдовел, то это, наверное, связано с рождением последнего сына.

После переезда в Казань, где при участии гениального математика Н. И. Лобачевского Коринфский построил здания обсерватории, анатомического театра, библиотеки и другие сооружения университета, до сих пор впечатляющие своим неповторимым обликом, Михаил Петрович если и наведывался в Симбирск, то в качестве частного лица, владельца недвижимости. А вот его сыновья Николай и Аполлон, а также дочь Анна, унаследовав небольшое имение, припишутся к симбирскому дворянству. Но приумножить фамильную славу великого зодчего будет суждено уже поэту — внуку его Аполлону Аполлоновичу Коринфскому.

Главному творению М. П. Коринфского в Симбирске, строившемуся 17 лет и получившему название летнего кафедрального Свято-Троицкого собора, не повезло: во время пожара 1932 года он серьезно пострадал, а у местных властей в то время не имелось средств для его восстановления. Руководство Средне-Волжского края, в состав которого входил Ульяновск (находившееся в Самаре), не понимая исторической ценности храма, дало команду на снос этой одной из главных достопримечательностей города.

По иронии судьбы нашелся чиновник, по инициативе которого память М. П. Коринфского была увековечена оригинальным образом: на массивной чугунной мемориальной доске, установленной на фасаде дома бывшего Дворянского собрания, появилась надпись: “Это здание построено по проекту известного архитектора Коринфского и охраняется государством как памятник архитектуры”.

Но это не соответствовало истине, и я рассказал об этом в “Ульяновской правде” 28 мая 1965 года, назвав действительного творца исторического здания —

И. А. Бенземана. Прошло уже более тридцати лет, как мемориальная доска с ошибочным текстом была снята, а новая так и не появилась... Но имя и дела академика Ивана Адольфовича Бенземана достойны нашей памяти и уважения. И о нем пойдет речь в следующем рассказе.

2. И. А. БЕНЗЕМАН

В справочной литературе XIX века сведения об Иване Адольфовиче Бенземане нашлись только в юбилейном сборнике Академии художеств, изданном в Петербурге в 1864 году: "Родился 10 мая 1815 г. Сын сенатского секретаря. В 1824 г. поступил в Академию художеств, но в 1831-м уволен "за излишеством против штата". В 1833 г. получил звание свободного художника за проект "частного дома о 3-х этажах". В 1834 г. удостоился двух серебряных медалей. В 1838 г. избран в "назначенные", а в 1839-м присвоено звание академика".

Как ни скупы эти казенные строки, но и по ним нельзя не почувствовать незаурядных способностей 9-летнего мальчика, который, будучи сыном обрусевшего немца-дворянина с низшим чином коллежского регистратора, после домашней подготовки стал воспитанником школы при императорской Академии художеств, единственной в своем роде.

Занимался Иван на архитектурном отделении с завидным увлечением и успехами и уже 18-ти лет от роду был удостоен Академией художеств аттестата, согласно которому ему лично и его потомству предоставлялось право пользоваться "совершенною свободою и вольностью и вступать в службу, в какую, яко свободный художник, пожелает"¹. А еще через год за конкурсные проекты Бенземан был награжден Академией двумя серебряными медалями.

¹РЦИА, ф. 789, оп. 1, ч. II, д. 1748, л. 45.

Казалось, что Иван Адольфович имел все данные для того, чтобы заниматься любимым делом в Петербурге. Но места по специальности найти не удалось, и для заработка на хлеб насущный он был вынужден полтора года тянуть лямку канцеляриста в Департаменте государственных имуществ, чтобы удостоиться звания “запасного землемера”. Однако в 1834-м Иван Адольфович сумел-таки получить место помощника архитектора в престижном столичном Институте горных инженеров.

За три года работы по любимой специальности молодой зодчий завоевал хорошую репутацию, и кто-то из симбирских сановников осенью 1837 года предложил ему занять должность “канцелярского служителя” губернского дворянского депутатского собрания. Так непривлекательно значилась имевшаяся по штату вакансия, но Бенземану сразу же было сказано, что в действительности он будет работать архитектором.

В Симбирске, после пребывания здесь в августе 1836 года Николая I, накопилось немало градостроительных проблем. Надлежало соорудить новые здания Дворянского собрания и городского общества, провести капитальную реконструкцию губернаторской резиденции и расположенного напротив учебного корпуса мужской гимназии, предполагалось и возведение “благородного пансиона” при ней, а также устройство в центре нового микрорайона площади для установки в центре ее памятника Н. М. Карамзину.

Желание проверить свои знания и способности в городе на Волге оказалось сильнее, чем привязанность к родному Петербургу, и зимой 1837 года Иван Бенземан прибыл в Симбирск, где сразу же полностью отдался проектированию Дома дворянского собрания. Для этого, самого значительного, общественного здания, было выбрано лучшее место на Венце: рядом с губернаторским домом, губернскими присутственными местами, гимназией, зимним и летним кафедральными соборами, с великолепным видом на Волгу и заволжские дали.

Вся проектная документация уже с 1839 года находилась на рассмотрении в столичном Главном управлении путей сообщения и публичных зданий, которое в целом одобрило замысел И. Бенземана и утвердило составленную им смету расходов в размере 256 082 рубля, но предложило отложить начало стройки, пока не будут снесены находящиеся на намеченном для нее месте одноэтажные здания типографии, архива и чертежной. Не дожидаясь окончания подготовительных работ, Иван Адольфович “с соблюдением экономии” руководил возведением симбирского Дома трудолюбия, за что супруга Николая I наградила его в марте 1849 года бриллиантовым перстнем. А министр народного просвещения 18 декабря того же года объявил Бенземану благодарность за энергично проведенную реконструкцию здания мужской гимназии.

Хотя в мае 1841 года дворянство создало свой комитет для постройки Дома дворянского собрания, само возведение надолго задержалось, и Иван Адольфович сменил место службы, став архитектором строительной комиссии “благородного пансиона” при гимназии. Примечательно, что все годовое жалованье за 1842 год по сооружению этого здания (расположенного сейчас напротив парадного подъезда областного драмтеатра) в сумме 285 руб. 92 коп. зодчий пожертвовал в пользу этого “благородного пансиона”...¹

Стройка же Дома дворянского собрания началась в 1843 году. Иван Адольфович руководит ею и наряду с этим проектирует перестройку старого Дома дворянского собрания в Троицком переулке под губернскую почтовую контору². Под его же надзором возводилась лютеранская кирха (на ее месте в 1913 году была возве-

¹РЦИА, ф. 206, оп. 2, д. 1365, л. 5.

²Там же, ф. 1289, оп. 15, 1808 — 1870, д. 346, л. 3.

дена новая), а также велась реконструкция Никольской церкви близ губернаторской резиденции. А к рождественским праздникам 1846 года Иван Адольфович с огромным удовлетворением констатировал завершение всех отделочных работ в новом Доме дворянского собрания.

Это название имело двоякий смысл. С одной стороны, здесь располагалось губернское депутатское собрание, ежегодно проводились дворянские выборы губернских и уездных предводителей, депутатов в различные присутствия, попечительства, в судебные и полицейские органы. С другой стороны, здесь же функционировало дворянское собрание в форме клуба (со специальным уставом и членскими взносами), который проводил балы и танцевальные вечера, устраивал концерты и спектакли приезжих артистов и местных “благородных любителей”. Рядом с бальным залом, находившимся на втором этаже, соседствовали малый зал, гостиная, бильярдная, газетная и туалетные комнаты, буфет. В западной части здания, на первом этаже, размещалась Карамзинская общественная библиотека, имевшая вход с торца здания. На противоположной стороне, в бельэтаже, была оборудована многокомнатная служебная квартира для губернского предводителя дворянства, с отдельным входом со стороны Волги. Само собой разумеется, что зодчий спроектировал при Доме обширный двор, с людской избой, баней, ледниками, погребями, конюшней, каретным сараем и другими хозяйственными постройками.

Внешне Дом дворянского собрания был построен в виде традиционного провинциального дворца¹. Главный его фасад состоял из центральной трехэтажной части и двух двухэтажных крыльев. Два верхних этажа центра двор-

¹Лукомский Г. К. Памятники старинной архитектуры России. — Птг., 1916, с. 179.

ца, по выражению специалиста, “обработаны восемью трехчетвертными колоннами ионического ордера”. Парные пилястры, выступающие по бокам, подчеркивают выступающий объем парадной части здания. Двухэтажные крылья были обработаны горизонтальными тягами и простыми по рисунку сандриками над окнами верхнего этажа¹.

Весьма скромно выглядели и парадная площадка подъезда с четырьмя фонарями на чугунных столбах, и двойные дубовые двери с белыми стеклами, да и сами внутренние сени, из которых каменная лестница вела в главное помещение дворца — двухсветный балый зал. Благодаря таланту Ивана Адольфовича он поражал каждого посетителя своим изяществом и роскошью.

“Представьте себе великолепную бело-мраморную залу, — делился своими впечатлениями симбирянин в журнале “Москвитянин” (1850, № 8, с. 156), — шириною в 6 сажен, вышиною в 4 $\frac{1}{2}$ и длиною в 12 сажен, исполненную в афинском вкусе, всю изукрашенную лепною работою самого высокого стиля и удивительной отчетливости, освещенную тысячами свечей в 5-ти огромных хрустальных люстрах и 28-ми бра отличной работы. В кружевном плафоне залы, в самой середине, прилично помещены все 10 гербов симбирских уездов; остальные части плафона в лепных кругах, овалах, розетах и в множестве арабесков, которые соединяются орнаментами с карнизом и опускаются как бы пышным фестонем, вниз по мраморным стенам и пилястрам...

Зала соединяется шестью арками, — продолжал свое описание симбирянин, — против которых устроены портики с хорами, с пышною по убранству гостиною и с аванзалом: первая для дам, вторая для любителей виста, и весьма часто для вечернего пиршества или ужина,

¹Голенко Е. И. Ульяновск. — У-к, 1974, с. 22.

на котором 250 человек могут свободно поместиться". Иван Александрович Гончаров, побывав в 1849 году в клубе симбирского дворянского собрания, заявил, что он едва ли не "лучше всех столичных".

Придворные сановники К. Победоносцев и И. Бабст, сопровождавшие летом 1863 года наследника российского престола в путешествии по стране, тоже дали высокую оценку бальной зале Дома симбирского дворянства: "Залю и убранством ее нельзя было налюбоваться. Есть, без сомнения, в других городах залы более обширные и пышнее отделанные; но симбирская зала благородного собрания отличается изяществом постройки и пропорциональностью частей, которые не часто встречаются. Она вся белая; плафон отделан тоже белой лепною работою, нисколько не нарушающей общей простоты. Присмотревшись к физиономии многих других зал, — продолжали Победоносцев и Бабст, — мы были поражены видом этой, и всякий пожелал узнать имя ее строителя. Оказалось, что строитель ее архитектор Бензема, тот же самый, что строил около Карамзинской площади недавно возобновленную церковь Николая Чудотворца (16 апреля 1870 года в ней крестили Володю Ульянова. — Ж. Т.), обратившую на себя внимание великого князя при самом въезде в Симбирск — оригинальностью и красотою рисунка. Зала сама по себе изящная, была убрана с большим вкусом"¹.

Замечу, что за полтора столетия, прошедших со времени сооружения Дома дворянского собрания, он сгорал в пламени грандиозного пожара 1864 года, испытывал потрясения, связанные с разрухой эпохи гражданской войны 1918 — 1920 годов, однако после тщательной реконструкции 1990-х годов жемчужина исторического Дома — бальный зал — выглядит почти так же прекрасно, как и в первоизданном виде.

¹Победоносцев К., Бабст И. Письма о путешествии... — М., 1964, с. 257.

Как это ни печально, но Иван Адольфович за создание лучшего в городе общественного здания не получил такого вознаграждения, которое позволило бы ему хотя бы пару лет заняться настоящим творчеством. Более того, вскоре после ввода в строй Дома дворянского собрания руководство губернской удельной конторы, где Бенземан подрабатывал в качестве вольнонаемного свободного художника, вынудило его в мае 1847 года отказаться от этого единственного источника существования. Передавая дела в удельной конторе своему преемнику, Бенземан сдал и копию недавно законченного проекта на церковь в селе Шумовке.

Семейные обстоятельства заставили Ивана Адольфовича переехать из Симбирска в Сызрань, где он вынужден был устроиться архитектором тамошней удельной конторы и до 1856 года проектировать различного рода здания по указанию начальства.

Талантливый зодчий, оставивший самый значительный след своего творчества — в Симбирске, не дожил даже и до 45 лет, покинув вдову Александру Ивахниефну с девятью детьми без достаточных средств для сносного существования. В 1860 году вся семья Бенземана была внесена в родословную книгу симбирского дворянства. Однако с годами сыновья и дочери Ивана Адольфовича переехали в Астрахань, Саратов, другие города Поволжья и в столицы, а следы их потомков исчезли из виду краеведов.

Но имя замечательного зодчего, талантом которого было создано в Симбирске несколько архитектурных шедевров, навсегда останется в истории нашего города. Можно надеяться, что уже в 1997-м, в связи со столетием окончания строительства Дома дворянского собрания, нынешнего старого здания Дворца книги им. В. И. Ленина, на нем появится мемориальная доска, достойно увековечивающая светлую память о выдающемся художнике-архитекторе Иване Адольфовиче Бенземане.

ПЕРВЫЙ ИСТОРИОГРАФ СИМБИРСКА

Заядлые краеведы знают, что в Ульяновском областном госархиве имеется объемистый том в 660 страниц машинописного текста под названием: “Т. Г. Масленицкий. Топографическое описание Симбирского наместничества. 1785 г.”. Известно также, что замечательный просветитель и книгоиздатель Н. И. Новиков уже в 1791 году в своем ежемесячнике “Древняя Российская вивлиофика” опубликовал фрагменты из этого исследования Масленицкого и таким образом познакомил подписчиков с новообразованным “Симбирским” наместничеством. Широкий же читатель такую возможность получил лишь в 1853 году, когда в “Симбирских губернских ведомостях” были опубликованы избранные главы труда Масленицкого. Однако “Ведомости” стали со временем библиографической редкостью, и для современных историков “Топографическое описание Симбирского наместничества” Масленицкого стало доступным только в 1964 году.

Именно тогда из Центрального государственного военно-исторического архива в наш областной госархив поступила фотопленка с рукописи Масленицкого, а старейший архивист и знаток славянского языка Николай Николаевич Смирнов с помощью аппарата “Микрофот” перенес на бумагу им же отредактированный (сделав его понятным современному читателю) текст и передал его машинистке. Он же составил краткую справку о предыстории появления труда Масленицкого, а также привел “некоторые сведения” о нашем первом историографе. Суть их сводилась к следующему. Тимофей Григорьевич Масленицкий родился в 1745 году. Служение отечеству он начал на ратном поприще, но впоследствии перешел в гражданское ведомство. В 1781-м, в соответствии с указом Екатерины II, Академия наук направила три экспедиции в различные мес-

та России и в состав одной из них, для описания Симбирского наместничества, и был включен надворный советник Т. Г. Масленицкий. Н. Н. Смирнов сообщил также, что Масленицкий “очевидно, был крупным помещиком Симбирской губернии”, внесен в VI часть родословной книги симбирского дворянства 31 декабря 1800 года и, “возможно, был в числе первых директоров главного народного училища в Симбирске”.

Небогатая справка о видном исследователе, если учесть, что еще П. Мартынов в своей книге “Город Симбирск за 250 лет его существования” (С-к, 1898) назвал “Топографическое описание Симбирского наместничества” Масленицкого “замечательным трудом”, который “долгое время был единственным источником для знакомства с Симбирской губернией” и из которого еще “Новиков и Щекатов заимствовали сведения о Симбирске и Симбирской губернии для своих “Географических словарей”(с. 32).

Признаться, и мне долгое время не удавалось воссоздать даже основные вехи жизни и деятельности Тимофея Григорьевича Масленицкого, представить его как личность. И только в декабре 1995-го, собирая в Северной Пальмире материалы для очерков по истории Симбирска XVII—XIX веков, я наконец-то познакомился в Российском центральном историческом архиве с документами, содержащими существенные сведения о первом историографе Симбирска.

Род Масленицких, относящийся к древним дворянским фамилиям, берет начало в Новгороде и в качестве служилого дворянства известен с конца XVI века. Уже прадед Тимофея Григорьевича за верную ратную службу был пожалован поместьем в Торопецком уезде Псковской губернии. Там же поселился, в 1735 году, после выхода в отставку, ротный квартирмейстер Григорий Иванович Масленицкий. Своего единственного сына Тимофея он 16-ти лет поместил в столичный

кадетский корпус, откуда тот, после пяти лет учения, в 1766 году вышел поручиком.

Молодой офицер Тимофей Масленицкий, видимо, выделялся неординарными способностями, если по требованию генерал-поручика М. А. Леденева был привлечен к работе по сооружению “кратчайшей водяной коммуникации между реками Волховым и Волгою”. В составе Вологодского полка он участвовал в походах “против неприятеля в Крыму в 1769, 1770 и 1771 годах”, а затем, из-за расстроенного здоровья, уволился с чином секунд-майора в отставку и в 1772-м поселился в Торопецком уезде, в отчем имении.

Однако сельский хозяин из него не получился, и уже в следующем году, по приглашению того же Леденева, Масленицкий участвует в сооружении крупного канала знакомой ему коммуникации, где в полной мере проявились его недюжинные инженерные познания и дарования. Более того, как это отмечается в его служебной характеристике, Тимофей Григорьевич в бытность свою “при Канале сверх возложенных на него обязанностей обучал состоящих в учрежденной там школе учеников алгебре, фортификации, немецкой грамматике, истории и географии и перевел для тех учеников с французского языка три книги “Гидравлической Белидоровой архитектуры”, из которых первая вручена г-ну Леденеву, а последняя — генерал-прокурору князю Александру Алексеевичу Вяземскому”¹.

Сам факт того, что Масленицкий был ведущим преподавателем, причем не только по точным, но и гуманитарным наукам и языкам, училища, готовившего первых в России специалистов по гидротехническим сооружениям, не может не вызывать глубокого уважения к молодому офицеру. И совсем изумляет его перевод труда “Гидравлическая архитектура” всемирно известного

¹РЦИА, ф. 1343, оп. 25, д. 2063, л. 5.

французского ученого и инженера Бернарда Белидора, в котором подробнейшим образом освещался европейский опыт проектирования и сооружения фонтанов, каналов, шлюзов, плотин, гаваней, крепостей, изменения направления течения рек, а также излагались способы применения “водяных машин” (мельничных колес, насосов, землечерпалок).

В таком пособии нуждались как военные инженеры и строители, так и гражданские, преподаватели учебных заведений, но у Масленицкого не нашлось средств для издания перевода, и его рукопись ходила по рукам в считанных экземплярах. Более того, кто-то из власть предержащих после окончания работ по сооружению канала, вместо того чтобы использовать опыт Масленицкого на других стройках или в специальном учебном заведении, послал служить его 17 января 1780 года “воеводским товарищем” в Алатырь — глухой провинциальный городок. К счастью, уже 5 октября того же года Тимофей Григорьевич был назначен “асессором в симбирскую палату уголовного суда”, которая создавалась здесь в связи с образованием Симбирского наместничества. А через два года Масленицкий возглавил “винную и соляную экспедицию” симбирской казенной палаты, обеспечивавшей поступление основной части доходов огромного края. Вот тут-то, по совместительству, он и получил в марте 1782 года от Симбирского и Уфимского наместника генерал-поручика Ивана Варфоломеевича Якоби задание о “сочинении топографического описания губернии здешней”, то есть Симбирской, в соответствии с “запросными пунктами” императорского кабинета.

Наместническое правление, получившее к этому времени программу составления топографического описания края от Академии наук, объединило ее с новыми “запросными пунктами” и, по согласованию с Т. Г. Масленицким, определило, что сам он берется за “сочине-

ние градусов широты и долготы, места городов и губернии здешней, климата ее и воздушных перемен, истории городов и гербов и об остатках древностей”¹.

Одновременно уездные и губернский землемеры обязывались составить карты (в масштабе 14 верст в английском дюйме) с обозначением границ, положения городов, рек, озер и дорог. Капитан-исправники должны были доставить Масленицкому сведения об остатках древностей, достопримечательностях каждого села, деревни и слободы, указать местоположение почтовых станций, фабрик, заводов, мельниц, мостов, “знатных лесов, болот, степей и гор”, перечислить обитающих в крае зверей, птиц.

По просьбе Тимофея Григорьевича наместническое правление предоставило ему копии дел об открытии наместничества и разделении на округа, о новоучрежденных городах, почтовых станциях и почтовых дорогах, о светских властях и судах, а также планы губернского и уездных городов (масштаб 100 сажен в английском дюйме), рисунки и описания гербов.

При составлении своего историко-географического очерка о Симбирске и других городах края Масленицкий в качестве источников использовал “Древний российский летописец”, “Российскую историю” Татищева, “Труды академика Палласа”, “Географический о России лексикон” и “Оренбургскую топографию” Рычкова, а также, по его словам, “предания и рассказы современников, старожилов тех или других мест”. Удалось Тимофею Григорьевичу “партикулярно” получить несколько старинных летописей и описаний, в том числе от правителя Симбирского наместничества генерал-майора артиллерии князя П. М. Баратаева “О построении города Симбирска в 1648 году” и бывшего вице-губерна-

¹ *Масленицкий Т. Г.* Топографическое описание Симбирского наместничества. — С-к, 1785, с. 4.

тора И. В. Колтовского “О возобновлении города Алатыря в 1671 году”.

Значительно обогатило этнографическую ценность труда Масленицкого включение в него подробнейших описаний жизни и быта “иноязычных народов, обитающих в губернии здешней — чувашей, мордвы, татар и калмыков”, составленных буинским землемером капитаном С. Милькевичем на основании личных наблюдений.

Подробно поведав в предисловии о задачах своего труда и его источниках, Тимофей Григорьевич откровенно признался, что его работа осложнялась нехваткой времени, ибо все три года он продолжал исполнение и прямых своих служебных обязанностей. Вместе с тем с чувством исполненного долга он прозорливо выразил надежду, что будущему исследователю понадобятся собранные им материалы.

Прошедшие с тех пор двести с лишним лет полностью подтвердили правоту первого исследователя симбирского края. Его труд навсегда останется ценным источником не только для наших краеведов, но и Чувашии, Мордовии, Татарии и Калмыкии. Воздавая должное научному подвигу Тимофея Григорьевича, можно смело сказать, что в Симбирске 1780-х годов не было другого такого деятеля, который смог бы в столь короткий срок собрать гору различного рода описаний, статистических материалов, рукописных источников, тщательно изучить их, систематизировать, литературно обработать и создать стройное произведение, написанное простым и ясным слогом. Несомненно и то, что такое фундаментальное исследование симбирского края было по силам только человеку трудолюбивому и добросовестному, деятелю, глубоко преданному науке, горячему патриоту родиноведения.

Высокие, благородные чувства предопределили и другой немаловажный для культурной жизни Симбирска

поступок Т. Г. Масленицкого. Не прошло и года после предоставления, как отослал он в Академию наук свое “Топографическое описание Симбирского наместничества”, как до берегов города на Волге дошел утвержденный Екатериной II указ о народных училищах, которые надлежало создавать не только в столицах, но и в губерниях. Так вот, если не самым первым, то следующим директором симбирских народных училищ (помимо главного, в Симбирске, создавались и “малые народные училища” — в Тагае, Карсуне, Ставрополе, Самаре и других уездных городах) стал Т. Г. Масленицкий, сохраняя за собой и пост председателя “верхнего земского суда”¹.

Не без его участия симбирское дворянство в 1787 году собрало 20 тысяч рублей на “построение приятного дома для училища”², который и был возведен под его наблюдением (это двухэтажное здание ныне составляет часть старого учебного корпуса мужской гимназии, в которой учился Владимир Ульянов). Наверняка, как это предусматривалось законом, Тимофей Григорьевич имел служебную квартиру в здании училища.

Становление народных училищ в симбирском крае происходило в неблагоприятных условиях, ибо за исключением четырех учителей, присланных в Симбирск из Петербурга, остальных Масленицкому приходилось подыскивать самому, из воспитанников духовных семинарий, а также из грамотных желающих”³. Остро не хватало букварей, учебников, прописей, книг для чтения, наглядных пособий и многого другого, необходимого для организации учебного процесса. Тем не менее, как это видно из дневника будущего известного литератора И. А. Второва, уже в 1792 году училищной

¹РЦИА, ф. 1343, оп. 25, л. 5.

²Там же, ф. 1286, оп. 1, д. 153, л. 7.

³Там же, ф. 730, оп. 1, д. 102, л. 1.

библиотекой пользовался как он сам, так и другие чиновники Симбирска¹.

Почти десять лет продолжалась деятельность Тимофея Григорьевича на посту директора народных училищ губернии, и только 20 апреля 1798 года он подал прошение, в котором, по случаю определения его “председателем симбирской палаты суда и расправы”, просил избрать на его место другого директора училищ. Новый пост был более престижным, и на нем Масленицкий получил статского советника. Однако уже в 1799-м он подает начальству прошение об отставке вообще с государственной службы. И хотя ей было отдано 38 лет жизни, в том числе около 20 — в Симбирске, Тимофей Григорьевич так и не стал собственником крупной недвижимости.

Вот почему, когда встал вопрос о приписке в родословную книгу симбирского дворянства, ему пришлось сначала представить доказательства древнего происхождения своего дворянского рода с помощью документов, выданных в Псковской губернии. А уж затем документами своей жены Александры Алексеевны (урожденной Луткопной), владевшей в Троицком приходе Симбирска двумя деревянными домами и недвижимым имением в деревне Вырыпаевке Симбирского уезда, а также своей сестры Прасковьи Григорьевны Масленицкой, которой принадлежали земли и крестьяне в деревнях Мамадышево и Лукине Алатырского уезда, Тимофей Григорьевич обосновывает свою причастность и к здешнему дворянству².

Во время оформления симбирского дворянства Т. Г. Масленицкий съездил в Петербург, чтобы определить своего 17-летнего сына Федора подпоручиком в гвардию. Здесь он узнал, что “Гидравлическая архитек-

¹Рукописный отдел РНБ, ф. (Второвых) 163, оп. 1, д. 7.

²РЦИА, ф. 1343, оп. 25, д. 2063, л. 2.

тура" Белидора готовится к изданию на русском языке, но без указания того, что перевод осуществлен им еще 20 лет тому назад, и без упоминания его имени. Тимофеем Григорьевичем обращался в самые высокие инстанции, вплоть до самого Александра I, но так и не смог добиться признания своего авторства в переводе знаменитого труда Белидора...

Но в этой, казалось бы, безнадежной ситуации в полной мере проявились его принципиальность и настойчивость. Тимофей Григорьевич решил увековечить свою причастность к созданию крупных гидротехнических сооружений в России, а заодно и свое авторство перевода "Гидравлической архитектуры" Белидора уникальным образом: включить соответствующие символы в свой родовой герб.

И в письме, направленном в Департамент герольдии Правительствующего Сената, Масленицкий предложил "рисовальному мастеру" следующим образом означить его "упражнение в науках, долговременную и беспорочную службу и бытие при водных коммуникациях": разделить гербовый щит на три поля, "из которых в первом, голубом, поле поместить Меркурьев жезл и сову; во втором, красном, — прямостоящие весы, поддерживаемые выходящею из облаков рукою, а в третьем, золотом, — часть реки с головами канала и шлюза... Щит поддерживают два воина, в знак службы предков моих и моей в войсках".

Пожелание было в точности выполнено, и подлинник рисунка герба Масленицких хранится в фонде Правительствующего Сената, а копия воспроизведена в вышедшем в 1801 году в Петербурге "Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи" (часть VI, с. 73). В пояснительной записи говорится: "Фамилии Масленицких многие служили Российскому престолу дворянские службы в разных чинах и пожалованы были от Государей в 1635 и других годах поместьями. Все сие до-

казывается выписями из писцовых книг и копиею с определения Смоленского дворянского собрания”.

В последней фразе вместо “Смоленского” следовало указать “симбирское” дворянское собрание. Эта ошибка скорее является опiskeй писаря, но она невольно внесла путаницу в принадлежность рода Масленицких к нашему краю. Сам Тимофей Григорьевич, наверное, скончался вскоре после того, как вместе с сыном был внесен в VI часть родословной книги симбирского дворянства. Сын Федор, служивший в гвардии, на родину, видимо, никогда не возвращался. Вдова, Александра Алексеевна, в 1809 году продала основную часть имения, при деревне Вырыпаевке, и в документах более позднего времени Масленицкие в числе здешних помещиков уже не значатся.

Но вклад Тимофея Григорьевича в отечественную науку и просвещение настолько значителен, что имя и дела его не подлежат забвению. Они достойны памяти и уважения всех грядущих поколений. Уверен, недалек и тот день, когда “Топографическое описание Симбирского наместничества”, созданное в 1785 году Т. Г. Масленицким, будет тиражировано и станет доступным каждому, кто интересуется историей, природой, экономикой и этнографией отчего края.

ИСТОРИК ИВАН ПУШКАРЕВ

К числу славных имен, родиной которых была симбирская земля, П. Мартынов в своем сборнике "Город Симбирск за 250 лет его существования" отнес Ивана Ильича Пушкарёва — "известного автора "Описания г. С.-Петербурга и губернии" и многих других историко-статистических сочинений, современника Минаевых: товарища по гимназии Минаеву-отцу и сослуживца по симбирской казенной палате Минаеву-сыну"¹. Другой маститый исследователь, Н. Державин, выступая 12 декабря 1909 года в газете "Симбирянин" со статьей, посвященной 100-летию нашей мужской гимназии, среди ее видных питомцев тоже назвал И. И. Пушкарёва.

Биографические сведения в краеведческой литературе об Иване Ильиче до обидного скудны, а творчество его не получило должного анализа. Достаточно сказать, что в упомянутом капитальном сборнике П. Мартынова не говорится даже о том, что в 1837 году в столице вышло пушкарёвское "Историко-географическое описание городов Симбирской губернии". Зато некоторые другие краеведы безосновательно утверждают, что первой работой Ивана Ильича было "Описание Симбирска", вышедшее якобы в Петербурге в 1836 году². Личность же И. И. Пушкарёва представляет еще особый интерес своей судьбой: поразительно, каких выдающихся результатов добился мелкий провинциальный чиновник, причем без основательной научной подготовки, да еще и заслужил редкостное расположение высших лиц империи.

¹Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. — С-к, 1898, с. 326.

²Ульяновская правда. — 1988, 15 июня.

О родителях Ивана Ильича известно только то, что его отец, Илья Титович, в марте 1789 года был произведен Екатериной II из сержантов в прапорщики. Но на этом его воинская карьера и завершилась. Поселившись в Симбирске, он в 1797 году занял место смотрителя дома общественного призрения, на котором удостоился чинов титулярного советника и коллежского асессора¹.

Судя по всему, Илья Титович был человеком честным, трудолюбивым, любознательным и начитанным. Начальство ценило его, и он в качестве смотрителя "богоугодных заведений" города в течение трех лет руководил сооружением в Александровском саду (на территории нынешней областной больницы) губернской больницы и церкви при ней². Наконец, 30 августа 1814 года, по случаю окончания войны с французами, надворный советник Илья Пушкарев был награжден бронзовой медалью на Владимирской ленте в петлице, учрежденной в 1812 году³. Но в том же году он скоропостижно скончался, оставив жену, Мавру Васильевну, с шестилетним сыном⁴.

Материальное положение осиротелой семьи стало весьма скромным: в родовом имении Пушкаревых, в селе Дворянском Сенгилеевского уезда, состояли всего лишь три души, за матерью — семь душ крепостных. Правда, в губернском городе имелся собственный дом, да за многолетнюю службу главы семьи вдова получала на себя и сына пенсию, которой даже при строгой экономии не всегда хватало, чтобы свести концы с концами. И если бы не помощь со стороны прихода общест-

¹ГАУО, ф. 732, оп. 2, д. 118, л. 2, 3.

²Там же, д. 8, л. 1.

³Там же, д. 4, л. 2.

⁴Там же.

венного призрения, Николай Ильич не смог бы окончить четырехлетний курс мужской губернской гимназии.

Сразу же по окончании учения весной 1823 года друзьям-выпускникам пришлось решать вопрос с определением дальнейшей судьбы. Дмитрий Минаев отправился в Петербург, где был зачислен юнкером учебного саперного батальона. Иван Пушкарев не мог оставить мать жить в одиночестве, а нужда заставила его, 15-летнего подростка, начать служить канцеляристом в “симбирском совестном суде”. И только 31 декабря 1826 года Иван Ильич был произведен в коллежские регистраторы (низший по табели о рангах 14-й чин).

В эти же последние дни 1826 года Дмитрий Минаев окончил учебу в саперном батальоне и в чине прапорщика был определен в 3-й морской полк, дислоцировавшийся в Прибалтике. В 1828 году, когда Минаев получил четырехмесячный отпуск и приехал на родину, друзья встретились вновь. Если учесть, что оба они страстно увлекались литературой, историей и уже занимались стихотворчеством, то нетрудно представить, каким важным и плодотворным для молодых людей стали эти месяцы дружеского общения.

В последующее пятилетие Иван Ильич служил в канцелярии губернатора и казенной палате. Последнее учреждение, находившееся в доме присутственных мест (занимаемое ныне сельхозакадемией), с прекрасным видом на Волгу, являлось губернским органом Министерства финансов. Из аттестата Пушкарева о его службе видно, что начальство ежегодно перемещало его по различным отделам: из лесного — в соляной, затем — в хозяйственный и снова — в лесной, а в начале 1834-го он вышел в отставку и стал готовиться к переезду в столицу.

“Главною причиною удаления его из Симбирска, — вспоминал князь Василий Баюшев, — была проявив-

шаяся в нем страсть к литературным занятиям, которая никак не клеилась с канцелярскими понятиями его ближайшего начальства. Нередко зоркий взгляд секретаря подмечал, что молодой чиновник вместо рапортов и предписаний сочинял украдкой стихи, и, конечно, секретарь приходил в негодование от такого неуважения к достоинству канцелярии и делал сочинителю надлежащие замечания... Раз как-то он, по рассеянности, забыл вынуть из приготовленной к подписи начальства бумаги свое черновое произведение. Секретарь тоже не заметил... Это обстоятельство вызвало сильное негодование начальства на бедного поэта..."¹.

А перед тем, после десятилетних скитаний по городам и весям России, перевелся в Симбирск, в батальон военных кантонистов, подпоручик Дмитрий Иванович Минаев. У него имелось в столице немало знакомых по учебе в саперном батальоне, и вполне возможно, что именно Дмитрий Иванович дал письменную рекомендацию Ивану Пушкареву, которая и помогла ему по прибытии в Петербург получить место письмоводителя в Главном инженерном училище, состоявшем в ведении великого князя Михаила Павловича.

Кто-то из сановников, оценив литературные способности Пушкарева, создал ему благоприятную атмосферу, дабы Иван Ильич, оставивший занятия поэзией для дома, имел возможность всецело отдаться истории и статистике. Но первой его книгой, вышедшей в Петербурге в 1836 году, стало не "Описание Симбирска", как это считали В. Баюшев и другие краеведы, а "Рассказы моего отца. Тетрадь для юношества. Сочинение Пушкарева"².

Заказывая по межбиблиотечному абонементу эту библиографическую редкость, я надеялся, что из расска-

¹Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. — С-к, 1868, с. 248.

²ГАУО, ф. 732, оп. 2, д. 8, л. 1.

зов отца Ивана Ильича почерпну сведения о его родных, армейской, а затем и штатской службе, об общественной жизни Симбирска XVIII — начала XIX века, круге друзей и знакомых. Эти ожидания подтверждали и эпиграф к книге: “Россия — богатейший рудник: и золота, и серебра, и геройских подвигов, и бессмертных добродетелей. Слова моего отца”, и авторское посвящение: “Мавре Васильевне Пушкаревой. Другу-матери. С чувством глубочайшего уважения и живейшей благодарностью за благодеяния посвящаю плод трудов своих”.

Вполне автобиографично выглядят поучения отца, которые приводятся Пушкаревым в предисловии к книге: “Где бы ты ни был, куда бы судьба ни забросила тебя, сын, везде люби родину твою; ей одолжен ты своим существованием, ее чистыми водами утолял жажду, из ее недр тебе подавали пищу и одежду, и благо-растворенным воздухом ее дышал с раннего младенчества... Будь привержен сердцем и душою Монарху, служи верно и благоговейно... Законы природы и человечества возложили на тебя не менее священный долг любить меня и мать свою... Помни, сын, слова мои, и, поверяя на опыте, сам убедишься в истине, что человек, который не был добрым сыном, никогда не будет верным Отечеству гражданином”¹.

Эти и другие наставления, по словам Ивана Ильича, “отец подкреплял рассказами о жизни великих людей, анекдотами и преданиями русской старины, читанными в истории или слышанными от товарищей. Надобно заметить, что отец мой имел привычку всегда говорить со мною только про русских и на языке природном, хотя воспитывался в начале нынешнего столетия в пансионе, содержимом французом, и провел несколько лет молодости за границей по делам службы”².

¹Пушкарев И. Рассказы моего отца. — СПб, 1836, с. 6.

²Там же, с. 8.

Но при чтении исторических очерков, посвященных Дионисию, Пожарскому, Минину, Сусанину, Гермогену, Филарету и другим деятелям, прославившим отечество, выяснилось, что Пушкарев написал их не по рассказам отца, а главным образом на основании “Никоновской летописи”, “Истории государства Российского” Карамзина, “Сборника рукописей”, изданного в 1836 году Мухановским, “Истории Смоленска” и “Собрания государственных грамот и договоров”, на которые он в каждом очерке и делает сноски.

“Рассказы моего отца”, прославляющие династию Романовых вообще и царствование Николая I в частности, пришлись по духу шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу, и он через Министерство внутренних дел и губернаторов организовал в империи подписку на книгу И. Пушкарева, а собранные деньги по высочайшему соизволению были обращены на “вспоможение беднейшим жителям г. Пензы, наиболее пострадавшим от сильного пожара, бывшего в мае 1836 года”.

Успешный дебют провинциального публициста ознаменовался и тем, что он был назначен контролером в ведомство Государственного контроля “для занятий ревизиею в бывшей военно-счетной экспедиции”. Здесь Иван Ильич заполучил кладезь различных сведений о всех городах империи в “историческом, географическом и статистическом отношениях”. Естественно, что в первую очередь он сосредоточил внимание на материалах о родном крае, и уже весной 1837 года в столичной типографии И. Греча вышло его “Историко-географическое описание городов Симбирской губернии” с сыновним посвящением Пушкарева на титульном листе: “Родине Николая Михайловича Карамзина”.

Если “Рассказы моего отца” и даже “Историко-географическое описание городов Симбирской губернии” представляли собою скорее публицистические очерки, то законченное осенью 1838 года “Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии”

представляет собой объемистый (на 505 с.) и оригинальный справочник, написанный на основании источников, ранее никому не доступных.

Достаточно сказать, что необходимые документы и материалы Иван Ильич получал из архивов императорского Двора и министерств: внутренних дел, уделов, народного просвещения, финансов, а также петербургского военного генерал-губернатора. И на сей раз доступ к архивным сокровищам Пушкирев получил благодаря покровительству всесильного графа А. Х. Бенкендорфа. Наверное, не без его совета автор с благоговением верно-подданного посвятил свой труд императору.

В следующем, 1839 году Иван Ильич с разрешения наследника престола получает доступ и к архивам военно-учебных заведений и благодаря этому издает исчерпывающий (на 444 с.) “Свод постановлений о воспитании детей обоего пола в учебных заведениях Российской империи”, который станет основным руководством для родителей при определении детей в гимназии, корпуса, пансионы, институты и другие заведения.

Поистине уникальной трудоспособностью обладал Пушкирев: в 1841 году выходит дополненное издание “Описания Санкт-Петербурга”, через год он выпускает в свет “Путеводитель по Санкт-Петербургу и окрестностям его” более чем на 500 страницах, под личным наблюдением Николая I издает два тома роскошно иллюстрированной “Истории императорской российской гвардии” (1843 — 1845 гг.) и одновременно готовит многотомное “Описание России в историческом, географическом и статистическом отношениях” (1844 — 1846 гг.).

Все свои труды Иван Ильич преподносил Николаю I и членам его семьи, за что неоднократно удостоивался получения от них “золотых табакерок с живописью” и бриллиантовых перстней, чинов, орденов, почетных зва-

ний и должностей. Справедливости ради надо отметить, что за вычетом того, чего требовали расходы по изданию книг и удовлетворение архискрамных житейских потребностей, Иван Ильич многое жертвовал в пользу детской больницы, царско-сельского уездного училища (почетным попечителем которого он был избран), камер-юнкерской школы, учреждений “человеколюбивого общества”.

После того как “Описания” столичной, а также Архангельской, Новгородской и Олонецкой губерний были изданы, Пушкарёв, являясь членом-корреспондентом статистического отдела МВД, добился согласия начальства на подготовку исследования о Симбирской губернии. Председатель статкомитета МВД К. И. Арсеньев в 1846 году уведомил об этом симбирского губернатора и попросил оказать всяческое содействие И. Пушкарёву, который “в скором времени” направится в отчий край для сбора материалов¹.

Увы, резкое ухудшение состояния здоровья не позволило Ивану Ильичу совершить эту поездку, и заветная задумка не была воплощена даже в черновом варианте, ибо 25 марта 1848 года он скончался. “Ведомости С.-Петербургской городской полиции” и “Московские ведомости”, извещая об этом читателей, подчеркивали, что И. И. Пушкарёв известен изданием “разных топографических и этнографических книг о России и преимущественно о здешней столице”.

По просьбе Мавры Васильевны Пушкарёвой, пережившей своего сына, столичная полиция выслала в Симбирск ее “дворовых людей Григория Васильева с сыном его Федором и Ивана Иванова”, а также оставшиеся от покойного “вещи и деньги”².

¹РЦИА, ф. 1290, оп. 3, д. 142, л. 59.

²ГАУО, ф. 732, оп. 2, д. 4, л. 1.

В числе этих “вещей” оказались аттестаты и некоторые другие документы Ивана Ильича, хранящиеся ныне в областном госархиве. Дворец книги им. В. И. Ленина имеет фотопленку пушкаревской книги “Историко-географическое описание городов Симбирской губернии”.

Строго говоря, это не “описание”, а скорее **путеводитель** для столичного сановника, впервые прибывающего по Волге в Симбирск со стороны Жигулей. О высоком патриотическом настрое, с каким написана эта книжечка, можно судить по строчкам, рассказывающим путнику, когда он, миновав “очаровательный ландшафт” Киндяковки, приближается к губернскому центру: “Там наши Карамзин и Дмитриев, в юности своей, любили приветствовать весну и почерпали первые вдохновения из чистейшего источника Природы, и там лучшее общество находило всегда радушие хозяев, приют истинного удовольствия. Далее блестящие главы колоколен вылетают из зелени волнующихся садов. Потом показываются красные крыши домов, и, наконец, вы узнаете город: это Симбирск” (с. 12).

Затем в популярной форме рассказывается об истории Симбирска и края, его административном устройстве. Иван Ильич приводит данные о церквях и монастырях, учебных и богоугодных заведениях, численности населения (по сословиям), называет лучшие улицы, площади, а также количество садов и огородов, торговых заведений, приводит характеристику климата, нравов простого люда.

Но не статистические данные (их можно почерпнуть из губернаторских отчетов), а эмоционально написанные картины достопримечательных мест Симбирска привлекают внимание читателя. Вот что представляется в рассказе Ивана Ильича путнику, пришедшему на Венец: “Склон горы покрыт садами, между коих проглядывают красивенькие домики, извиваются излучистые дорожки, ведущие к берегу. С закатом солнца, в тихий

весенний вечер, приятно провести свободный час на Венце; едва смеркается, ароматный запах яблонь и лип разливается в воздухе, наступает безмолвие, окрестности дремлют; огоньки внизу, на островах, то мелькнут, то исчезнут; порою даже слышно, как весла рыбака рассекают сонные волны, но когда раздастся вдалеке заунывный напев "Вниз по матушке по Волге", сердце зрителя наполняется безотчетным восторгом".

А с какой гордостью автор представляет путешественнику своих земляков: "Резкими, привлекательными чертами лица, высоким, стройным ростом, русыми волосами, привлекательностью, радушием и деятельностью коренные жители Симбирска напоминают древних славян и отличаются от обитателей южного края России, упрямых, ленивых, молчаливых потомков половцев, черкес и черных клобуков".

По всей видимости, этот путеводитель был написан Пушкаревым по заказу придворных в связи с предстоящим летом того же 1836 года визитом Николая I в Симбирск, и царь, наверное, соотносил прочитанное с реальной действительностью. Но и сейчас, 160 лет спустя после выхода в свет книги "Историко-географическое описание городов Симбирской губернии", она не потеряла научной ценности, является важным источником о Симбирске той поры, когда здесь жили Языковы, Минаевы, Гончаровы, бывал Пушкин. Труд скромного труженика Ивана Ильича Пушкарева, горячего патриота, всегда будет любопытен и полезен для каждого, кто интересуется прошлым своего края.

ТРУДЫ И ПОДВИГИ ПИТОМЦА ГЕНШТАБА ЛИПИНСКОГО

В конце 1868 — начале 1869 годов секретарь симбирского губернского статистического комитета В. А. Ауновский несколько раз помещал в “Симбирских губернских ведомостях” сообщение, привлечшее внимание любителей географии и истории нашего края: “Недавно статистическая литература обогатилась **замечательным** статистическим трудом — весьма подробным описанием Симбирской губернии, составленным Генерального штаба полковником Липинским. Труд этот так важен, что обратил на себя монаршее внимание. Полковник Липинский за него получил орден св. Владимира 4-й степени. Для нас, жителей Симбирской губернии, сочинение это должно быть особенно интересно не только потому, что касается нашего края, но что в нем сохранены интересные документы, погибшие в пожар 1864 года. Главный штаб, — подчеркивалось далее в газетном сообщении, — принимая во внимание, что сочинение это должно иметь значительный круг читателей в Симбирской губернии, для удобства приобретения, просил статистический комитет принять на себя комиссию по продаже издания; на что комитет, изъявив согласие, просит желающих получить это сочинение (в двух частях) с платою 2 рубля, обращаться в статистический комитет, помещающийся в здании пансиона губернской гимназии”.

С той поры прошло почти 130 лет, а двухтомное исследование генштабиста и ныне является незаменимым источником для всех, кто занимается прошлым нашего края. И если бы велся формуляр на этот труд, то он представлял бы собою солидную тетрадь с автографами многих поколений краеведов. Естественно, что наиболее дотошные читатели интересуются предысторией по-

явления на свет **“Материалов для географии и статистики”** Симбирской губернии и личностью автора-полковника. Но до самого последнего времени не были известны даже имя и отчество Липинского и хотя бы основные вехи его жизни и деятельности. И только недавно, дав себе слово во что бы то ни стало разыскать эти сведения, я обнаружил их в очерке Н. П. Глиноецкого об Академии Генерального штаба, изданном в 1882 году в Петербурге. А уж затем, в различного рода справочниках, особенно касающихся русско-турецкой войны 1877 — 1878 годов, оказалась масса материалов о Липинском как о герое Шипкинской эпопеи, о многих эпизодах борьбы славян против османского ига.

Александр Иосифович (Осипович) Липинский, поляк по национальности, родился в семье шляхтича, подростком был отдан в Московский кадетский корпус, который с отличием окончил в 1848 году и в чине прапорщика был зачислен в лейб-гвардии Павловский полк. В составе гвардейских войск молодой офицер получил боевое крещение в зарубежных походах 1849 и 1854 годов. Служба у Липинского шла так успешно, что уже в 1857-м он стал слушателем только что созданного в Академии Генерального штаба геодезического отделения, где углубленно изучались: высшая математика, теоретическая механика, физика, астрономия, фортификация, топография, статистика, политэкономия, европейские языки, российская словесность, законоведение.

Трудно сказать, как бы сложилась карьера Александра Иосифовича, если бы не знакомство в Академии со штабс-капитаном Николаем Ивановичем Покровским, который познакомил его со своими трудами по составлению топографического и статистического описания... Симбирской губернии! Болезнь вынудила Покровского в 1859 году уйти в отставку и за продолжение его дела, с согласия начальства, взялся Липинский, который с благодарностью и почтением вспоминал:

“Покровский задумал дело весьма широко. В течение двух лет он собрал множество материалов по части исторической и отчасти этнографической, а для собрания новейших сведений по этнографии вошел в сношение со всеми приходскими священниками губернии — труд обширный, но, к сожалению, не принесший для дела статистики той пользы, какой следовало ожидать, так как только весьма немногие священники могли дать ответы утвердительные...

Более интересны и весьма полезны, — продолжал Липинский, — были для меня личные заметки г. Покровского, веденные им при объезде губернии, в форме попутного журнала и, как я мог убедиться впоследствии, с чрезвычайною точностью. Здесь записывал он все, что обращало на себя его внимание, иногда до мельчайших подробностей: сколько в селении ям для скидки смолы, гонки дегтя, сколько ветряных мельниц, сколько семейств занимается деланием кулей и трепанием шерсти и т. п. Хотя работа в таком размере и не могла быть доведена до конца, но тем не менее она дала мне возможность, не приступая еще к работе, познакомиться довольно подробно с условиями быта различных местностей губернии, особенно промыслов. Вообще историческая часть г. Покровским была достаточно выполнена, по части этнографической собраны значительные материалы”.

В наследство от Покровского достались также многочисленные рекогносцировки, планы, карты и схемы.

Для окончательной же обработки этого наследства и для личного ознакомления с городами и весями Симбирской губернии Александр Иосифович шесть раз приезжал сюда в командировки и, таким образом, за 1860 год смог побывать в 1162 населенных пунктах центральных и северных уездов. А с июня по октябрь 1861-го он объехал южные и западные уезды.

В ходе этих поездок генштабист добывал необходимые сведения и материалы у управляющих помещичьими и удельными имениями, в конторах фабричных производств, а также у старожилов. Так, при содействии купеческого старосты села Промзино полковник получил сведения о хлебной торговле на всех сурских пристанях за последние три года, о “способах составления и сплава петербургского каравана”. Определение средней урожайности в 58 помещичьих имениях за трехлетие Липинский подсчитал по учетным конторским книгам. Благодаря любезности владельцев суконной фабрики в селе Линевке Симбирского уезда Липинский не только получил возможность познакомиться со всем производством, но и с секретами составления красок для форменного армейского сукна. По договоренности с командиром 6-й пехотной дивизии батальонные медики составили характеристики санитарных и климатических особенностей всех восьми уездов губернии. Преподаватель губернской гимназии В. Панов предоставил таблицы метеонаблюдений, производившихся им с 1855 года.

С особой благодарностью отзывался Александр Иосифович о помощи, оказанной ему секретарем губернского статистического комитета М. В. Арнольдовым, чьи статьи и очерки по истории, статистике и этнографии уже несколько лет публиковались в “Симбирских губернских ведомостях” и “Памятных книжках”.

Какую-то помощь в сборе материалов о Симбирской губернии Александру Иосифовичу оказывал его младший брат Василий Иосифович, воспитывавшийся в свое время в Полоцком кадетском корпусе и Петербургском Дворянском полку, а в 1862 году завершивший учебу в Академии Генерального штаба. В связи с польским восстанием и “Казанским заговором” 1863 года, в котором приняли участие и офицеры — земляки братьев Липинских, Александр и Василий Иосифовичи на какое-то время тоже попали в поле зрения жандармов за сочув-

ствие “польскому делу” и порицание жестокого “подавления мятежа”¹. Перлюстрируя переписку Липинских, симбирские охранители заметили их нерасположение к помещикам, старающимся соблюсти корысть при “освобождении” своих крепостных, закабалить их экономическими путями.

К счастью, для Липинских эти оппозиционные настроения были признаны за либерально-буржуазные и Александр Иосифович смог к 1864 году завершить топографическое и статистическое описание Симбирской губернии и сдать в редакционный отдел Генерального штаба окончательно обработанную рукопись вместе с картами (в том числе почв и этнографической), планами всех городов, чертежами и рисунками, а также путевыми журналами И. Н. Покровского.

Пересказать даже вкратце содержание труда объемом свыше 80 печатных листов (6 томов обычного формата) невозможно. Здесь помимо исторического очерка имеется самое подробное в краеведческой литературе географическое и топографическое описания Симбирской губернии (географическое положение, границы, пространство, географические свойства поверхности, описание топографического характера, геологический очерк, геогностический состав почв, описание рек и озер, сухопутных и водных путей сообщения, климата, животного и растительного мира, полезных ископаемых).

В отделе “Народонаселение” Липинский подробно характеризует жителей края по национальностям, вероисповеданию, сословиям и возрасту. При этом нельзя не заметить, что при изложении своего взгляда на симбирян “в физическом и нравственном отношениях” автор с нескрываемой симпатией описывает простых тружеников: “Лицо русского крестьянина отличается простым, но умным выражением; глаза серые или

¹ЦГВИА, ф. 725, оп. 1, д. 14, л. 315—318.

голубые, — редко карие, волосы русые и мягкие. Сложение крепкое и правильное, даже красивое. Походка медленная, но твердая; во всей фигуре заметна беззаботность и уверенность... Природный ум русского, его смекалка, а главное, умение сходить с инородцами развивают к нему доверие и уважение последних”¹.

“Мордвин отличается честностью и добродушием, — продолжал Александр Иосифович свое описание, — трудолюбив, гостеприимен, но малоразговорчив... Мордовки отличаются твердостью характера... В мордовский язык вошли многие русские слова, в свою очередь и русские, живущие вместе с мордвою, хорошо говорят на их языке”.

“Чуваши отличаются честностью и гостеприимством. Во многих чувашских селениях не знают замков... Женщины-чувашки отличаются какой-то серьезностью, чистотой нравов, а нарушение верности мужу считается делом невероятным... Чуваши говорят только на собственном языке, по необходимости же выучивают несколько употребительных фраз по-русски... Письменности не имеют”.

“Татары народ промышленный и торговый, хотя они и хлебопашеством занимаются весьма успешно... Отличаются особенным тактом и ловкостью в торговых делах... Семейный быт татарина обуславливается религией, которая определяет полную подчиненность женщины. Гостеприимство есть одна из отличительных его черт, и гостя он чествует не разбирая ни религии, ни племени”.

С удивительной тщательностью генштабист запечатлел сельскохозяйственное производство, особенно хлебопашество (распределение земель по почвам и хозяйственному назначению, характер полевых работ, уро-

¹ Липинский А. Указ. соч., с. 323—325.

жайность и сбор хлеба в губернии и за ее пределами и т. п.). Зоркая наблюдательность исследователя проявилась и при описании им луговодства, огородничества, садоводства, лесоводства, звероловства, птицеводства, пчеловодства, рыболовства, а также состояния помещичьих и удельных имений, хозяйств различных категорий крестьян. Обстоятельно освещена Липинским и обрабатывающая промышленность (особенно суконная, кожевенная, винокуренная), кустарные промыслы и торговля.

Немало ценных наблюдений автора и статистических сведений вошло в разделы: “Образованность”, “Умственное образование”, “Общественная жизнь” и “Управление”. И, конечно, незаменимым историческим источником является заключительный раздел двухтомника “Описание городов Симбирской губернии”, в котором после рассказа о губернском центре следуют описания уездных городов и их жителей, состояния промышленности, торговли, общественной и умственной жизни, основных достопримечательностей.

Двухтомник “Материалы для географии и статистики” о Симбирской губернии выгодно отличался от большинства аналогичных исследований по другим регионам России многообразием и глубиной сведений по физической и экономической географии, исторической достоверностью и добротной литературной обработкой. Закономерно, что неординарный труд полковника Липинского был благосклонно принят профессурой Академии Генерального штаба и не без ее влияния Александр Иосифович был удостоен ордена и поста начальника штаба 36-й армейской пехотной дивизии, а в следующем, 1869 году он получил престижную должность командира 35-го пехотного Брянского полка.

Молодой, инициативный, исполнительный и вместе с тем решительный, с солидным боевым опытом, ши-

роко образованный, да и внешне очень представительный полковник пользовался заслуженным авторитетом как у своих подчиненных, так и у высокого начальства, особенно у командира 8-го корпуса генерал-лейтенанта Ф. Ф. Радецкого. Этот brave генерал, отличившийся в сражениях на Кавказе и в Венгрии, с объявлением 24 апреля 1877 года Россией войны Турции выдвинул Брянский полк в авангард. А в ночь с 26 на 27 июля с началом переправы через голубой Дунай русской армии и болгарских дружин, только что получивших из рук волжан Самарское знамя, командир корпуса поручил полковнику Липинскому занять островок на Дунае и оттуда прикрывать свою артиллерию и другие части¹. Александр Иосифович блестяще выполнил эту уникальную задачу, за что был награжден золотой саблей с надписью “За храбрость”.

В составе передового отряда частей 8-го корпуса Липинский со своим Брянским полком освобождал древнюю болгарскую столицу Тырново, после чего был направлен к Ловче. Звездным же его часом стала шестидневная героическая оборона Шипкинского перевала, во время которой русские гренадеры и болгарские ополченцы преградили путь турецкой армии в Забалканье.

От огня турецких батарей и яростных атак турецких таборов и гвардии погибло большинство офицеров и солдат Брянского и Орловского полков, державших оборону центральной позиции на Шипке. Настал и такой критический момент, когда дрогнули изреженные ряды россиян и болгар. “Увидев это, — писал А. Старчевский, — полковник Липинский бросился на шоссе с 20-ю человеками, остававшимися еще около него в качестве резерва: “Куда вы, братцы? Куда? Назад в лонжементы (полевые окопы. — Ж. Т.), на позицию! От-

¹Генов Ц. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и подвиг освободителей. — София, 1979, с. 12.

ступления нет, не будет и быть не может! Сейчас придут подкрепления, они уже близко... Назад!"

Тогда смешанная толпа брянцев, орловцев и болгарских дружинников, всего человек полтора ста повернулась назад, к этой горсти примкнули и легко раненые, добровольно прибежавшие с перевязочного пункта. Эта горсть измученных героев окончательно решилась на смерть и отвечала Липинскому громким одобрением и русским "ура". Через какое-то время на подмогу по ущелью добрались три роты стрелков во главе с самим генералом Радецким. Для того, чтобы они смогли занять позиции, Александр Иосифович приказал 11-й роте брянцев броситься в атаку. "Да только смотри, ребята, — призывал полковник, — лихо, молодцами! С песнями! Пой все, кто может!" И вот высокий фальцет ротного запевалы взвился над колонной под аккомпанемент выстрелов:

Что под дождичком трава,
То солдатская голова.

И вся рота, до последнего человека, дружно и быстро, идя вперед, подхватила припев этой старой солдатской песни. Турки, пораженные таким странным, неожиданным оборотом дела, начали быстро очищать Лесистую гору. Когда вся армия Сулеймана-паши сосредоточилась у Шипкинского перевала и атаковала бывшие там войска, Липинский занял своим полком Северную гору и всю местность до горы св. Николая... Здесь было жаркое дело, Липинский был контужен, но в пылу битвы не замечал этого и словом и делом воодушевлял и ободрял солдат. 13 августа генерал Радецкий отдал приказ Липинскому атаковать укрепление на Лесной горе, блистательно им выполненный. За это героическое дело Александр Иосифович получил орден св. Георгия 4-й степени, а вскоре и пост начальника штаба 9-го пе-

хотного корпуса и звание генерал-майора, с “оставлением в Генеральном штабе”¹.

В действительности же Александр Осипович (так значилось теперь его отчество) в 1877 — 1879 годах продолжал нести службу в освобожденной Болгарии, занимая должности Адрианопольского генерал-губернатора и начальника штаба Филипповского отряда. Основой его деятельности стало формирование органов местного самоуправления болгар, налаживание системы народного образования, здравоохранения, помощь беженцам в бытовом обустройстве, обучение отрядов самообороны и т. п.².

Довольно подробные сведения о деятельности А. О. Липинского содержатся в сборнике “Герои Шипки” (М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 1979 г.), но, к сожалению, в литературе часто не называются даже имя и отчество близкого нам героя. В справочниках указана дата смерти Александра Осиповича — 1882 год, но опять-таки без указания места, где перестало биться его сердце. Ничего пока не известно и о семейной жизни одного из видных исследователей Симбирского края. А находки возможны. Так, на днях я обнаружил в подшивке “Нивы” за 1878 год (№ 11, с. 193) прекрасный фотопортрет генерал-майора А. О. Липинского с краткой биографической справкой.

¹Памятник восточной войны 1877 — 1878 гг. — СПб, 1878, с. 206.

²Генов Ц. Русско-турецкая война 1877 — 1878 гг. и подвиг освободителей. — София, 1979, с.75.

ФЕНОМЕН ИВАНА ТВЕРДЫШЕВА

В “Российской газете” от 9 февраля 1996 года в рубрике “Открытия” опубликована статья В. Громова “Наши” копи царя Соломона”, в которой со слов профессора Е. Черных говорится об открытии российских археологов, изменяющем представления о развитии цивилизации на нашей планете. Суть открытия состоит в том, что в 60 километрах от Оренбурга, в местности под названием “Каргалы” пять тысяч лет назад возник крупнейший центр металлургии, соизмеримый с легендарными “копиями царя Соломона” у Мертвого моря, где производилась основная часть меди древнего мира.

Медь и бронза Каргалы почти две тысячи лет распространялись на огромном пространстве — до Каспийского и Азовского морей, да и за донскими просторами. Потом, очевидно под напором кочевников, каргалинцы, побросав тысячи шахт, штолен, карьеров, шурфов и плавильных печей, ушли в нагорный Иран. За последние же три тысячелетия почти все это сравнялось с землей, и Каргалы “проснулись” лишь в середине XVII века, когда “некий торговец из Симбирска **Иван Твердышев**” получил в 1744-м из рук наместника только что учрежденной Оренбургской губернии право на возрождение Воскресенского медеплавильного завода.

Как Твердышев узнал о медных богатствах Южного Урала? Откуда? — Это, по мнению автора статьи, тоже “загадка Каргалы”. Особенно, если учесть, что купец из Симбирска, взявшись за Воскресенский завод, перенес его на новое место, севернее Оренбурга, и все же уже через год выплавил первую медь из каргалинской руды. Баснословно росли и капиталы Твердышева: “в 1744 году безвестный купец выложил всего 220 рублей за тысячи километров лесов и степей, а семь лет

спустя он уже был миллионером”, богатство которого “вряд ли уступало и Демидовым”, — утверждает в “Российской газете”. В качестве примеров автор напоминает, что знаменитый дом Пашковых (в котором потом разместится Московский университет) сооружен на каргалинские деньги, как, впрочем, и дворец Козицкого, который после перестройки известен как “Елисейевский магазин” на Тверской, а также золотой оклад иконы Иверской божией матери в столице.

Что правда, то правда. Еще Пушкин в своей “Истории Пугачева” писал, что потомки наследников Твердышева — “суть доныне одни из богатейших людей в России”. Относительно же “загадки” того, как якобы “безвестный” симбирский купец Твердышев взялся за возрождение Каргалы, то ее отгадка содержится в документах и трудах историков, исследовавших симбирские, московские и уральские архивы.

Документы свидетельствуют, что Твердышевы не какие-то “безвестные” купцы, а наоборот, — один из самых авторитетных купеческих родов, пользовавшихся известностью еще в самом начале существования Симбирска. Так, во время осады Степаном Разиным Симбирска летом 1670 года Степан Ерофеевич Твердышев за верность властям был утоплен восставшими в Волге. Царь Алексей Михайлович отблагодарил его сына Осипа похвальной грамотой, пожалованием “права гостиной сотни” (вместо дворянского звания, которого тот не принял) и ценными подарками.

Эти купеческие права Осип Степанович Твердышев со своими родными использовал в полной мере и в 1691 году: около самой крепости они имели несколько лавок, в которых торговали мясом, рыбой и другими съестными припасами и изделиями кустарей. С начала же XVIII столетия представители этой фамилии — купцы Иван и Яков Борисовичи Твердышевы занялись устройством солеварен и фабрик — пуговичной, бумаж-

ной, кожевенной. Непременным товарищем их был муж сестры Иван Семенович Мясников (впоследствии прозванный Пустынниковым)¹. Постепенно их деятельность стала простираться на соседние губернии.

Рубежным в жизни Твердышевых, по мнению краеведа А. Ярового, стал тот летний день 1723 года, когда Петр I, направлявшийся в поход к Дербенту, сделал привал на волжском берегу Симбирска: от города, как “самые бойкие и надежные люди”, гребцами на царскую лодку явились Твердышевы и Мясников.

Петр I вступил с ними в разговор и, пораженный их меткими ответами, спросил: “Отчего такие умные люди только гребцы на лодке, а почему не ищут счастья подобно Никите Демидову на склонах Уральских гор?” Они отвечали: “Демидов богатый оружейник, а мы люди безденежные”. И далее Яровой пишет: “Петр дал им 500 руб., с обещанием, ежели где отыщут руду, то все места отдать им в вечную собственность... Они последовали наставлению государя. В царствование Елизаветы мы уже видим много заводов, ими основанных и открытых с разрешения Сената.. Замечательно, что такое огромное приращение государственного богатства сделали простые люди, без горных инженеров, своими средствами, разыскивая руду большею частью при давних Чудских коях”².

В этой легенде достоверно лишь утверждение А. Ярового, что симбирские Твердышевы и Мясников сыграли огромную роль в развитии металлургии Южного Урала. Но начало их деятельности относится к 1742 году, когда наместником Оренбургского края (который тогда

¹ *Невоструев К. И.* Историческое обозрение Симбирска от первых времен до возведения на степень губернского города. — С-к, 1909, с. 28.

² Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. — С-к, 1868, с. 188.

простирался от Средней Волги до Аральского моря и от Екатеринбурга до Каспийского моря) стал один из лучших учеников школы Петра I Иван Иванович Неплюев.

Умный и хорошо образованный наместник сразу же выделил среди купцов, поставлявших продовольствие и иные припасы для казны, предприимчивого симбирянина Ивана Борисовича Твердышева и решил сделать его своим фактическим помощником в развитии горно-рудного дела на Южном Урале. Примечательно, что, хотя И. Неплюеву и было известно, что еще в 1842 году заводчик и действительный статский советник А. Демидов и богатый солепромышленник П. Осокин обращались в правительственную Берг-коллегию с просьбами об отдаче им самого перспективного Воскресенского медеплавильного завода, он предпочел известным деятелям Ивана Твердышева.

Это предпочтение обуславливалось прежде всего тем, что симбирский купец предлагал правительству более выгодные условия и как человек имел безупречную репутацию. Благодаря поручительству Неплюева Сенат 16 апреля 1744 года разрешил оренбургскому наместнику заключить с И. Твердышевым контракт, дабы Воскресенский завод уже через три года действовал в полную силу. Иван Борисович, благодаря своей энергии, опытности и умению ужиться с “башкирцами”, при дружной поддержке своих братьев Якова и Петра и зятя Ивана Мясникова, сумел пустить этот завод в рекордный срок — всего лишь за один год!¹ Причем Воскресенский завод был построен выше по течению реки на 90 верст от прежнего места (Табынска).

Успех Твердышева в немалой степени определялся и тем, что он сумел поладить с местным населением. “Как честный и добросовестный человек, — подчерки-

¹Полный свод законов. Т. XII. — СПб., 1830, с. 5921.

вал В. Витевский, биограф И. И. Неплюева, — Иван Борисович действовал так, что башкирцы полюбили его и не только не препятствовали ему в развитии горного дела, а, напротив, из уважения и доверия к нему, сами старались отыскивать руды, добывали и доставляли их на завод, а некоторые нанимались в работники...”¹

Вслед за Воскресенским заводом (семь плавильных печей с гармахерскими горнами) в 1748—1753 годах Твердышев с земляком Иваном Мясниковым устроил еще четыре медеплавильных завода (Преображенский, Богоявленский, Архангелогородский и Верхнеторский), а в последующие два года он основал Катав-Ивановский, Юрюзанский, Симский, Тырлянский, Белорецкий и Минский “железные” заводы².

Примечательно, что все это создавалось симбирским предпринимателем “на разумных экономических основаниях”, то есть с применением технических новшеств и добротнo. “Нисколько не будет преувеличением, — писал В. Витевский, — если мы скажем, что в развитии горнозаводской промышленности в Оренбургской губернии Твердышеву, после правительства, принадлежит первое место: почти только те заводы и оказались прочными, которые были основаны и устроены им; заводы же, возникшие после него, частью уже пришли в упадок, частью подвержены непрочностью своего существования”.

Как случилось, что Иван Борисович, не получивший технического образования, оказался “по части горного производства” более сведущим, чем другие промышленники? Вполне возможно, что он пользовался советами техников-иностранцев, обслуживавших заводы Екатеринбургского округа. Но несомненно другое:

¹ Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. IV. — Казань, 1875, с. 654.

² Там же, с. 656.

Твердышев был любознательным самородком, обладавшим, благодаря здоровой русской смекалке, и способностью воспринимать все передовое, а главное, умением быстро и качественно воплощать новые технологии в производство. Немаловажную роль сыграла и всесторонняя поддержка, которую оказывал Твердышеву и Мясникову наместник края Неплюев, благодаря которому они получили дворянство и сколотили огромные личные состояния, безусловно, за счет нещадной эксплуатации рабочих и крестьян.

Вот вкратце ответ на “загадку” возрождения “Каргалы”, которая волновала автора статьи в “Российской газете” от 9 февраля 1996 года. Но в жизни и деятельности Твердышевых — Мясниковых есть нечто, представляющее особый интерес для всех, кто занимается историей Симбирска XVIII—XIX веков.

Замечу сразу, что имеется немало документов, по которым можно проследить историю создания Твердышевыми и Мясниковым заводов и рудников на Южном Урале, выяснить условия, на которых они приобретали земли и леса, набирали рабочую силу, размеры получаемых прибылей и т. п. А вот о жизни знаменитых заводчиков в родном Симбирске сохранилось более легенд, чем достоверных фактов.

Достоверно известно, что Иван и Яков Твердышевы не оставили потомства и все их огромное наследство досталось сестре Татьяне Борисовне и ее мужу Ивану Семеновичу Мясникову (прозванному Пустынниковым). Мясниковы выбрали обширный участок земли в центре города с прекрасным видом на Волгу, и опытный московский архитектор возвел на нем великолепный каменный двухэтажный дворец (первое в городе частное каменное здание), в котором 5—6 июня 1767 года останавливалась путешествовавшая по Волге Екатерина II.

У хозяина этого дома были четыре дочери, на которых императрица обратила внимание и сама устроила их судьбу, выдав впоследствии замуж за своих блестящих придворных: Аграфену — за Алексея Федоровича Дурасова, Анну — за Петра Афанасьевича Бекетова, Екатерину — за Григория Васильевича Козицкого и Дарью — за Александра Ильича Пашкова. Каждая из девиц принесла в приданое своему мужу по 19000 крепостных с тысячами десятин земли в Симбирской губернии да по медному и железному заводу в Оренбургском крае.

В нашем краеведении дом Пустынникова иногда упоминается в связи с тем, что в начале октября 1774 года здесь находилась штаб-квартира главнокомандующего правительственными войсками в борьбе с пугачевцами графа И. И. Панина. У стен этого Дворца состоялся публичный допрос Емельяна Ивановича. А. С. Пушкин запечатлел его в “Истории Пугачева”¹.

Наконец, в 1780-х годах зять Пустынникова А. Дурасов устроил здесь свой крепостной театр. После того как Дурасов перебрался в Москву, дворец он пожертвовал губернскому дворянскому собранию, а на здешней сцене стал функционировать первый в Симбирске публичный театр².

Имя Пустынникова фигурирует еще и в связи с таким, весьма важным для города, эпизодом. Во времена своего финансового могущества Пустынников приобрел огромный земельный участок на юго-западной окраине (на Сызранском выезде) и создал на нем свою зону отдыха с прекрасным парком в английском стиле, который, по мнению некоторых современников, вы-

¹Трофимов Ж. “...Родня по вдохновенью”. — Ульяновск, 1993, с. 91 — 92.

²Трофимов Ж. Страницы истории симбирского театра. — Ульяновск, 1994, с. 6.

глядел не хуже столичных. Но в силу ряда причин в 1801 году этот парк-сад вместе с господским домом приобрело губернское дворянство, чтобы иметь здесь место общественного гулянья, а дом переоборудовать под “больницу для неимущих”. Впоследствии сад и больница в честь императора получили наименование “Александровских”. Ныне на большей части бывшего владения Пустынникова размещаются корпуса областной клинической больницы № 1.

В краеведческой литературе имеются также указания на то, что вдова Якова Борисовича Твердышева, Наталья Кузьминична, во время жизни в симбирском дворце немало средств вложила в благоустройство расположенной рядом Троицкой церкви, а также Спасского женского монастыря (часть его зданий и кирпичной стены сохранились)¹.

В статье “Российской газеты” от 9 февраля 1996 года содержится призыв создать в Каргалах Национальный заповедник древностей, который напоминал бы всем, что здешние медные и железные рудники и заводы два столетия назад стали “одним из источников богатства и мощи Российской империи”. Неотъемлемой частицей истории этих древних копей навсегда останутся и страницы жизни симбирских промышленников. И последнее: когда вы едете в современном трамвае с маркой завода города Усть-Катава, вспомните, что этот уральский город основан замечательным нашим земляком Иваном Твердышевым.

¹Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. — С-к, 1868, с. 190.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ САДЫ СИМБИРСКА

Наш выдающийся земляк — поэт, полиглот и публицист Дмитрий Петрович Ознобишин, выступая в 1845 году в журнале “Москвитянин” с очерком “Поливна”, вначале заинтриговал читателей напоминанием о магических числах, почитаемых у разных народов. У некоторых в древности таким числом было **семь**: семь планет небесных, семь светильников, семь чудес света и т. п. Монголы священным считали число **девять**: Чингизхан во время молитвы совершал девять поклонов; знамя монголов имело девять знаков; государям преподносили девять подарков. На Мальте все вещи, принадлежащие к приданому, должны быть выставлены в числе **трех** или **пяти**.

Для Симбирска же, по ироничному замечанию Д. Ознобишина, самое бедственное число **два**: расположен он меж двух рек, которые текут одна против другой, а население “почти всегда нуждается в хорошей воде. В городе есть два публичных сада, в которых никто не гуляет: в одном нет тени, а другой окружен лазаретами. Есть в нем два собора, которые стоят рядом, один из них тепел, но стар, другой великолепен, но холоден. В городе есть два дома губернского дворянского собрания, но один разрушается, а другой не окончен постройкою.

Любой горожанин назовет две наши реки, а любители краеведческих викторин отгадают, о каких именно двух соборах и двух зданиях дворянского собрания вел речь поэт. Мне же хочется рассказать о тех “публичных садах”, то есть парках, где, говоря его словами, “никто не гуляет”.

Самый старый из них, расположенный на Сызранском выезде, назывался **Александровским**. Этот огромный сад, протяженностью с севера на юг почти на вер-

сту, занимал территорию нынешней областной больницы и прилегающих к ней учреждений, от трамвайной остановки “Речной порт” до Южного рынка. Принадлежал он миллионеру Пустынникову (Мясникову), который в 1801 году продал его, вместе с домом для больницы, губернскому дворянству. Одна часть сада была занята фруктовыми деревьями, главным образом яблоневыми, а другая, выходявшая на Садовую (ныне Кирова) улицу, представляла собой хорошо спланированный парк с великолепными липовыми аллеями, в тени которых летом можно было приятно отдохнуть. Именно здесь городское общество устроило 6 сентября 1824 года, в честь приехавшего в город Александра I, праздник, а после обеда и прогулки по саду, который, как и находящаяся в нем больница, был назван “Александровским”, купечество угощало императора, “в нарочно устроенном вокзале, чаем и фруктами из оранжерей и садов Симбирской губернии”¹.

Популярность этого места общественного гулянья и отдыха с годами росла, и приток публики побудил неизвестных для нас деятелей к сооружению здесь буфета, а затем и первого в городе публичного частного театра. Этот почин вдохновил купца Григория Васильевича Скорнякова, и он в 1838 году пожертвовал 10 тысяч рублей на сооружение вокруг Александровского сада капитального деревянного, “на каменных столбах”, забора². В следующем году в северо-восточном углу сада (побывавший здесь сенатор П. Сумароков назвал его “лучшим гульбищем” Симбирска) губернское дворянство возвело изящный “вокзал”, ставший летней резиденцией дворянского клуба. Посетители с тугими кошельками получили благоприятную возможность на лоне пре-

¹Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования. — С-к, 1898, с. 73.

²Симбирские губернские ведомости. — 1838, № 3.

красной природы испытывать свое счастье за карточными столиками, играть в бильярд или шахматы, поклоняться Бахусу и самой изысканной гастрономии, а также и удовольствие заглянуть в театр на веселенький водевильчик в исполнении гастрольной труппы.

Но в середине 1840 годов, в связи с открытием памятника Н. М. Карамзину, нового Дома дворянского собрания с Карамзинской общественной библиотекой, театра А. М. Слепнева на стыке Большой Саратовской и Бараньей Слободки (ныне Гончарова и Минаева), а также устроенного по указанию Николая I сада, прилегающего к Венцу и Соборной площади, популярность Александровского сада как места гулянья заметно упала.

К началу 1860 годов любимым местом прогулок симбирян стал новый, **Николаевский** сад. В его северо-восточном углу, выходявшем на Новый Венец, близ нового Дома дворянского собрания (нынешний Дворец книги им. В. И. Ленина) находился изящный деревянный “вокзал” с богатым буфетом и, по свидетельству современников, открытая его терраса, с прекрасным видом на Волгу, обыкновенно быстро наполнялась солидной публикой. Два раза в неделю, по воскресеньям и четвергам, в Николаевском саду играл военный духовой оркестр, выступал хор песенников. Днем по акациевым аллеям чинно гуляли почтенные мамы или гувернантки с детьми¹.

Во время гигантского августовского пожара 1864 года сад вместе с вокзалом погиб. Довольно скоро он был заново распланирован, засажен деревьями и кустарниками, обнесен деревянной решеткой, но вокзала в нем не появилось, и публика, по словам историка П. Мартынова, “совершенно забыла о нем”².

¹Симбирские губернские ведомости. — 1861, № 33.

²Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет., с. 73.

А. И. Ульянова-Елизарова, вспоминая, как в начале 1870 годов ее с братом Сашей водили гулять в Николаевский сад, писала, что вид у него был заброшенный: “весь в кочках, грязный, с поломанной загородкой, за которую заходили, возвращаясь с пастбища, коровы”¹.

Одной из причин запустения сада были тяжкие последствия пожара: для того чтобы здесь снова выросли деревья, требовалось время. Публика же облюбовала себе для прогулок и развлечений не только Новый, но и Старый Венец. Вновь возросла роль Александровского сада, арендовавшегося у земства частными лицами. Вот как происходило здесь весеннее гулянье 1879 года в описании корреспондента местного “Волжского вестника”: “Первого мая было в саду до тысячи человек, собравшихся на первый весенний праздник. В воскресенье, 6 мая, было тоже значительное стечение публики и в том числе лучшее общество, еще не разъехавшееся из Симбирска на все четыре стороны. Вся эта публика, конечно, собралась главным образом подышать свежим воздухом и погулять в тени чудных старых лип Александровского сада”.

Но за это удовольствие надо было платить при входе в сад. К тому же арендаторы уж слишком увлекались продажей в буфете спиртных напитков. Сказывалась сильно на посещаемости сада и его отдаленность от центра города.

Гласный городской думы врач А. М. Сахаров, поднявший вопрос о необходимости устройства нового, Владимирского сада, в речи на заседании думы 20 октября 1883 года говорил: “Город Симбирск не имеет сада и, следовательно, того необходимого для освежения воздуха, в котором ни один из уездных городов себе не отказывал... Я позволю себе, — продолжал Саха-

¹Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. — М., 1988, с. 30.

ров, — предположить устроить приличный, вполне достойный для всех сад на Венце, около Владимирской башни... Думаю, что близость водопровода и незначительность расхода дадут возможность городу устроить этот сад". (В будущем он станет парком им. Свердлова.) Гласные думы вынесли положительное решение: "На устройство верхней части сада, лежащего между проездом из Спасской улицы к зданию присутственных мест и проездом к водопроводной башне ассигновать 300 рублей" с тем, чтобы этой же осенью произвести посадку деревьев¹.

И лишь в 1884—1885 годах началось настоящее освоение всей территории Владимирского сада: устройство уступов и лестниц на склонах Венца, спускающихся к Волге, посадка 8000 деревьев и кустарников, многолетних цветов на клумбах, прокладка деревянного водопровода, укладка таштинского камня на крутых склонах, оборудование бассейна и оранжерей. Все эти работы производились под наблюдением комиссии из гласных городской думы, возглавлявшейся С. В. Глинкой².

Летом 1897 года, когда во Владимирском саду открылось летнее помещение городского общественного собрания (клуба), он станет местом массовых гуляний. Историк П. Мартынов так описывал нововведения этого главного "гульбища": "Вокзал-павильон, красивой архитектуры, занимает верхнюю часть сада на самом Венце Симбирской горы; вокруг него устроена площадка, уставленная столами, скамейками и красиво убранная цветочными клумбами; несколько в стороне построен кегельбан. Устраиваемые здесь вечера с музыкой внесли заметное оживление в городскую общественную жизнь..."

¹Журнал Симбирской городской думы 1883 г. — С-к, 1884, с. 449.

²Журнал Симбирской городской думы 1885 г. — С-к, 1885, с. 159—166.

Александровский же сад к 250-летию Симбирска был уже совершенно заброшен. Губернское земство предпочитало сдавать его предпринимателям — торговцам яблоками или под иные хозяйственные цели. Неуклонно происходила застройка сада различного рода зданиями самой большой в губернии больницы. (Какое благо, что не частными особняками!)

Незавидно сложилась судьба Николаевского сада. В 1881 году через него был проложен проезд от губернаторского дома (располагавшегося в юго-восточной части Карамзинского сквера, напротив классической гимназии) на Соборную площадь, где стояли старый, Николаевский, и новый, Троицкий, кафедральные соборы. 21 мая 1882 года, согласно просьбе директора классической гимназии, город уступил Западную часть Николаевского сада под площадку для проведения занятий по гимнастике, устройства здесь цветочных клумб и беседки¹. В 1912 году городская дума приняла решение «об отводе губернской ученой архивной комиссии места под строительство Гончаровского дома (здания краеведческого и художественного музеев), а в 1915-м — еще и под гимнастическую площадку 2-й мужской гимназии (ныне в этом здании размещается факультет иностранных языков педуниверситета)². Так что Николаевский сад еще до 1917 года лишился выхода на Новый Венец и фактически перестал быть местом массового гулянья. После установки 7 ноября 1921 года памятника К. Марксу (работы скульптора С. Меркулова и архитектора В. Шуко) оставшаяся часть сада стала именоваться сквером им. К. Маркса. В 1960-х годах здесь была посажена большая часть существующей здесь растительности.

¹Систематический сборник постановлений Симбирской городской думы. 1870—1910. — С-к, 1911, с. 49.

²Трофимов Ж. Страницы истории симбирского театра. — У-к, 1994, с. 36.

А спустя еще четверть века были устроены проходы от площади Ленина к Ленинскому мемориалу, которые заняли чуть ли не треть сквера. Наверное, можно считать благом, что отсюда убрали общественный туалет, но зато появились весьма непривлекательные бытовки для технического персонала зеленостроя...

Если Александровский и Николаевский сады навсегда исчезли, то судьба Владимирского складывалась более или менее удачно. В начале века богатый арендатор — Товарищество Жигулевского пивоваренного завода возвело в верхней части сада ресторан, летний театр и эстраду, реконструировало фонтан, установило новые фонари Китсона, и с весны 1903 года в саду ставились оперетки, проходили концерты гастрольных знаменитостей и местных артистов¹.

В 1910 году на месте бывшего летнего вокзала с террасой было построено здание Симбирского общественного собрания по проекту Ф. О. Ливчака, эффектно обрамляющее южную оконечность бульвара Новый Венец (ныне здесь размещается областная филармония).

В советское время Владимирский сад, переименованный в Центральный парк культуры и отдыха им. Я. М. Свердлова, и на деле являлся наиболее популярным местом массового гулянья, важным очагом культуры. В 1970-х годах парк расширился в несколько раз за счет освоения бывших частных усадебных участков и садов, размещавшихся на склоне горы почти до набережной Волги. Однако в эпоху горбачевской перестройки и сменившей ее “демократии” работа действовавших в парке лектория, библиотеки-читальни, шахматного клуба, танцевальной площадки постепенно сошла на нет. Небольшая же площадка в средней части парка была загружена шумными и дорогостоящими аттракцио-

¹Трофимов Ж. Страницы истории симбирского театра. — У-к, 1994, с. 36.

нами. Нижняя часть парка, отчасти в силу сложного рельефа местности, а отчасти из-за криминогенной обстановки и, наконец, из-за отсутствия средств, неуклонно приходит в запустение. Парк теперь стал безымянным и... почти безлюдным, особенно в вечернее время. Справедливости ради следует сказать, что пожилые люди и раньше-то не очень охотно посещали свердловский парк: для многих путешествие по лестницам представляло известную трудность.

Со временем жители Засвияжья, Железнодорожного и Заволжского районов, а также северной части города получили возможность отдыхать во вновь открытых там парках и скверах. В Ленинском же районе нужно было создавать новый парк, большой и удобный для посещения. Поэтому еще в 1970-х годах родилась идея о превращении в такой парк (площадью в 35 гектаров) сквера им. И. Н. Ульянова и прилегающей к нему территории. Новый парк обещал со временем стать прекрасным местом отдыха горожан: удобный рельеф, положение фактически на стыке трех районов, близ реки Свияги и пересечение основных транспортных маршрутов.

С учетом того, что сюда частично входит и бывшее кладбище Покровского монастыря, с могилой Ильи Николаевича, новый парк функционально разбивался на три зоны: мемориальную, детскую и массового отдыха. Строго говоря, рост парка предусматривался за счет сноса жилых деревянных домов, расположенных вдоль улицы Минаева почти до пляжа на Свияге. И этот снос домов, ложившийся нелегким бременем на горсовет, был произведен, а жители за счет государства получили квартиры в домах со всеми удобствами.

В апрельские дни 1980 года по призыву комсомольских руководителей города и области комсомольцы приборостроительного завода, студенты педагогического и политехнического институтов, курсанты военных

училищ и других учреждений провели планировку территории, копку лунок для деревьев. 26 апреля, в день торжественной закладки парка, в работах на субботнике приняли участие свыше полутора тысяч ульяновцев, создававших первые аллеи и газоны. На рождение нового парка, в котором предусматривалось строительство кинотеатра, открытой эстрады, бассейна и кафе, отозвались местные и центральные газеты.

Вот как радужно виделась перспектива парка на берегу Свияги собкорру “Известий” Ж. Миндубаеву: “К набережной протянутся цветники, каскад фонтанов украсит центральные аллеи. Посетителей выведет к Свияге широкая лестница. Но самой удивительной будет зона отдыха для детей. Здесь по предложению комсомольцев Ульяновска создается “город Солнца” — сказочный мир детских забав, аттракционов, фантастических построек и ландшафтов” (Известия. — 1980, 8 января). На завершающей стадии обустройства парка в 1985 году планировалась на площади более двух гектаров посадка более 160 видов деревьев, представляющих все климатические зоны СССР (Ульяновская правда. — 1985, 29 октября). По этому дендрарию предусматривалась специальная экскурсионная тропа...

Увы, всем этим замыслам ульяновских комсомольцев не суждено было сбыться. Былой комсомольский активист из Западной Украины, не завершив учения в ленинградской духовной академии, обосновался в нашем городе и, не вникнув в его историю, сумел-таки получить у городских властей разрешение на аренду части парка и принялся осваивать, как он выразился по поводу растущего парка, эту “большую выгулочную площадку” для собак с тем, чтобы соорудить здесь Всехсвятскую церковь со свечной лавкой, а потом и Спасо-Вознесенский кафедральный собор (Симбирский курьер. — 1995, 20 июля). Думается, что по поводу этой истории должны сказать свое слово широкая обществен-

ность города и наши власти. Нуждаются в нашем участии и другие парки Ульяновска.

Бывший Николаевский можно, и нужно, расширить за счет сноса (или переноса) забора, воздвигнутого сельхозинститутом: в тамошнем дворе — свалка дров и прочих ценностей, которым, конечно же, можно найти место на хозяйственном дворе института в Заволжье. Безусловно, следует убрать бытовки и огромные мусоросборники, установленные напротив Дворца книги им. Ленина, у забора, принадлежащего Гончаровскому дому. Можно, и нужно, на несколько метров передвинуть этот забор в сторону музея.

Древесные насаждения между проходом от площади к эспланаде и заборами образовали такую густую чащу, что стали похожими на участок дикого леса, за которым не видны здания. Здесь следовало бы проложить дорожку, сделать цветочные клумбы, оборудовать освещение и хорошо бы установить газетные стенды. Тогда этот уголок станет местом культурного отдыха, а не прибежищем выпивох и хулиганствующих компаний.

В Центральном парке культуры и отдыха, выше открытой эстрады, можно было бы создать читальный павильон, с шахматно-шашечными столиками, а рядом — игровую комнату для детей младшего возраста. В летнее время должен работать фонтан в верхней части парка. Думается, что на эстраде несколько раз в неделю могли бы выступать военные и иные оркестры, коллективы художественной самодеятельности.

О МЕСТЕ РОЖДЕНИЯ Н. М. КАРАМЗИНА

Споры о местах рождения великих людей происходят во многих городах и весях нашего отечества. В Москве, например, краеведы до сих пор дискутируют о доме, в котором появился на свет А. С. Пушкин¹. Исследователи же жизни и творчества Н. А. Некрасова не пришли еще к единому мнению о его родине: одни полагают, что это местечко Немирово, а другие — село Сеньки Подольской губернии².

Но, пожалуй, рекорды по дискуссиям о местах рождения своих замечательных земляков установлены краеведами Симбирска — Ульяновска: мемориальными досками не отмечены здания, где родились поэты Н. М. Языков и Д. Д. Минаев. Что касается Н. М. Карамзина, то дискуссии ведутся не столько о домах в нашем городе, принадлежавших в XVIII—XIX веках Карамзиным, сколько о крае, который вправе считать Николая Михайловича своим уроженцем: ведь уже полтора столетия в литературе бытует версия и об его оренбургском происхождении.

В автобиографической справке, написанной в 1805 году по просьбе митрополита Евгения для “Словаря русских светских писателей”, историограф указал, что он “родился 1 декабря 1766 года в Симбирской губернии”³.

При жизни Николая Михайловича “Словарь” не вышел в свет, но просвещенная Россия и без того ведала, что автор “Истории государства Российского” является симбирским уроженцем. Это ярко проявилось в прощении симбирского дворянства, в котором оно весной

¹ Куранты: Историко-краеведческий альманах. — М., 1983, с. 140.

² Якушин Н. Тропа к Некрасову. — М., 1987, с. 9.

³ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 3.

1833 года заявило своему губернатору А. М. Загряжскому о желании “ознаменовать и увековечить высокое уважение” к памяти “уроженца Симбирской губернии великого бытописателя Николая Михайловича Карамзина” сооружением ему в Симбирске памятника. В соответствии с существовавшими тогда правилами, дворяне просили исходатайствовать “высочайшее соизволение на открытие подписки для составления денежной суммы, потребной для выполнения сей священной цели...”¹

В начале июля 1833 года Николай I согласился с просьбой симбирского дворянства, и уже 21 числа из сообщения в “Северной пчеле” общественность узнала о первых пожертвованиях на симбирский памятник Карамзину. Речь шла об обеде, данном группой литераторов в честь поэта-баснописца Ивана Ивановича Дмитриева, земляка и друга историографа, на котором Дмитриев, П. А. Вяземский, А. С. Пушкин, Д. В. Давыдов, И. А. Крылов, П. А. Плетнев и другие участники обеда подписались на 4525 рублей.

Симбирские дворяне на съезде, прошедшем в августе в губернском центре, избрали комитет под председательством А. М. Загряжского по приему пожертвований и одобрили замысел проекта увековечения памяти Н. М. Карамзина в Симбирске в виде здания общественной библиотеки, главную залу которой украшал бы установленный на пьедестале бюст знаменитого земляка.

Исходя из таких благородных побуждений, щедро жертвовали на этот памятник симбирские просветители. Генерал П. Ивашев внес 300 рублей, его зять Ю. Хованский — 500, братья П., А. и Н. Языковы — 1250, их свояки П. Бестужев и А. Валуев — 200 и 50 рублей. Из других доброхотов большие суммы дали:

¹ РЦИА, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 3.

П. Бабкин — 500, А. Столыпин и А. Тургенев — по 300, братья Бестужевы — 460, А. Татаринов, П. Пазухин и Г. Нейков — по 200 рублей¹.

В связи с изменением проекта увековечения карамзинской памяти (вместо здания библиотеки — монумент) и медленным поступлением средств воплощение его в жизнь затянулось. Между тем такие выдающиеся симбиряне, как поэты И. И. Дмитриев и Н. М. Языков, предпринимали меры по литературному обрамлению будущего торжества в родном Симбирске, связанного с открытием памятника. Важное место при этом отводилось “Похвальному слову”, которое они попросили подготовить видного историка Михаила Петровича Погодина.

Тот дал клятвенное заверение Дмитриеву, что исполнит просьбу, но по-настоящему взялся за сочинение “Слова” только в конце 1844 года, когда в печати появились сообщения о том, что памятник Карамзину скоро будет готов. “Н. М. Языков родом из Симбирска, — вспоминал Погодин, — принял в этом живое участие, несмотря на свою тяжелую болезнь. Ему хотелось издать ко дню открытия альбом в честь Карамзина, за который должен был приняться я”. В письме поэт писал историку: “Ты, помнится мне, хотел написать похвальное слово Карамзину и даже соорудить ему памятник не только словесный, но и изустный! Отвечай мне нынче же. Если дашь мне ответ отрицательный, я предложу свою мысль князю Вяземскому; в Москве некому, кроме тебя, за это взяться”².

Подобные же просьбы из Симбирска братьев поэта Петра и Александра Языковых, официальные пригла-

¹ *Трофимов Ж.* Симбирская Карамзинская общественная библиотека. — М., 1992, с. 6.

² *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. — СПб, 1894. Кн. VIII, с. 181.

шения симбирского губернатора и предводителя дворянства, содействие М. А. Дмитриева, а также семьи Вяземских, предоставивших Погодину возможность сочинения “Похвального слова” в той самой комнате особняка в Остафьеве, в которой Н. М. Карамзин творил тома “Истории государства Российского”, — все это благотворно подействовало на академика. “Историческое похвальное слово Карамзину” было написано, и тепло напутствуемый Николаем Языковым Погодин уже 17 марта отправился на перекладных из Москвы в заветный город на Волге, чтобы там, на родине незабвенного историографа, “совершить пред его памятником торжественное поминовение об его заслугах и благодеяниях Отечеству...”¹

В тексте “Похвального слова”, с которым М. Погодин прибыл 21 августа в Симбирск, место рождения Н. М. Карамзина фигурировало так же, как и у самого историографа: “в Симбирской губернии”. Но уже на первом выступлении со “Словом” в доме губернатора кто-то из старожилов заявил, что Николай Михайлович родился в селе Богородском². На повторном выступлении, состоявшемся на следующий день в актовом зале мужской гимназии сразу же после торжественного открытия памятника Карамзину, академик тоже упомянул Богородское как место родины. Но “некоторые” слушатели “заметили, что он родился в деревне Карамзинке”. Озадаченный новой поправкой, М. Погодин попросил симбирян доставить ему в Москву “точные данные”³.

Через полгода на этот призыв откликнулась Н. И. Дмитриева, сестра поэта-баснописца, и сообщила, что Николай Михайлович родился в “селе Михайловке”, забыв

¹ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. VIII, с. 184.

² Симбирский юбилей Н. М. Карамзина. — С-к, 1867, с. 185.

³ Москвитянин. — 1846, № 3, с. 12.

указать при этом, какого уезда. Положившись на столь авторитетное сообщение, академик в первой главе своего биографического исследования "Н. М. Карамзин", опубликованной в третьем номере журнала "Москвитянин" за 1846 год, вынужден был к фразе "Николай Михайлович Карамзин родился в 1766 г., декабря 1-го числа, в Михайловке, Симбирской губернии ... уезда" сделать два примечания. В первом из них, имея в виду три названия родовой вотчины историографа (Богородское, Карамзинка и Михайловка), М. Погодин задался вопросом: "Не принадлежат ли все эти три названия одному селению?" Во втором отметил: "Желательно иметь описание этой деревни и местоположения. Цел ли дом, где родился Карамзин? Мы были бы очень благодарны, если бы кто взялся снять некоторые виды оттуда" (с. 11). Под уточнением "местоположения" имелось в виду и название уезда, в котором находилось загадочное селение.

Отклики поступили так быстро, что академик успел поместить их в следующем, четвертом номере "Москвитянина". Надежда Никитична Ознобишина, родная племянница Николая Михайловича, сообщала, что он родился "в сельце Карамзинке, в 30 верстах от Симбирска". В письме же поэта Н. М. Языкова передавались слова Александра Михайловича Карамзина, что его знаменитый брат "родился в Оренбургской губернии, в Бузулукском уезде" (с. 116).

Н. И. Дмитриева, подтверждая эту сенсационную версию, писала: "Что может быть вернее моей справки о родине Николая Михайловича от его родного брата. У него в книге записано рождение целого их семейства, кто где родился. Это истинно, что Николай Михайлович родился в Оренбургской губернии, в селе Михайловка, Преображенское тож. В Карамзинке ро-

дился меньшей его брат, сын моей тетки, Александр, а от первой жены дети все родились в Оренбургской губернии. Отец мой всегда смеялся, говоря своему племяннику: братья твои родились в Оренбургской губернии, кругом башкир, и ни который не похож на башкира, а особенно Николай (у которого белизна лица была необыкновенная), а ты родился около Симбирска и черен, как азиатец”¹.

Казалось бы, что маститый историк, столкнувшись с еще одной версией — об оренбургском происхождении Н. М. Карамзина, подвергнет ее всесторонней критической проверке на достоверность. Однако М. Погодин был настолько обескуражен разноречивыми сведениями почтенных симбирян, что, не скрывая своей досады, заключил публикацию язвительной репликой: “Предоставляем Симбирску отстаивать свои права, если сможет”. Но ставить точку на этом раздумал и с “глубоким сердца вздохом” добавил о “нашем общем, как бы сказать учтивее... неведении, нашем небрежении ко всему своему: историк, великий гражданин, великий писатель, — мы ставим ему памятник, — и до сих пор окончательно не знаем, где он родился? Когда? Мы справляемся, какое разделение было тогда России... почему мы не знаем этого без всяких справок, не знаем в первоначальных училищах?”²

Первыми, как и следовало ожидать, перепечатали новую версию из “Москвитянина” кровно в ней заинтересованные “Оренбургские губернские ведомости”³, а оттуда она как открытие перешла в “Журнал министерства народного просвещения”⁴.

¹ Москвитянин. — 1846, № 4, с. 116.

² Там же.

³ Оренбургские губернские ведомости. — 1846, № 22: оф. часть, с. 253.

⁴ Журнал министерства народного просвещения. — 1846, № 6, отд. III, с. 39.

Симбирское же общество, словно не замечая публикаций об оренбургском происхождении Карамзина, продолжало полным ходом вести работу по дальнейшему увековечению памяти Николая Михайловича — открытию в только что отстроенном на Новом Венце великолепном Доме дворянского собрания “Карамзинской общественной библиотеки”. Пожертвования на нее по всероссийской подписке стекались в Симбирск именно как в родной город знаменитого историка.

К сожалению, автор первой биографической книги “Николай Михайлович Карамзин”, вышедшей в 1849 году в Петербурге, А. Старчевский, демонстративно проигнорировав различные точки зрения, публиковавшиеся в печати, безоговорочно внушал читателям, что “Карамзин родился 1 декабря 1765 года в Оренбургской губернии, в селе Михайловке (Преображенское)” (с. 7).

Новым и более значимым вкладом для укрепления “оренбургской” версии стала заметка из Бузулука некоего К. Ивлентьева “Несколько слов о месте рождения историографа Карамзина”, появившаяся в “Самарских губернских ведомостях”, а перепечатка (17 мая 1852 года) — в “Симбирских губернских ведомостях”.

“В 1846 году, — писал автор, — уверились, что вечно достойнейший памяти российской историограф Н. М. Карамзин родился не в Симбирской, а в Оренбургской, ныне Самарской губернии, Бузулукского уезда, в селе Преображенское, Михайловке тож, 1-го декабря 1765 года. Село это принадлежало родителям его... Ошибка произошла от того, что место рождения историографа смешивали с местом рождения брата его Александра”.

В Михайловке, замечательной своим прекрасным “местоположением”, некогда был “большой господский

дом, с садом и оранжереей, и в нем-то, — продолжал К. Ивлентьев, — родился историограф, по уверению помещицы Карауловой, не так давно скончавшейся в преклонных летах, которая хорошо знала всю фамилию Карамзиных. По ее сказанию, Михаила Егорович Карамзин ездил в Михайловку из своей симбирской деревни хозяйничать и охотиться. В один из таких приездов супруга его разрешилась историографом, который отсюда увезен младенцем в симбирское имение. От первого брака с Екатериной Петровною Пазухиной он имел трех сыновей: Василия, Николая и Федора, и дочь Екатерину... от второго — с урожденной Дмитриевой — сына Александра и дочь Марфу... Все они уже покойники”.

Погодинский “Москвитянин” в июньском номере за этот же год перепечатал заметку бузулукского автора, но уклонился от критической ее оценки. А она и тенденциозна, и выглядит малодостоверной. Ведь в 1846 году в том же “Москвитянине” излагались сообщения в пользу как “симбирской”, так и “оренбургской” версий. Казалось бы, Ивлентьеву следовало обнародовать воспоминания Карауловой еще при ее жизни.

А вообще-то невероятно, чтобы спустя 80 лет после рождения в оренбургской Михайловке очередного мальчика в семье Карамзиных Караулова (а ведь она сама в 1766 году должна была быть ребенком) могла твердо помнить в 90-летнем или более старшем возрасте, кто именно был младенцем, которого родители увезли в свое симбирское имение, — будущий историограф или, скажем, его брат Александр Михайлович.

Зато писатель Михаил Александрович Дмитриев, который в 1846 году сам способствовал публикации в “Москвитянине” сообщения своей тетушки Н. И. Дмитриевой о рождении Николая Михайловича в Михайловке, после появления заметки К. Ивлентьева стал решительным противником “оренбургской” версии.

В 1857 году в “Московских ведомостях” (№ 135) он напечатал, по его мнению, “вернейшее известие” от племянника Н. М. Карамзина, “подтвержденное и другими лицами” (выделено мной. — Ж. Т.), которое просил считать за “окончательное решение” вопроса о месте рождения нашего историографа: “Карамзин родился, по нынешнему разделению России, Симбирской губернии и уезда, в деревне Карамзинке, она же и Знаменское; а по тогдашнему разделению: Казанской губернии, Симбирской провинции и того же уезда... Оренбургская деревня, которую считали местом рождения Карамзина... тогда еще не была заселена”¹.

Свое сообщение М. Дмитриев еще раз повторил на страницах “Русского архива” (1865, № 12, с. 1534—1535) и включил в свои мемуары “Мелочи из запаса моей памяти”, переиздаваемые и в наши дни. Но сторонники “оренбургской” версии продолжали отстаивать историческое значение Михайловки — Преображенского.

Весомый вклад в пользу этого села внес литератор П. П. Пекарский — один из составителей и комментаторов однотомника “Писем Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву”, изданного в 1866 году Академией наук “Ко дню столетней годовщины рождения Н. М. Карамзина”. Прогноировав все доводы М. Дмитриева о симбирском происхождении Николая Михайловича, П. Пекарский на основании выписок из документов, предоставленных архивом Министерства иностранных дел, в пику М. Дмитриеву, убедительно доказал, что Михайловка — Преображенское в 1765 году уже существовала и в ней находился барский дом М. Е. Карамзина.

Но главной ценностью только что выявленных документов стало указание на то, что в Михайловке — Преображенском по соседству с Михаилом Егоровичем

¹ Дмитриев М. А. Московские элегии. — М., 1985, с. 184.

обитал отставной майор Александр Кудрявцев: ведь крестный отец историографа носил именно эти имя и фамилию¹. Сторонники “оренбургской” версии стали рассматривать последний факт как неопровержимое доказательство ее абсолютной достоверности.

В то время, когда сборник писем Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву с комментариями П. Пекарского находился уже в петербургской типографии, комитет Карамзинской общественной библиотеки деятельно вел подготовку к торжествам по случаю исполнявшегося 1 декабря 1866 года столетия со дня рождения Н. М. Карамзина”².

На юбилейные торжества в Симбирск прибыли сын историографа Александр Николаевич Карамзин, ректор Казанского университета профессор Н. Н. Булич, многие помещики края. В начале праздника епископ Симбирский и Сызранский совершил заупокойную литургию и вселенскую панихиду, после чего в Доме дворянского собрания состоялся банкет, на котором с особым воодушевлением был принят тост в честь “великого уроженца Симбирской губернии”³.

На литературном вечере, состоявшемся в зале мужской гимназии, профессор Булич во вступительном слове к своему “Биографическому очерку Н. М. Карамзина и развитию его литературной деятельности”, словно отдавая дань вежливости слушателям, собравшимся “почтить память своего великого однокорожанина”, назвал Карамзина “человеком мысли и слова, родившимся и выросшим” в Симбирске, на своей родине.

В самом же начале очерка Н. Булич неожиданно для многих заявил, что Николай Михайлович родился

¹ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. — СПб, 1866, с. 454, 455.

² Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с. 8.

³ Там же, с. 12.

“не в Карамзинке Симбирской губернии и уезда, а в селе Михайловском Бузулукского уезда. В эпоху же рождения историографа деревня, где он родился, по тогдашнему административному делению, принадлежала к Самарскому уезду, Симбирской провинции, Казанской губернии и Астраханской епархии. Таким образом, — заключил профессор, — вся приволжская страна, начиная с Казани, может считать его своим по месту рождения”¹.

Председатель комитета Карамзинской общественной библиотеки А. П. Языков воздержался от публичной полемики с Буличем, но в вышедшем под его руководством в 1867 году сборнике “Симбирский юбилей Н. М. Карамзина” особо подчеркивалось, что славный отечественный историограф является “симбирским уроженцем и дворянином”, чье детство “прошло в Симбирске или поблизости от Симбирска”. Почетный же гость юбилейных торжеств А. Н. Карамзин, сердечно благодаря общественность родины своего отца за память о нем, провозгласил тост “за духовное и вещественное процветание нашего родного Симбирска” (с. 13).

Примечательно, что в “Сборнике исторических и статистических материалов Симбирской губернии” (1868) автор очерка о Н. М. Карамзине краевед А. Яровой твердо указал, что Николай Михайлович родился “Симбирского уезда, в селе Знаменском (Карамзинка тож)”. Для сомневающихся же сделал примечание: “О времени и месте рождения Карамзина были несогласия, но для словаря митрополита Евгения он сам доставил о себе точные сведения, что и принято всеми учеными” (с. 194).

¹ Симбирский юбилей Н. М. Карамзина, с. 39.

К сожалению, такое единодушие установилось только среди краеведов Симбирска. Что касается историков и литераторов, проживающих вдалеке от Поволжья, то даже в фундаментальных исследованиях и энциклопедических справочниках они по-прежнему использовали обе версии о месте рождения Николая Михайловича.

Симбирские же ревнители старины, даже опытные, печатавшиеся в столичном "Историческом Вестнике", никак не решались аргументированно выступить по этой проблеме и ограничивались выражением недоумения по поводу затянувшейся путаницы.

Даже В. Н. Поливанов, председатель губернской ученой архивной комиссии, побывав в 1903 году в Знаменском — Карамзино, в официальном отчете коллегам не пошел далее традиционной констатации: "Грустно сознаваться, но до сих пор вопрос о годе (1765 или 1766?) рождения историографа и месте его точно еще не разрешен. Сам Николай Михайлович считал своею родиною Симбирскую губернию, а потому и нет, может быть, основания не признать за родовую вотчину Карамзина настоящую Карамзинку Симбирского уезда"¹.

Эта неразрешенность проявляется и в трудах современных известных авторов. Так, в популярной книге Натана Эйдельмана "Последний летописец" (М., 1983) читаем: "Карамзин точно знал, что родился в Симбирской провинции (будущей губернии), в деревне Карамзинке (Знаменское тож)... (с. 22). Другой видный литературовед, Евгений Осетров, в романе-исследовании "Три жизни Карамзина" (М., 1985) убеждает читателя, что его герой родился в самарском селе Михайловка (Преображенское тож), что под Бузулуком... (с. 198). Профессор Юрий Лотман в романе-реконструкции, вы-

¹ Отчет о деятельности Симбирской губернской ученой архивной комиссии за 1903 год. — С-к, 1904, с. 30.

шедшем в Москве в 1987 году, уклонился от щекотливой проблемы и ограничился расплывчатой фразой: “За службу отец писателя получил поместье в Симбирской губернии, где и прошло детство Карамзина”. В статье же для биографического словаря “Русские писатели. 1800—1917” (М., 1992) Ю. Лотман о месте рождения Н. М. Карамзина указал конкретнее: “село Михайловка” Бузулукского уезда Симбирской губернии (по другим сведениям — село Богородское Симбирского уезда Симбирской губернии)” (с. 470). Но здесь уважаемым автором допущены две ошибки: Михайловка и Бузулукский уезд входили в XVIII—XIX веках не в Симбирскую, а в Оренбургскую, затем Самарскую губернии, а село Богородское — родовое имение Дмитриевых, находилось не в Симбирском, а в Сызранском уезде.

Подобных примеров разноголосицы и ошибок имеется немало, но пора уже сделать некоторые выводы и сосредоточиться на опровержении “оренбургской” версии, а затем и на обосновании незыблемости указания самого Николая Михайловича, что он родился в Симбирской губернии.

Не подлежит никакому сомнению: первым, кто указал на Михайловку — Преображенское Бузулукского уезда как на родину своего брата — историка, был Александр Михайлович Карамзин, а распространителями этой версии через погодинский “Москвитянин” 1846 года стали Дмитриевы (его родственники по матери). Их письма к М. Погодину, в свою очередь, породили явно мифические “воспоминания” помещицы Карауловой, появившиеся в печати в 1852 году.

Однако нет серьезных оснований верить указанию Александра Михайловича. Маловероятно, чтобы о месте рождения старшего брата, имевшего свое представление об этом, знал лучше его младший (почти на 5 лет) брат, к тому же имевший другую мать, да и лишившийся родителей, главного источника подобных сведений.

еще в детстве. Если бы Александр Михайлович вдруг от кого-то и узнал, что старший брат, мол, ошибается относительно места своего рождения, то должен был бы в этом убедить и его, и членов его семьи. Но этого не было. Более того, младший Карамзин ни в одной инстанции не возражал, когда по почину симбирского дворянства с 1833 года проходила всероссийская подписка на сооружение памятника Николаю Михайловичу в родном Симбирске. Молчал он и в 1844 году, когда братья А. М. и П. М. Языковы и их родственники — историк Д. А. Валуев и поэт А. С. Хомяков издали в Москве “Симбирский сборник” с посвящением: “Незабвенной памяти Российского Историографа симбирского уроженца Николая Михайловича Карамзина”. Ничем не нарушил Александр Михайлович и торжеств, связанных с открытием в Симбирске 23 августа 1845 года величественного памятника своему брату.

И только через несколько месяцев, через Дмитриевых, 75-летний отставной прапорщик привлек внимание широкой общественности к своей персоне сенсационным сообщением, что родиной Николая Михайловича является оренбургское имение их семьи, а он, Александр, появился на свет в симбирском Знаменском — Карамзино.

Эта версия, очевидно, родилась еще в 1830-х годах, когда младший Карамзин упорно пытается в различных судебных инстанциях страны доказать незаконность завещания старшего брата Василия Михайловича, который родовое имение Знаменское — Карамзино завещал своей “незаконнорожденной” дочери Ольге Васильевне Ниротморцевой: наследником, мол, может быть только он, Александр Карамзин, продолжатель рода.

Однако после восьмилетних судебных разбирательств решением Правительствующего Сената, утвержденным 4 июня 1836 года Николаем I, воля Василия Михайловича была признана законной, ибо он еще в 1795 году

выкупил у родных, в том числе и у брата Александра, их доли имения в Знаменском и, таким образом, превратил его из родового в “благоприобретенное”, которым был уже вправе сам распоряжаться¹.

Явно надуманная “оренбургская” версия Александра Михайловича, как уже упоминалось, получила в 1866 году весомое подкрепление со стороны П. Пекарского указанием на то, что соседом М. Е. Карамзина по оренбургской Михайловке — Преображенскому был отставной майор Александр Кудрявцев, фамилия которого фигурирует в качестве восприемника в документах историографа.

Однако симбирские краеведы без особого труда могли бы обратить факт близких отношений родителей Николая Михайловича с Кудрявцевым в свою пользу: ведь многим было известно, что соседом и приятелем М. Е. Карамзина по Знаменскому был не кто иной, как... отставной майор Александр Кудрявцев! Достаточно сказать, что в фундаментальном исследовании П. Мартынова “Селения Симбирского уезда”, вышедшем в 1903 году, приводятся и такие подробности, как многолетнее совместное владение Карамзиными и Кудрявцевыми 2200 десятинами земли в Симбирском уезде².

Но П. Мартынов, как и другие ревнители симбирской старины, не счел нужным доказывать очевидное для него самого симбирское происхождение историографа и тем самым тоже способствовал тому, что, выражаясь словами краеведа В. А. Сукайло (Ульяновская правда. — 1991, 14 декабря), “мы и имеем сегодня незавершенный спор”.

Строго говоря, настоящего-то спора между сторонниками двух версий о месте рождения Н. М. Карамзи-

¹ ГАУО, ф. 109, оп. 1, д. 1362, л. 45.

² Мартынов П. Селения Симбирского уезда. — С-к, 1903, с. 101.

на и не было. Насколько мне известно, после заметки П. Пекарского 1866 года с развернутым обоснованием “оренбургской” версии никто и нигде в печати не выступал. И объясняется это молчание не только тем, что для этого нет документальных оснований, но даже и косвенных правдоподобных мемуаров.

Нельзя же всерьез воспринимать воспоминания дряхлой помещицы Карауловой. И абсолютно невероятно, чтобы М. Е. Карамзин приехал из Симбирской губернии в оренбургское имение, по словам Карауловой, “хозяйничать и охотиться” (а вояж с такими целями он предпринимал в конце августа — сентябре) на лошадях за сотни верст, с переправой через Волгу, — вместе с беременной женой, которую месяца через три ожидали роды. А потом с младенцем предстояло бы проделать обратный нелегкий и опасный путь к постоянному месту жительства.

Можно ли однозначно утверждать, что в момент рождения Николая Михайловича им было Знаменское? Вряд ли. К такому выводу я окончательно пришел в декабре 1993 года, когда довелось побывать там, где некогда была усадьба Карамзиных. Ведь хотя Знаменское в 1760-х годах и было более населенным и благоустроенным, чем современные жалкие остатки его, тем не менее село было дикой глушью, не имевшей к тому же в ненастное и морозное время года устойчивой транспортной связи с находящимся в 40 верстах Симбирском. Карамзины, Ивашевы, Тургеневы, Киндяковы, Ермоловы, Юрловы, Языковы, Баратаевы и большинство других дворянских семей вели **сезонный** образ жизни: с наступлением апрельского тепла они из Симбирска устремлялись в свою деревню, а в ноябре, по первопутку, во главе обоза со всевозможными съестными припасами возвращались городские особняки.

В Симбирске той поры, как и в других провинциальных центрах, по словам И. И. Дмитриева, “еще

не было ни театров, ни клубов”, но каждый глава семьи по “выбору сердца” имел приятелей, с которыми можно было поиграть в ломбер, обменяться книгами и новостями, вместе поужинать¹. Женская же половина общества была поглощена обсуждениями веяний моды, приемами гостей по поводу именин, смотрин, крестин, посещениями балов и свадеб, поисками гувернеров и учителей для детей и многими другими подобными делами и заботами.

Само собой, у каждой семьи были еще и свои причины для пребывания в городе. Таким поводом для Карамзиных осенью 1766 года было ожидание ребенка — событие для Михаила Егоровича и Екатерины Петровны далеко неординарное, ибо после продолжительной совместной жизни к этому моменту они имели лишь одного девятилетнего сына — Василия. Поэтому уже в самом начале осени Михаил Егорович, конечно, не мог не перевезти домочадцев из Знаменского в Симбирск, где жене была бы обеспечена помощь медика-акушера.

Забегая вперед, отмечу, что в письмах Николая Михайловича к своему старшему брату из Москвы в Знаменское и Симбирск содержатся суждения, которые уместно привести в пользу высказанных мною соображений о месте рождения историографа. “Где вы будете зиму? Думаете ли строить дом в Симбирске? — интересовался он в письме от 20 декабря 1804 года у Василия Михайловича и тут же горячо советовал: — Не отставайте совсем от города, милый брат. Пока мы живы, хорошо видется иногда с посторонними людьми”.

Василий Михайлович, состоявший в гражданском (“незаконном”) браке со своей экономкой и имевший от нее четверых детей, не особенно-то стремился к прелестям городской жизни, но настойчивым советам младшего брата в конце концов внял и принялся

¹ Дмитриев И. И. Стихотворения. — М., 1987, с. 21.

за сооружение особняка в губернском центре. Узнав об этом, Николай Михайлович поддержал этот важный шаг Василия Михайловича: “Я желаю, — писал он 20 августа 1807 года, — чтобы вы проводили зиму в городе. Общество служит для нас приятным рассеянием, а долговременное уединение располагает человека к меланхолии”.

Сам историограф тоже вел сезонный образ жизни: зиму проводил с семьей в Москве, а лето — в Остафьеве, имении родных жены князей Вяземских. Когда же наступила пора супруге Екатерине Андреевне разрешиться от бремени, Николай Михайлович заблаговременно готовится к отъезду в Москву. “Мы скоро думаем возвратиться в город, — сообщал он 14 августа 1806 года старшему брату в Симбирск, — где с беспокойством буду ожидать родин жены моей”.

Независимо от того, как скоро окончательно будет решен вопрос о месте рождения нашего выдающегося земляка, назрела настоятельная необходимость поставить все точки над “i” и в дискуссии о домах в Симбирске, которые в XVIII—XIX веках принадлежали семье Карамзиных.

ДОМ КАРАМЗИНА

Капитан Михаил Карамзин, отец автора “Истории государства Российского”, владел недвижимостью в Симбирском, Оренбургском и Уфимском краях и был в состоянии иметь зимние особняки в каждом из трех центров этих провинций. Но, являясь наследником родовой вотчины в Знаменском и симбирским дворянином, он по выходе в отставку обитал главным образом на родине и, естественно, имел в Симбирске приличный его званию капитально обустроенный дом.

После кончины отца городскую усадьбу унаследовал как старший из сыновей Василий Михайлович. О том, что он с наступлением осени обычно перебирался из деревни в Симбирск, видно из писем его брата — историка. Так, в письме от 28 сентября 1799 года из Москвы выражалась уверенность, что Василий Михайлович “уже в Симбирске”¹. Посылая 26 февраля 1801 года очередное послание в Симбирск, Николай Михайлович Карамзин, надеясь, что старший брат находится в своей зимней квартире, просит оказать содействие московскому комиссионеру, который прибывает по делам в Симбирск². Поздравляя 7 января 1802 года Василия Михайловича с днем именин, Николай Михайлович просит его приказать разнести прилагаемые номера своего нового журнала “Вестник Европы” подписчикам-симбирянам: Сушкову, Ермолову, Аржевитинову, Апраксину, Языкову и Колебакину³. Наконец, в канун 1803 года он выражает уверенность, что брат “уже в Симбирске”, и поэтому пишет ему туда⁴.

¹ Атений. — 1858, № 19, с. 198.

² Там же, с. 202.

³ Там же, № 20, с. 246.

⁴ Там же, с. 250.

На какой улице Василий Михайлович проживал и как выглядел отчий кров, до самого последнего времени не было известно, ибо ни Карамзины, ни их современники не писали об этом. И даже родственник Николая Михайловича по мачехе и его близкий друг поэт Иван Иванович Дмитриев в своих воспоминаниях "Взгляд на мою жизнь" (М., 1987) довольно подробно описывая первую, детскую, встречу с Колей Карамзиным на свадебном пиру по случаю второго бракосочетания отца будущего историографа, ни словом не обмолвился о доме, где это произошло. "В толпе пирующих увидел я, — вспоминал Дмитриев, — в первый раз пятилетнего мальчика в шелковом первьеневом камзолычке с рукавами, которого русская нянюшка подводи́ла за руку к новобрачной и окружавшим ее барыням. Это был будущий наш историограф Карамзин. Отец его, симбирский помещик, отставной капитан Михаила Егорович соединялся тогда вторым браком с родною сестрою моего родителя, воспитанною по ее сиротству в нашем семействе" (с. 33).

Самому-то Ивану Ивановичу в это время было уже десять лет, и он, конечно, мог бы описать местонахождение Карамзинского особняка и его внешний вид. Это тем более было возможным, потому что в последующие десятилетия Дмитриев неоднократно навещался в Симбирск и, таким образом, освежал в памяти запечатленный ранее облик родительского дома историографа. Так что, если бы на торжественном обеде, данном в честь Дмитриева группой петербургских литераторов в июле 1833 года, на котором прошла и подписка на памятник Карамзину в Симбирске, Пушкин спросил Ивана Ивановича о местонахождении отчего дома историографа, то баснописец непременно сказал бы, что это невдалеке от знаменитого волжского Венца.

Менее чем через два месяца после этого памятного обеда Александр Сергеевич, совершавший поездку в Поволжье и на Урал для сбора материалов о крестьянской войне под руководством Е. Пугачева, сделал остановку в Симбирске. Опуская подробности почти недельного пребывания великого поэта в городе на Волге (они изложены мною в книге "...Родня по вдохновенью". У-к, 1993), перейду сразу к утру 15 сентября 1833 года, когда Пушкин покидал гостеприимный Симбирск.

В то время Петропавловского спуска (ныне С. Разина) еще не было и пассажиры добирались к волжской переправе по крутому и неблагоустроенному Смоленскому спуску, начинавшемуся в северной части Верхней Набережной (у Старого Венца). На пути к спуску внимание каждого обращал на себя респектабельный каменный двухэтажный особняк, обращенный передним фасадом к великой реке.

Поставлен он был с расчетом и очень удачно. Здесь, на городской окраине, можно было обустроить усадьбу так же привольно, как и в деревне: с парадным и хозяйственным дворами, садом, огородом, оранжереями. Отдаленность от центра города защищала хозяина от незваных гостей. Радовали глаз яблоневые сады, раскинувшиеся по всему скату к Волге, и чудная панорама, которая открывалась взору с балкона верхнего этажа особняка. Впереди простирались бескрайние заволжские дали, виднелись слободы Канава, Часовня и Королевка. Внизу, по выражению поэта-симбирянина Д. П. Ознобишина, — "подол города" с волжскими пристанями и кипучей их деятельностью. "А посреди всего этого — красавица Волга в своем прямом течении, то широким рукавом обнимающая длинную песчаную отмель, то стелющаяся блестящею синею лентою, по которой в миниатюрном виде, — так высока эта местность, на которой вы стоите, — продолжал Ознобишин, —

словно художественно выточенные нюрембергские би-рюльки, несутся парусные суда, плывут барки с дровами, тянутся длинные плоты с бревнами..."¹

Полюбовавшись одним из прекраснейших мест всего Поволжья и стоящим своего высокого названия — Венец, Пушкин пешком прошел по Смоленскому спуску и, наверное, с облегчением вздохнул, когда достиг отлогого берега величавой реки. А находясь уже на паромном дощанике, решил на память запечатлеть в своей дорожной тетради этот живописнейший уголок города. На двух развернутых страничках скупыми, но точными карандашными линиями Александр Сергеевич обозначил Венец, три дома на краю его бровки — Карамзина и два соседних строения, извилистую ленту спуска, Смоленскую церковь, в стенах которой в 1670 году побывали повстанцы Степана Разина, а также несколько пристанских изб и амбаров. Внизу он проставил дату своего прощания с Симбирском — 15 сентября.

В 1935 году этот рисунок был опубликован в сборнике "Рукою Пушкина" и, естественно, стал предметом пристального внимания краеведов, породив две точки зрения относительно дома Карамзина.

Первая из них нашла наиболее полное отражение в справочнике "Край Ильича" (Саратов, 1980) и сводилась к следующему: "В начале XIX века старый деревянный особняк Карамзиных (в начале улицы Гончарова... — Ж. Т.) пришел в ветхость и был сломан. Вместо него старший брат историка — Василий Михайлович — построил новый. Это двухэтажное кирпичное здание сохранилось до настоящего времени (ул. Рылеева, 33-а). 15 сентября 1833 г., находясь в Симбирске, А. С. Пушкин зарисовал Симбирскую гору и этот дом в своей записной книжке. К настоящему времени здание претерпело ряд изменений" (с. 102).

¹ Симбирские губернские ведомости. — 1863, 14 июля.

К сожалению, авторы этой версии не обнародовали в печати документального обоснования в ее пользу. Можно только предположить, что появлению версии невольно способствовали поэты Пушкин и Ознобишин. Ведь Александр Сергеевич, набросав контуры трех домов на Венце, не отметил, какой же из них является “домом Карамзина”. Дмитрий же Петрович, не ведая о существовании этого рисунка, при описании в 1863 году чудной панорамы, открывающейся взору у начала Смоленского спуска, лишь между прочим заметил: “С правой стороны виднеется г. Симбирск, начинаясь с дома нашего знаменитого историографа Н. М. Карамзина, принадлежащего ныне Д. Н. Шидловскому; с другой, яблоневые сады, по горам раскинутые, тянутся далеко, сливаясь с горизонтом”.

Сам-то поэт-симбирянин никогда не бывал в доме Карамзиных и говорил с чьих-то слов, возможно, самих Шидловских. Во время пожара 1864 года симбирские архивы погибли, и поэтому невозможно установить, когда же Шидловские поселились на Верхней Набережной. Из “окладных книг” городской думы послепожарного периода видно, что надворному советнику Дмитрию Николаевичу Шидловскому принадлежало лишь “пустопорожнее место”¹. Если следовать по Ознобишину, то от бывшего дома Карамзиных после пожара ничего не осталось.

В действительности же сгорела усадьба Шидловского, а бывший особняк Карамзиных (в котором во времена Пушкина размещался вице-губернатор, а позднее находился “рабоче-смирительный дом”) располагается дальше от центра города, через владение от “пустопорожного места” Шидловского. К этому открытию я пришел в 1984 году, когда в читальном зале Центрального исторического архива СССР (Ленинград) познакомил-

¹ Симбирские губернские ведомости. — 1863, 14 июля.

ся с чертежами и планами дома коллежского асессора В. М. Карамзина в Симбирске в связи с продажей его в 1803 году казне под резиденцию вице-губернатора. Находилось же историческое здание на перекрестке Большой Саратовской (ныне бульвар Пластова) и Верхней Набережной (ныне Пролетарская), то есть в районе нового общежития Пединститута им. И. Н. Ульянова, на Старом Венце.

При подробном ознакомлении в архиве с планами особняка Карамзиных зримо осязаешь широту души отставного капитана Михаила Егоровича, любившего принимать приятелей на славу: три четверти площади верхнего этажа занимали громадные зала и гостиная (освещавшиеся 16 окнами), позволявшие устраивать званые торжества на десятки пар гостей.

Но Василий Михайлович, в отличие от отца, избегал большого общества. А после того как “незаконная” жена родила ему четвертого ребенка — дочь Ольгу, он предпочитал обитать то в оренбургской Михайловке, то в родовом Знаменском (Карамзино тож). Стремление к уединению от общества проявилось и в том, что городской особняк был продан казне.

Отшельнический образ жизни старшего брата беспокоил Николая Михайловича, и в письмах из Москвы в 1804—1805 годах он неоднократно призывал Василия Михайловича “не отставать совсем от города... видаться иногда с посторонними людьми”, построить в Симбирске свой дом¹. Эта настойчивость сделала свое дело, и уже в августе 1806 года историограф выражает удовлетворение тем, что брат занялся строительством жилья в Симбирске, и, попросив уточнить, “на какой улице”, заметил: “Я еще помню тамошние места”².

¹ Атеней. — 1858, № 20, с. 257.

² Там же, с. 342.

Когда же к зиме 1807 года в Москву поступило долгожданное сообщение о том, что Василий Михайлович справил новоселье в своем доме и подробно описал живописные картины, которые он наблюдает, Николай Михайлович горячо поздравил дорогого человека и с оттенком гордости и грусти заметил: “Воображаю живого моего любезнейшего брата, сидящего под окном прекрасного домика и смотрящего на величественную Волгу, столь знакомую мне из детства! Симбирские виды уступают в красоте не многим в Европе”¹.

Если бы во время нашествия Наполеона в 1812 году не погиб личный архив историографа, то из писем Василия Михайловича было бы известно точное местонахождение “прекрасного домика”, описание им окрестностей города, Волги и многое другое. Но в одном можно не сомневаться: дом в районе кинотеатра “Рассвет”, или, как писал в начале века краевед П. Мартынов, “по Театральной площади, близ Петропавловского спуска”², был построен после того, как отчий кров Карамзиных был продан казне.

В 1827 году Василий Михайлович умер и, согласно его завещанию, этот дом, “со всем находящимся в оном движимом имении, как-то: серебряною, фарфоровою и медною посудой, летними и зимними экипажами, словом, что при оном доме и дворе находится”, стал собственностью его дочери Ольги Васильевны Ниротморцевой³.

А. С. Пушкин во время пребывания в Симбирске, несомненно, узнал о существовании в городе двух зданий, принадлежавших ранее В. М. Карамзину, но его больше интересовал каменный особняк на Старом Вен-

¹ Атеней. — 1858, № 22, с. 419.

² Мартынов П. Селения Симбирского уезда. — С-к, 1903, с. 99.

³ ГАУО, ф. 109, оп. 1, д. 1362, л. 45.

це, ибо здесь до 1795 года (последнего приезда на родину), очевидно, проживал и сам, говоря словами Александра Сергеевича, “первый историк и последний летописец”. Желанием запечатлеть на бумаге местоположение наиболее важного карамзинского места главным образом и объясняется появление в дорожной тетради великого поэта единственного волжского рисунка.

С учетом новых документов, дом № 33-а по улице Рылеева, значащийся в списке памятников архитектуры республиканского значения как “бывший дом брата историка и писателя В. М. Карамзина”, не представляет исторической ценности. Ее имел бы деревянный дом, построенный Василием Михайловичем в 1807 году на углу бывшей Театральной площади (ныне площади 30-летия Победы) и Петропавловского спуска, но эта усадьба давным-давно исчезла с лица земли, и нельзя даже представить, как она выглядела.

Что касается особняка, построенного еще в XVIII веке отставным капитаном М. Е. Карамзиным на Верхней Набережной и доставшегося по наследству Василию Михайловичу, вопреки мнению авторов сборника “Край Ильича”, его не рушили за ветхость, и он существовал в перестроенном виде еще в 1960-х годах, пока отцы города, не представлявшие себе исторической значимости старинного строения, не дали добро на его снос. Но эту оплошность можно и нужно исправить, ибо сохранившиеся в архиве детальные чертежи особняка Карамзина, а также **фундамент** здания дают возможность его восстановления в первоизданном виде и дальнейшего использования как мемориального музея автора всемирно известной “Истории государства Российского”.

Эту мысль я высказывал в статье, напечатанной в “Ульяновской правде” 27 сентября 1984 года. Под руководством краеведа-архитектора Бориса Васильевича Аржанцева, тоже занимавшегося исследованием истории “Дома В. М. Карамзина”, уже создана (на общест-

венных началах!) вся необходимая документация для воссоздания исторического здания по чертежам и планам 1803 года, составленным губернским зодчим Михаилом Матвеевичем Рушко.

Можно надеяться, что эстафета, подхваченная архитекторами-реставраторами, будет поддержана государственными и коммерческими структурами, всеми ревнителями старины и просвещения, и благое дело увенчается воссозданием дома Карамзина.

О ПАМЯТНИКЕ Н. М. КАРАМЗИНУ

(Некоторые новые материалы)

Минуло полтора столетия с того знаменательного для Симбирска дня — 23 августа 1845 года, как в самом престижном месте центра города в торжественной обстановке был открыт изготовленный в Петербурге необыкновенный и очень внушительный памятник нашему выдающемуся земляку Николаю Михайловичу Карамзину. Тогда же впервые услышаны чеканные оды поэтов-симбирян Н. М. Языкова и Д. П. Ознобишина, посвященные столь достойному увековечению имени автора “Истории государства Российского”¹.

Однако аллегорический характер, который придавали памятнику статуя музы истории Клио, установленная на вершине пьедестала, а также два горельефа с полуобнаженными фигурами в римских одеждах, вызывали недоумение у простого народа, да и у некоторых лиц из образованного общества. Обывательские пересуды симбирян о Клио легли в основу юмористического рассказа актера и писателя В. Н. Андреева-Бурлака “На городской площади”². Эта же муза стала героиней фельетонной “Губернской поэмы” поэта Д. Н. Садовникова³.

К 100-летию со дня рождения Н. М. Карамзина, широко отмечавшемуся в Симбирске 1 декабря 1866 года, в печати появилась первая историческая “Записка” о памятнике историографу. Однако, по признанию автора, “за истреблением во время пожара в Симбирске 19 августа 1864 года всех документов, относящихся к

¹ Симбирский юбилей Н. М. Карамзина. — С-к, 1867, с. 144 — 150.

² Трофимов Ж. В. Н. Андреев-Бурлак: память и наследие. — У-к, 1995, с. 137 — 142.

³ Волжский вестник. — 1879, № 23 и 25.

открытию памятника Карамзину”, главным источником для “Записки” стали впечатления М. П. Погодина, выступавшего на открытии памятника со своим “Похвальным словом” Карамзину. Когда же дело касалось предыстории создания памятника, то в “Записке” она освещалась в основном по слухам и предположениям.

Неудивительно, что до сих пор не все “белые пятна” в истории памятника расшифрованы, и даже опытные краеведы не в полной мере представляют себе картину того, как создавался грандиозный монумент, как он был установлен, или, скажем, кто является автором надписи, выложенной накладными позолоченными буквами:

“Н. М. Карамзину,
историку Российского государства
повелением императора Николая I-го
1844 года”

А ведь уже эти строки не только не отражают подлинную историю увековечения памяти Николая Михайловича в родном городе, но и являют собой тот случай, когда можно сказать: “Не верь глазам своим!”

Суть этой надписи по существу отверг П. Мартынов, который в 1898 году в своем сборнике “Город Симбирск за 250 лет его существования” писал, что мысль поставить Карамзину памятник в Симбирске впервые возникла у министра внутренних дел Д. Н. Блудова, который с “Высочайшего разрешения” и открыл в 1838 году подписку, встреченную в Симбирске с “полным сочувствием” (с. 81). Но уважаемый историк сделал шаг назад по сравнению с “Запиской” 1866 года, где ясно указывалось, что впервые мысль о сооружении памятника Карамзину родилась в домах братьев Языковых и их сим-

бирского окружения, а “в конце 30-х годов была проведена и во всем симбирском обществе”¹.

В действительности же, по почину братьев Языковых и генерал-майора П. Н. Ивашева, эту мысль поддержали десятки их единомышленников, и не в 1838-м, а еще весной 1833 года. А уже 13 июня симбирский губернатор А. М. Загряжский направил министру Д. Н. Блудову прошение 38-ми дворян с просьбой исходатайствовать разрешение Николая I на открытие всероссийской подписки по сбору средств на сооружение памятника².

Министр одобрил этот почин симбирян, а по его докладу Николай I разрешил подписку и дал указание Академии художеств объявить конкурс на сооружение монумента Н. М. Карамзину. Сообщив об этом 6 июля Загряжскому, Блудов через день направил подобные предписания всем остальным губернаторам России. Поразительно, что уже 20 июля в МВД поступило крупное пожертвование из далекой от Волги Бессарабии: помещик Плассиано выслал “20 голландских червонцев на сооружение памятника Карамзину в Симбирске”³. В числе первых крупных благотворителей оказались корнет А. И. Яковлев, выславший 2000 рублей, и штаб-ротмистр граф Д. Шереметьев — 1000 рублей.

Широкий общественный резонанс вызвало сообщение в “Северной пчеле” от 21 июля 1833 года о том, что накануне на товарищеском обеде, устроенном друзьями и почитателями поэта и баснописца И. И. Дмитриева, министр Д. Н. Блудов предложил тост и “за благополучное окончание предмета, задуманного благодарными земляками Карамзина”. Присутствовавшие на обеде 20 особ тут же подписались на 4525 рублей.

¹ Симбирский юбилей Н. М. Карамзина. — С-к, 1867, с. 149.

² РЦИА, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 18.

³ Там же, д. 52, л. 13.

Опуская подробности хода событий в последующие пять лет (желающие найдут их в моей брошюре “Симбирский памятник Н. М. Карамзину. Известное и неизвестное”, вышедшей в 1992 году), пока летом 1838-го Николай I повелел заключить контракт с академиком С. И. Гальбергом на изготовление памятника Карамзину, перейду сразу к 1841 году. К этому времени ученики скончавшегося в 1839 году Гальберга, его питомцы по Академии художеств А. А. Иванов, П. А. Ставассер, Н. А. Рамазанов и К. М. Климченко, с любовью и на высоком художественном уровне воплотили в модели замысел своего учителя-академика и передали их в мастерскую барона П. К. Клодта для отливки всех медных частей памятника. Казна выдала Клодту необходимые 550 пудов меди (“20-фунтовыми штыками счетом 1033”) и гонорар в 4000 рублей серебром. Гораздо большую сумму — 10,5 тысячи рублей Академия художеств выдала мастеру Степану Анисимову, подрядившемуся заготовить в Финляндии “цельные три больших куса одинакового красного гранита”, необходимых для изготовления пьедестала по рисункам академика А. Тона.

Некоторые критики упрекали С. Гальберга за “верноподданнические горельефы” по бокам пьедестала памятника. Следует учесть, что в данном случае скульптор выполнял заказ министра внутренних дел Д. И. Блудова, который еще 31 января 1834 года в письме к президенту Академии художеств предложил оба сюжета для горельефов: чтение Карамзиным одной из глав “Истории государства Российского” Александру I в Твери и щедрость Николая I, которую он проявил к лежащему на смертном одре историографу¹.

В начале ноября 1841 года “монументальный мастер” Степан Леонтьевич Анисимов доставил из Финляндии в Петербург три гранитных камня и, согласно

¹ РЦИА, ф. 1284, оп. 18, д. 51, л. 107.

кондициям Академии художеств, принялся за их обработку: тесную подгонку, шлифовку, вырубку в них (“мелкою ковкою”) впадин для горельефов и бюста Карамзина. К лету 1842-го Анисимов обязался представить пьедестал для осмотра совету Академии художеств и, в случае одобрения, весь памятник (весом до 5000 пудов) в ту же навигацию доставить на судне в Симбирск и установить его там “на площади между домами губернатора, губернской гимназии и стеною женского монастыря”.

Но из-за нехватки средств и по ряду других причин барон Клодт завершил отливку “из бронзы памятника Карамзину” только в 1843 году. Осталось сделать надпись на пьедестале. Мастер Анисимов хотел вырубить ее в граните и “вызолотить листовым червонным золотом”, но Академия художеств предложила ему выполнить надпись из накладных букв.

Имеет свою непростую историю и текст надписи на памятнике Карамзину. С. Гальберг по собственному усмотрению на модели памятника начертал: “Н. М. Карамзину, словесности и истории великие услуги оказавшему”.

Но за прошедшее с тех пор десятилетие цензура в стране настолько усилилась, что министр внутренних дел в конце 1842 года счел нужным привлечь к составлению надписи Министерство народного просвещения. Последнее представило аж четыре варианта:

1. Н. М. Карамзину, повелением Императора Николая I. 1843.
2. Н. М. Карамзину, историку Российского государства. 1843.
3. Н. М. Карамзину, творцу истории и преобразователю словесности русской, 1843.
4. Н. М. Карамзину, истории и словесности русской великие услуги оказавшему. 1843.

Д. Н. Блудов “творчески” переработал тексты, взяв за основу второй вариант, дополнив его словами из пер-

вого — “повелением Императора Николая I”. При этом была изъята дата “1843” с тем, чтобы выложить на пьедестале памятника реальную, на момент установки в Симбирске¹.

Внес свою лепту в это творчество и Комитет министров, который предложил такую надпись: “Карамзину, бытописателю России. В царствование императора Николая I-го. 1843”.

Императору пришелся больше по душе текст МВД, где подчеркивалось, что памятник историку Российского государства сооружен его повелением. Самодержец с помощью подхалимов постарался забыть об инициативе симбирских почитателей своего земляка, о вкладе столичных литераторов еще в 1833 году и всероссийской подписке на памятник, деньги от которой поступали в симбирский комитет.

Досадное недоразумение произошло и с появлением на пьедестале памятника даты: “1844 года”. Вначале, как мы видели, фигурировал “1843”, ибо еще весной того же года изготовление всех бронзовых частей, а также гранитного пьедестала было уже завершено и памятник был готов к транспортировке в родной город Карамзина.

Однако в навигацию 1843-го отправка не состоялась ввиду того, что симбирское дворянство за два года хлопот так и не смогло собрать недостающих 480 рублей, потребных для устройства под массивный памятник надежного фундамента (“вниз до 8 аршин”). И все же летом 1844-го тверской крестьянин Тимофей Михайлов доставил “по воде” весь памятник (с датой: “1844 года”) в Симбирск, надеясь, что фундамент будет завершен в его присутствии.

Шли месяцы. В январе 1845-го симбирский губернский предводитель дворянства штабс-капитан П. И. Юр-

¹ РЦИА, ф. 1284, оп. 18, д. 52, л. 240.

лов вынужден был отпустить Т. Михайлова в столицу. А симбирский губернатор Н. М. Булдаков, получив разрешение министра внутренних дел, уведомил “всех значительных помещиков” губернии о необходимости внести недостающие деньги. После выполнения этого предписания работы по сооружению фундамента развернулись полным ходом. И наконец настал день, когда симбирский купец Завьялов доставил памятник с берега Волги на площадь у губернаторского дома (за труд он получил 343 рубля серебром). 28 июля монументальному мастеру Анисимову было предложено немедленно отправиться в Симбирск для установки памятника на фундамент, ибо на 22 августа намечалось его торжественное открытие.

В спешке забыли заменить последнюю цифру в дате установления памятника — вместо “4” вставить “5”. Так и стоит до сегодняшнего дня (!) на пьедестале: “1844 года” вместо положенного 1845-го, сбивая с толку даже опытных историков и экскурсоводов: одни думают, что здесь указана дата изготовления памятника в столице, другие — что это дата его открытия в Симбирске, а третьи — будто в 1844 году состоялось повеление Николая I, которое на самом деле было обнародовано еще в 1833 году.

Наиболее же распространенное мнение встречаем в сборнике П. Мартынова “Город Симбирск за 250 лет его существования” (с. 82): “Статуя Клио была привезена в Симбирск в 1843 году и пролежала на берегу Волги почти два года (т. е. до лета 1845 года. — Ж. Т.), пока не доставили из Петербурга пьедестал и бюст Карамзина”. Но оно находится в противоречии с приведенными мною документами, согласно которым весь памятник был доставлен в Симбирск в навигацию 1844 года, и статуя Клио пролежала на берегу Волги не “почти два года”, а около года.

Нет в нашей литературе единого взгляда и на высоту памятника Карамзину. В “Записке” об открытии памятника Николаю Михайловичу, опубликованной в 1867 году, говорится о высоте “в пять сажен” (10,65 м). Полковник Генштаба А. О. Липинский в своем двухтомном исследовании о Симбирской губернии (СПб, 1868, т. 1, с. 722) определил высоту до “четырех с половиной сажен”. В сборнике П. Мартынова “Город Симбирск за 250 лет его существования” (с. 82) говорится: “Памятник имеет вышины до 4 сажен”. Судя же по архивным данным, высота гранитного пьедестала равна 7 аршинам (497 см) и статуи Клио — 5 аршинам (356 см), а общая высота — 8 метрам 52 сантиметрам, то есть ровно 4 саженьям.

В заключение приведу небезынтересные данные из сметы на сооружение памятника Карамзину, позволяющие представить характер и стоимость основных работ.

“1. За сделание модели статуи (Клио) в настоящую величину (пять аршин) и за снятие с нее форм — 15000 руб.

2. За вылепление двух барельефов и их формовку — 3000 руб.

3. За вылепление колоссального бюста (Карамзина) и за его формовку — 1000 руб.

4. Отлитие из бронзы сих моделей, с предварительною расчисткою воска и окончательною отчеканкою в бронзе, а также изготовление букв надписи с их позолотою: все сие вместе оценено — 50000 руб.

5. Пьедестал из цельных трех кусков гранита, а нижняя лещадь из двух больших и двух по сторонам меньших кусков того же камня, вместе с укладкою всего упомянутого, доставкой к пристани и погрузкою — 20000 руб.

6. Выгрузка, выволочка на гору (с волжской пристани Симбирска на Венец. — Ж. Т.) и постановка на место — 6800 руб”.

Общая стоимость всех работ исчислялась суммой в 105800 руб. Однако обществу памятник обошелся дешевле, ибо 550 пудов меди казна дала бесплатно, что и снизило стоимость до 91800 рублей. К этой сумме следовало добавить злополучные расходы симбирян на устройство фундамента.

Таковы некоторые материалы, которые должны быть учтены при составлении нового паспорта на памятник Н. М. Карамзину — одной из красивейших достопримечательностей нашего города.

ГУБЕРНАТОР ЗАГРЯЖСКИЙ

Пушкиноведов и гончароведов давно интересуется личность Александра Михайловича Загряжского, являвшегося в 1831 — 1835 годах симбирским губернатором. Ведь у него, дальнего родственника своей жены Натальи Николаевны, в сентябре 1833 года проездом из Петербурга в Оренбург останавливался первый поэт России. Что касается И. А. Гончарова, то он около года служил в канцелярии того же губернатора.

Замечу сразу, что в исследовательской литературе имеются неоднозначные оценки Загряжского как человека и администратора, но преобладают все же негативные, причем несмотря на то, что оба великих писателя не дали для этого прямых поводов. Выяснение истины целесообразнее всего начать с краткого изложения жизненного пути Александра Михайловича до приезда в Симбирск.

Выходец из старинного и знатного московского рода, он после домашней подготовки учился в частном институте Виллерса (дававшем среднее образование), а в 15 лет, в 1811 году, надел форму портупей-прапорщика Одесского пехотного полка.

Во время нашествия Наполеона был ординарцем командира дивизии, а в боях под Смоленском, оказавшись в одном из полков, храбро сражался, вывел оставшихся в живых сотню воинов к своим и, в поощрение за отвагу, был переведен в знаменитый лейб-гвардии Преображенский полк. За отличия в боях под Бауценом, Кульмом и Лейпцигом и при взятии Парижа молодой офицер удостоился ордена святой Анны 4-й степени и прусского знака Железного креста, а позже — серебряной медали в память 1812 года и особо — бронзовой медали в память того же 1812 года¹.

¹ Московские ведомости. — 1883, 21 мая.

В 1816 году 20-летний гвардеец-подпоручик вышел в отставку, но в следующем году вернулся в Преображенский полк. Однако фортуна не очень-то благоволила к нему: за последующие семь лет дослужился только до капитана. Александр Михайлович уже обдумывал вопрос об окончательном уходе с военной службы, когда произошло восстание 14 декабря 1825 года, круто изменившее его судьбу в благоприятную сторону.

Симбирский жандармский полковник Э. И. Стогов, рассказывая в своих воспоминаниях о Загряжском (он называл его “губернатором Z”), обрисовал картину его возвышения так: “14 декабря он явился ко дворцу. Государь несколько раз посылал Якубовича образумить бунтовщиков и убедить их, чтоб покорились. Якубович шел к мятежникам, и Z за ним. Якубович вместо убеждения говорил: “Ребята, держитесь, наша берет, трусят, ура! Константин!” И бунтовщики кричат: “Ура! Константин и супруга его Конституция!”... Так было несколько раз, и Z каждый раз ходил и один раз перевязывал ногу платком, прихрамывая, будто ударили его по ноге.

Государь не забыл усердия и сказал великому князю Михаилу Павловичу: “Я видел усердие Z, спроси его, чего он хочет!” Великий князь Михаил спросил Z: “Чего ты хочешь?” Z не задумавшись отвечал: “Желаю быть губернатором”. — “Не много ли это будет?” — “Для государя все возможно!”

И вот Z через разные метаморфозы — губернатор в Симбирске”, — подытожил свой рассказ жандармский полковник на страницах столичной “Русской старины” в декабрьском номере за 1878 год.

В первой книжке этого же журнала за 1879 год А. М. Загряжский опроверг эту клеветническую выдумку Стогова публикацией “Аттестата” о своей службе. Из этого официального документа видно, что Александр Михайлович в день восстания еще служил в Преображенском полку и был уволен с военной службы 26 ян-

варя 1826 года с переименованием из капитана сразу в коллежские советники (минуя чин надворного советника).

В это же время Загряжский, согласно своей просьбе, получил вакантное место чиновника обер-прокурорского стола в Правительствующем сенате. Некоторое время спустя “за усердную службу в комиссии о коронации императора Николая Павловича” он стал кавалером ордена святой Анны 2-й степени.

Николай I явно благоволил к бывшему капитану-гвардейцу, но тем не менее только через три года назначил его на самостоятельную ответственную должность — исполняющим обязанности управляющего Тамбовской удельной конторой. Здесь, в глубокой глуши, Александр Михайлович провел два года, пока министр внутренних дел России не назначил его чиновником особых поручений своей канцелярии. И только 2 июля 1831 года, то есть через пять с половиной лет после восстания декабристов, статский советник А. М. Загряжский был определен исполняющим должность гражданского губернатора в Симбирске¹.

Документы свидетельствуют, что служба на новом месте складывается для него удачно. Уже в 1832 году царь благодарит симбирского губернатора “за успешное взыскание податей и недоимок” и, кроме того, “за отлично усердную службу и благоразумные распоряжения при заготовке хлеба” для винокуренного завода награждает его орденом святого Станислава 2-й степени со звездой². При Загряжском была учреждена симбирская епархия, открыты дворянский пансион при гимназии и первое городское приходское училище³, а также

¹ Русская старина. — 1879, т. 34, с. 174.

² ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 2, д. 38, л. 11 — 14.

³ Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1916 год. — Симбирск, 1916, отд. 1, с. 139.

после 20-летней волокиты возобновилась постройка Гостиного двора, заканчивалась отделка каменных флигелей для чертежной, типографии и архива (фонды которого сгорели в 1828 году в здании присутственных мест).

Александр Михайлович поддерживал дружеские отношения с отставным генерал-майором П. Н. Ивашевым (сын которого Василий, декабрист, томился в Сибири). Загряжский бывал у него как в городском доме, так и в имении Ундоры. Когда летом 1833 года Ивашев и состоявшие с ним в родстве Языковы, Хованские и Бестужевы выступили с ходатайством об увековечении в Симбирске имени Н. М. Карамзина постройкой в его честь общественной библиотеки, начальник губернии сразу же поддержал этот почин и направил все необходимые документы министру внутренних дел.

Как только о благородной инициативе стало известно в Петербурге, И. И. Дмитриев, П. А. Вяземский, А. С. Пушкин, И. А. Крылов, Д. В. Давыдов и другие видные литераторы внесли свою лепту в капитал на устройство в Симбирске Карамзинской библиотеки. А через полтора месяца, 9 сентября 1833 года, Пушкин, собиравший во время поездки по Поволжью материалы для "Истории Пугачева", появился в Симбирске в доме Загряжского.

У него, как и ожидал Александр Сергеевич, оказалось письмо от жены, Натальи Николаевны. От Загряжского, выполняя просьбу приятеля-литератора В. Ф. Одоевского, поэт разузнал о благополучном исходе дела его отчима П. Д. Сеченова (помогавшего 22-летней Варваре Кравковой бежать из имения родителей в Симбирский женский монастырь). При содействии губернатора Александр Сергеевич совершил поездку в село Языково для свидания с поэтом Николаем Михайловичем (но тот оказался в отъезде), а по возвращении в город провел у Загряжских еще несколько дней до отъезда в Оренбург. В кибитке поэта появился

памятный подарок губернатора: карта Екатеринославской губернии издания 1821 года, на которой Пушкин сделал пометку: "Карта, принадлежавшая Императору Александру Павловичу. — Получена в Симбирске от А. М. Загряжского 14 сент. 1833"¹.

В письмах к жене, написанных на симбирской земле, поэт сообщал о посещениях дома Загряжских, но рассказ о своих впечатлениях от общения с ними отложил до личной встречи в столице. И только в письме к князю В. Ф. Одоевскому, извещая о выполнении его деликатного поручения узнать о результатах расследования по делу отчима, Александр Сергеевич счел возможным заметить: "...будучи в Симбирске, видел я скромную отшельницу, о которой мы с Вами говорили перед моим отъездом. Недурна. Кажется, губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, нежели губернаторша... Дело ее, кажется, кончено"². В действительности же в этом полушутливом письме иносказательно, со слов Загряжского, сообщалось, что отчим Одоевского не будет привлечен к ответственности за содействие в побеге Кравковой от родителей.

Подытоживая связи Александра Сергеевича с Загряжским (в столицах и Симбирске), можно сказать, что между ними были если не дружеские, то приятельские отношения. Известно, например, что в 1836 году Александр Сергеевич с женой бывал на даче у Загряжских, под Петербургом. В свою очередь, Загряжские интересовались жизнью и творчеством великого поэта, были в курсе трагических событий, приведших его к гибели, и остро переживали ее³. Примечателен и тот факт, что на Елизавете — дочери губернатора, с которой Пушкин станцевал несколько туров в Симбирске, спустя десять лет женится его младший брат Лев Сергеевич.

¹ Рукою Пушкина. — Л., 1935, с. 601 — 602.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. — Л., 1979, с. 354.

³ Русская старина. — 1878, № 12, с. 647 — 648.

Менее чем через год после пребывания Пушкина в Симбирске сюда, после окончания Московского университета, прибыл 22-летний Иван Гончаров. Уступая настояниям своего крестного отца, отставного офицера-моряка Н. Н. Трегубова, многоопытного в житейских делах, молодой человек вместе с ним нанес визиты вежливости влиятельным сановникам города и, конечно, губернатору.

Службу будущего автора "Обломова" в канцелярии симбирского губернатора довольно подробно рассмотрел в своей книге "Гончаров и родной край" доцент ульяновского пединститута П. С. Бейсов. Руководствуясь мнением А. И. Герцена, что после разгрома декабристов "все передовое и энергическое" было "вычеркнуто из жизни, а дрянь александровского поколения заняла первое место", краевед причислил к этой "дряни" и Загряжского, выведенного в мемуарных очерках "На родине" Гончаровым под именем Углицкого. Это уничижительное суждение П. Бейсов проиллюстрировал пересказом известной версии жандарма Стогова об обстоятельствах назначения Загряжского губернатором (за усердие в день 14 декабря 1825 года), а также указанием на то, что в "Симбирской хронике" содержатся сведения об Александре Михайловиче, "как о виртуозном взяточнике, щеголе и ловеласе"¹.

Убедительных доказательств в пользу этой оценки в книге не приводится, тем не менее, коснувшись созданного Гончаровым в очерках "На родине" образа губернатора, П. Бейсов заявил, что он, несомненно, идеализирован писателем. "Вместе с тем, — продолжал П. Бейсов, — Гончаров не отказывается и от сатириче-

¹ Бейсов П. С. Гончаров и родной край. — У-к, 1960, с. 34.

ского изображения его, особенно в сценах, характеризующих Углицкого как “просвещенного” администратора, “искоренителя” взяточничества”¹.

Однако современники не случайно сравнивали очерки “На родине” с “Пошехонской стариной” М. Е. Салтыкова-Щедрина: оба великих автора создали не просто воспоминания, а художественные произведения, в которых за главными персонажами хотя и скрывались реальные лица, но первых отнюдь нельзя отождествлять со вторыми.

На тщетность попыток рассматривать его воспоминания “На родине” как исторический источник настойчиво указывал сам И. А. Гончаров. “Это не мемуары какие-нибудь, где обыкновенно описываются исторические лица, события и где требуется строгая фактическая правда, — писал он во вступлении к очеркам. — Фон этих заметок, лица, сцены большею частию типически верны с натурой, а иные взяты прямо с натуры... Напрасно было бы отыскивать в моих лицах и событиях то или другое происшествие, то или другое лицо... Другими словами, я желал бы, чтобы в них искали не голый правды, а **правдоподобия**, и буду доволен, если таковое найдется”².

Однако секрет той особой тщательности в выписывании Гончаровым внешнего облика Углицкого кроется, несомненно, в высокой степени сходства его с губернатором Загряжским, образ которого цепкая память писателя сохранила до мелочей. Вот каким запечатлел романист своего бывшего начальника: “красивые правильные черты лица, живые карие глаза с черными бровями, прекрасно очерченный рот с тонкими губами. Взгляд беглый, зоркий, улыбка веселая, немного на-

¹Бейсов П. С. Гончаров и родной край, с. 84.

²Гончаров И. А. Собр. соч. В 8 т. Т. 7. — М., 1980, с. 268.

смешливая. Стройные, красивые руки с длинными прозрачными ногтями. Дома, в утреннем наряде, с белыми, как снег, манжетами, он смотрел франтом”¹.

Благоприятное впечатление у автора очерков осталось и о личности губернатора в целом: “Он бегло говорил по-французски, а русской речью владел мастерски, без книжного красноречия. Она свободно лилась у него, умно, блестяще, с искрами юмора, с неожиданными ловкими оборотами, остроумными сравнениями, антитезами. Я, да и другие тоже, — продолжал Гончаров, — заслушивались его рассказами: он был виртуоз-рассказчик. Он отлично пользовался — не приобретенными систематическим путем, а всячески нахватанными знаниями почти во всем и обо всем... У него в памяти, как у швеи в рабочем ящике, были лоскутки всяких знаний, и он быстро и искусно выбирал оттуда нужный в данную минуту клочок... У него развился взгляд и вкус и в литературе и в искусствах, особенно в живописи”².

Воздавая должное уму и способностям своего бывшего начальника, писатель тем не менее отмечал, что, несмотря на активное участие в Отечественной войне, “серьезная, строгая сторона великой эпохи” все же ускользнула от него и он превратился в искусного чиновника-бюрократа, не способного довести начатое дело до конца. Губернатор, по мнению Гончарова, “в делах по своей должности был очень чуток, наблюдателен и зорок”, и “снаружи дело так и кипело у него и около него, — и все-таки ничего нового, живого, интересного во всей административной машине не было... дело оставалось таким же, как он его застал”³.

¹Гончаров И. А. Собр. соч., т. 7, с. 290.

²Там же, с. 296.

³Там же, с. 307.

Впрочем, как раз ко времени появления писателя в родном Симбирске Загряжский (Углицкий) загорелся очередной идеей — искоренить “нештатные доходы или поборы”, о которых не мог не знать подробно. Он даже пригрозил судом двум-трем подчиненным, замеченным в мелких поборах. В такой обстановке без особого труда губернатор уговорил Гончарова начать служебную карьеру не в Петербурге, как тот намечал, а на родине, в должности секретаря губернаторской канцелярии, чтобы тоже бороться с закоренелым злом.

Очень скоро Иван Александрович убедился, что является “подставным секретарем”, а важные дела продолжают вершить те же чиновники канцелярии, что служили в ней и раньше. А постепенно, под энергичным влиянием губернаторши, Гончаров вошел и в роль “подставного кавалера” ее дочери-подростка и стал своим человеком и в апартаментах начальника. Так продолжалось до весны 1835 года, когда неожиданно из Петербурга поступило известие об увольнении Загряжского от должности и причислении к Министерству внутренних дел. Когда же Иван Александрович поинтересовался: “Что за причина? За что?”, то губернатор “пролил целое море желчи на жандармов и на всех, кого он подозревал из губернских властей в интриге против него”¹.

Сам же писатель, считая, что тот для дел “не сделал ничего ни дурного, ни хорошего, как и его предместники”, счел возможным упомянуть о “посторонней службе” причине, которая, по слухам, через жандармов “восходила до начальства”: Углицкий “был... женолюбив”. Поведав читателям о некоторых его “любовях”, Иван Александрович так подытожил эту деликатную тему: “Наконец говорили (это уже сплетня, должно быть), что жених одной красивой девицы... побил его по секре-

¹Гончаров И. А. Собр. соч., т. 7, с. 332.

ту за... чересчур явное и усердное поклонение своей невесте. Вот это последнее обстоятельство — секретные побои — и послужило будто бы главным мотивом доноса на губернатора, и его отозвали... Я этому не верил и до сих пор не верю, то есть в причину отозвания. Но вообще в романах Углицкого теперь уже сомневаться не могу: сам видел их потом в Петербурге и за границей”¹.

В справедливости последнего суждения писателя сомневаться не приходится, ибо губернатор и на самом деле был “женолюбив”. Однако, отрицая достоверность слуха о “секретных побоях” как первопричине отозвания его начальника из Симбирска, Гончаров тем самым отвергал измышления жандарма Стогова об интриге, якобы затеянной первым лицом губернии с дочерью князя М. П. Баратаева. Полковник, в частности, утверждал, что Загряжский ходил к ней на свидание, нарядившись старухой: “Он так хорошо загримировался и играл свою роль, что сам отец указал, как пройти к дочери. Загряжский похвастался и опозорил имя девушки. Дворянство ополчилось против него, стали грозить скандалом и даже кулачной расправой... И в конце концов Загряжский вынужден был удалиться отнюдь не почетно”².

В опровержении этой клеветы Гончарову, наверное, помогла “Заметка по поводу напечатанных в “Русской старине” воспоминаний г. Стогова”, появившаяся 24 января 1879 года в симбирском “Волжском вестнике”. Ее автор “Старожил”, защищая со знанием дела честь имен Загряжского и Баратаева, вместе с тем подчеркнул, что деятельность самого Стогова в Симбирске ничем не была примечательной, “кроме самовольства”.

¹Гончаров И. А. Собр. соч., с. 337.

²Русская старина. — 1878, № 12, с. 649.

В очерках “На родине” довольно много говорится о взяточничестве, которое процветало в Симбирске и с которым “все губернское общество не только мирилось”, но даже покровительствовало этой системе чиновничьих доходов. Даже, по мнению Гончарова, “всякий священник или благочинный обязательно представлял в год две книги в консисторию, одну метрическую, другую не помню какую, прилагал, смотря по приходу, известную сумму для секретаря: кто сто, кто двести или более рублей”¹.

А вот губернатор, несмотря на то что и квартира у него была обставлена модно, и щегольский экипаж с красивыми лошадьми держал, и картины приобретал недешевые, — “доходов” по должности не имел. “Нет, никогда, — подчеркивал писатель. — Он был очень опрятен, держал себя безукоризненно, джентльменом. Все, что доставлялось на губернаторский дом из лавок, оплачивалось немедленно. Так было во все время его губернаторства, и при отъезде его оттуда за ним ни у одного купца, ни в какой лавке не осталось ни гроша долга. Он щеголял этим, как щеголял изящным костюмом от петербургского портного, покроем и белизной белья...”²

Для более полной характеристики “барометра нравственности” своего симбирского начальника Гончаров отметил, что тот “на вечерах играл в карты, если не с азартом, то с значительным увлечением, между прочим и с откупщиком. Злоязычный Янов (сослуживец писателя. — Ж. Т.) рассказывал, что “откупщику не везет в игре”... “Зачем же он не бросит, если проигрывает?” — спросил я. Янов засмеялся и похлопал меня по коленке”³. И все-таки нельзя сказать, что карточные выигры-

¹ Гончаров И. А. Собр. соч., т. 7, с. 292.

² Там же, с. 298.

³ Там же, с. 299.

ши у богача-откупщика — это замаскированное получение взятки. Во-первых, губернатор имел богатейший опыт карточной игры и снимал банк, как говорится, законно. А во-вторых, откупщик продолжал азартную игру, несмотря на проигрыш, в надежде на удачу, да и потому, что нравилось такое времяпрепровождение, к тому же за одним столом с первым лицом города и края. Словом, за такой почет не жалко было тряхнуть мошной.

Как бы продолжая полемику со Стоговым, утверждавшим о глубокой неприязни между губернатором и дворянством, Гончаров показывает в своих очерках, какими многолюдными и теплыми оказались проводы, устроенные в мае 1835 года отъезжавшему сановнику. После того как дворянство дало обильный прощальный завтрак, желающих проводить за город Загряжского набралось так много, что если бы существовала железная дорога, то понадобился бы целый поезд. «Впереди ехал дормез с губернатором и его семейством, — рассказывал Иван Александрович... — А затем на полверсты растянулась вереница экипажей с провожатыми обоего пола. Поезд замыкался коляской-тарантасом, где помещались я и Пряхин (писатель и его сослуживец. — Ж. Т.), с лакеем на козлах. А сзади нас — бричка с прислугой: горничной, камердинером, еще лакеем и мальчиком»¹.

Наконец, сам факт того, что Гончаров отправился из родного города в Петербург вместе с Загряжским, является убедительным свидетельством его лояльного отношения к бывшему начальнику. Только этим объясняется общение писателя с этим типичным сановником николаевской эпохи и в последующие годы, причем как в столице, так и за границей.

¹ Гончаров И. А. Собр. соч., т. 7, с. 338.

Небезынтересно, как вообще сложилась судьба Загряжского после расставания с Симбирском. С 1837 года он — член консультации при министре юстиции и в 1841 году удостоивается чина действительного статского советника, то есть штатского генерала. В последующие десятилетия Александр Михайлович служит в Новороссийском крае, во время Крымской войны возглавляет дружину государственного ополчения Московской губернии, а завершает казенную службу аж в 1867 году, состоя при министре внутренних дел в чине тайного советника (приравненного к званию генерал-лейтенанта).

Скончался он в Москве в глубокой старости 11 июля 1883 года и похоронен рядом с могилами родных в Андрониковском монастыре. В некрологе, появившемся в “Московских ведомостях”, подчеркивалось, что к А. М. Загряжскому благоволили императоры Александр II и Александр III, а сам он был “дружен со многими нашими и иностранными живописцами, виртуозами, композиторами, учеными и литераторами, а с Александром Сергеевичем состоял не только в дружбе, но и в близком родстве”.

Однако отношения А. М. Загряжского с деятелями литературы и искусства, даже с такими корифеями, как Пушкин и Гончаров, далеко не изучены. Ждет своего исследователя рукописное наследие бывшего симбирского губернатора.

СПЛЕТЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ УЗ (Языковы, Ермоловы, Давыдовы, Загряжские, Пушкины)

Еще в XIX веке какой-то математик установил, что почти все обитатели планеты Земля находятся между собой в той или иной степени родства. Но это — в теории. А на практике проследить родственные отношения даже между знаменитыми людьми, жившими в одно время, далеко не всегда удается.

Так, Д. Н. Свербеев в своих “Записках” (вышедших в 1899 году в Москве), упомянув о близком ему клане симбирских Ермоловых, заметил: “Над всем этим родом гигантом высится родственный им всем, а потому и мне, великий боец Бородина и Кульма” Алексей Петрович Ермолов¹.

Исследователи жизни и творчества нашего замечательного поэта-земляка Николая Михайловича Языкова тоже обычно упоминают, что его родственником являлся герой Отечественной войны 1812 года, наместник Кавказа, член Государственного Совета, кавалер всех российских орденов, автор “Записок” о своем времени генерал от артиллерии А. П. Ермолов (1777—1861), но... никто не указывал на степень этого родства.

Объективно же известно лишь то, что мать Н. М. Языкова была урожденной Ермоловой, а с весны 1844 года, в Москве, между поэтом и генералом, находившимся тогда в опале, установились теплые отношения.

Так, передавая 3 мая брату Александру Михайловичу в Симбирск подробности памятной встречи, Николай Михайлович писал: “Ермолов был у меня в прошлое воскресенье, наговорил мне много комплиментов и проч. Меня крайне поразила его эстетическая физио-

¹Записки Д. Н. Свербеева (1799 — 1826). Т. 1. — М., 1899, с. 23.

номия! И первое его посещение было вследствие этого обстоятельства мне даже тягостно, тем паче, что он присидел у меня два часа сряду. Он пробудил во мне горькие чувства! Можно ли русскому не проклинать того времени, когда такой человек на вопрос: “Что поделываешь, Алексей Петрович?” — отвечает: “Книги переплетаю, ваше императорское величество!”¹.

В конце этого же месяца Николай Михайлович в очередном письме брату Александру прислал и “автограф Алексея Петровича Ермолова” с просьбой хранить его в семейном архиве. А 12 августа 1844 года поэт прислал брату в Симбирск “5 экземпляров портрета Ермолова” с припиской: “вещь славнейшая. Муж великий!”².

Архив Языковых не позволил обнаружить родство их с “мужем великим”, и поиск продолжился в различных справочниках и родословных книгах. Задача осложнялась тем, что к концу XIX века Ермоловы числились дворянами Московской, Калужской, Орловской и Пензенской губерний (дворянская фамилия Ермоловых в Донской области не имела с ними никакой связи). Симбирские же Ермоловы даже в капитальной двухтомной “Истории русского дворянства” П. Н. Петрова, вышедшей в С.-Петербурге в 1886 году, вообще не значились. Поиск затруднялся еще и тем, что женские линии в этом и других справочных изданиях не прослеживались. И все же описание рода Ермоловых в “Истории русского дворянства” П. Н. Петрова позволило составить более или менее подробную схему родословного дерева, которая, наконец-то, помогла обнаружить общего предка генерала А. П. Ермолова и поэта Н. М. Языкова.

Таковым оказался потомок золотоордынского татарина Арслана-Мурзы Ермола (принявшего в 1506 году

¹Языков Н. М. Свободомыслящая лира. — М., 1982, с. 289.

²Там же, с. 290.

московское подданство и христианство во время царствования Ивана III) дворянин Михаил Осипович Ермолов. Оба его сына — Дмитрий и Петр — при Петре Великом служили стольниками и стали основоположниками двух ветвей современных Ермоловых. Большую известность из них приобрела та, которая пошла от Петра Михайловича Ермолова: уже двое его правнуков имели чин генерал-майора, а праправнук Алексей Петрович — это тот самый прославленный генерал, которого Николай Языков назвал “мужем великим”.

Зато во второй ветви, идущей от стольника Дмитрия Михайловича Ермолова, оказались внук — подпоручик Федор Иванович и его трое детей, осевших в Симбирске: коллежский советник Александр Федорович, обер-офицер гвардии Нил Федорович и Анна Федоровна (по мужу Обрескова). По каким-то причинам составитель “Истории русского дворянства” рассмотрение развития этой ветви ограничил только упоминанием сына А. Ф. Ермолова — гвардии капитана Ивана Александровича и тем самым (на 12-м колене) как бы исчерпал эту родословную.

В действительности же у Александра Федоровича и его жены Прасковьи Ивановны (урожденной Яновой) была и дочь Екатерина Александровна (1777—1831), которая в 1797 году стала женой отставного гвардии прапорщика Михаила Петровича Языкова, а затем и матерью будущего поэта, его братьев и сестер.

Итак, Н. М. Языков и А. П. Ермолов имели общего предка в 7-м колене в лице М. О. Ермолова. Однако в эпоху Петра Великого произошло разветвление рода, и к концу XVIII столетия они, состоя в 13-м и 12-м коленах различных ветвей, находились в таком удалении друг от друга в родословной, что сами не ведали (хотя и догадывались) о своем родстве.

Занимаясь разысканиями по родословной генерала А. П. Ермолова, я обратил внимание на то, что его мать,

Мария Денисовна, была урожденной Давыдовой. Эта фамилия среди российских дворян была весьма распространенной, но все-таки можно было надеяться, что какая-то ниточка в широко разветвленном родословном дереве приведет к знаменитому поэту-партизану Отечественной войны 1812 года.

Это предположение полностью подтвердилось при чтении труда академика М. П. Погодина "Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии", напечатанного в "Русском вестнике" в 1863 году (т. 46). Масштабный историк, рассматривая родственные связи Потемкина, Ломоносова, Раевского, Давыдова, Ермолова и других знаменитых россиян, четко обозначил линию интересующей меня связи. Брат матери А. П. Ермолова, Марии Денисовны, действительный статский советник Василий Денисович Давыдов, женатый на Елене Евдокимовне Щербининой, имел сына Дениса Васильевича, который в будущем станет знаменитым поэтом. Таким образом, Денис Давыдов и Алексей Ермолов — это двоюродные братья.

Установление того, что Н. М. Языков, А. П. Ермолов и Д. В. Давыдов находятся между собою в родственных связях, — это уже удача для историка, воодушевляющая на дальнейшие генеалогические изыскания, особенно по родословной А. П. Ермолова. И интуитивное чутье не подвело: оказывается, дед героя-генерала действительный статский советник Алексей Леонтьевич Ермолов был женат на дочери секундмайора П. А. Загряжского.

Каждый, кто знаком с пушкинской биографией, знает, что теща Александра Сергеевича Наталья Ивановна Гончарова является урожденной Загряжской. Впрочем, великий поэт имел среди своих знакомых в Петербурге и Москве и других представителей этого древнего дворянского рода, верой и правдой служивших Российской державе как на гражданском, так и на ратном по-

прищах¹. Для нас же особое значение имеет общение Пушкина с симбирским губернатором Александром Михайловичем Загряжским, двоюродным дядей Натальи Николаевны, во время пребывания поэта 9—15 сентября 1833 года в симбирском крае. Именно у Загряжского получил Александр Сергеевич письмо от жены, а хозяин и его супруга Каролина Карловна оказали ему родственный прием, создали условия для отдыха и сбора материалов для “Истории Пугачева” и “Капитанской дочки”.

В своем очерке “Губернатор Загряжский” (Ульяновская правда, 1993, 20 февраля) я более или менее рассмотрел различные точки зрения на личность и служебную деятельность А. М. Загряжского (у которого в 1834—1835 годах служил И. А. Гончаров) и показал, что в целом это был знающий администратор, не запятнавший своей репутации взяточничеством и казнокрадством, тонкий ценитель литературы и искусства.

Сейчас же хочется остановиться на казалось бы незначительном событии, происшедшем в доме симбирского губернатора, но которое, однако, впоследствии имело продолжение, значительно укрепившее родственные связи Пушкиных с Загряжскими. Имеется в виду эпизод, происшедший во время занятий танцами 10-летней Лизы Загряжской, о котором рассказала ее подруга К. Габленц: “...Вдруг входит в залу господин небольшого роста, в черном фраке, курчавый шатен с бледным или, скорее, мулатским лицом... Мы все уже сидели по стульям и при его общем поклоне сделали ему реверанс. Через несколько минут мы все с ним познакомились и стали просить его танцевать с нами. Он немедленно же согласился, подошел к окну, вынул из бокового кармана пистолет и, положив его на

¹Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т.1. — СПб., 1886, с. 270.

подоконник, протанцевал с каждой из нас по несколько туров вальса под звуки двух скрипок, сидевших в углу”¹.

И кто бы мог подумать, что десятилетие спустя милостивая Елизавета Загряжская, получив аттестат об окончании петербургского Смольного института благородных девиц, уже в Одессе (где ее отец Александр Михайлович начал службу в администрации Новороссийского края) обратит на себя внимание Льва Сергеевича Пушкина — младшего брата великого поэта.

Лев Пушкин в это же время (в 1840 году) перевелся из петербургской в здешнюю таможенную. В гостеприимном доме Загряжских он сразу же стал желанным гостем и душой общества. Внешне похожий на своего знаменитого брата, Лев Сергеевич был чуть ниже ростом, но зато широкоплеч, да вьющаяся шевелюра была не черная, а светлая. Все, кто с ним общался, отмечали его ум, веселый характер, остроумие, завидную способность писать хорошие стихи, смелость и отвагу. За полтора десятка лет службы в драгунском и казачьем полках ему не раз довелось участвовать в боях с польскими повстанцами, походах против турок, операциях по спасению экипажей и судов, потерпевших кораблекрушения, схватках с контрабандистами².

Немудрено, что, когда этот боевой 37-летний офицер и интересный собеседник зачастил к Загряжским, он не мог не приглянуться 19-летней Елизавете Александровне. Лев же Сергеевич был очарован этой красивой, хорошо образованной девушкой. В 1843 году, с благословения родителей, они обвенчались.

Но молодая чета счастливо прожила всего лишь до 1852 года, когда в возрасте 47 лет скончался Лев Сергеевич, оставив 29-летнюю вдову с тремя детьми —

¹Московские ведомости. — 1901, № 242.

²Белые ночи. — Л., 1975, с. 386.

9-летней Ольгой, 7-летним Анатолием и 4-летней Марией. Похоронив мужа, Елизавета Александровна переехала в Петербург, откуда пыталась выехать за границу, но, получив отказ из-за числившихся за семьей долгов, она в 1853 году поселяется с детьми в Большом Болдине Лукояновского уезда Нижегородской губернии. Село это, с полутора тысячами крестьянских душ, досталось мужу после смерти отца его, С. Л. Пушкина, в 1848 году¹.

Первой учительницей своих детей была сама Елизавета Александровна, но когда дети подрастали, она стремилась устраивать их в столичные закрытые учебные заведения. Сына Анатолия она поместила в Московский кадетский корпус. Старшую дочь Ольгу, небогатую здоровьем, она выдала замуж за местного землевладельца Я. Г. Хоботова, а младшую, Марию, поместила в Смольный институт, руководимый тогда К. Д. Ушинским.

Просветительские идеи великого педагога оказали решающее влияние на выбор жизненного пути Марии Пушкиной: с дипломом Смольного института она около тридцати лет занималась педагогической деятельностью, в том числе служила земской народной учительницей. Таким же скромным тружеником был и ее муж, агроном Иван Васильевич Нейкирх.

Рамки статьи не позволяют вдаваться в детали жизни и деятельности Марии Львовны Нейкирх, но на одном из эпизодов остановлюсь подробнее. 16 августа 1920 года она, испытывая материальные трудности, обратилась в Наркомат социального обеспечения с прошением о назначении персональной пенсии. Руководство Наркомата усомнилось в праве Марии Львовны на какие-либо льготы, но Малый Совнарком, согласно ходатайству наркома просвещения А. В. Луначарского, 19 октября вынес постановление, утвержденное Лениным:

¹Записки краеведов. — Горький, 1975, с. 104.

“Предложить Наркомату социального обеспечения назначить усиленную пенсию племяннице поэта Пушкина гр. Нейкирх в размере 15 тысяч рублей в месяц пожизненно”¹.

В венок славных имен, сплетенных родственными и свойственными связями, помимо Языковых, Ермоловых, Загряжских и Пушкиных, можно было бы внести поэта-симбирянина Ивана Петровича Мятлева (брата А. С. Пушкина в 6-м колене), поэта-славянофила Алексея Степановича Хомякова, женатого на сестре Н. М. Языкова... Но воссоздание семейных уз даже самых именитых наших земляков под силу лишь коллективу краеведов.

¹ Литературное наследство. Т. 80. — М., 1971, с. 219.

ДИНАСТИЯ КРЫЛОВЫХ

Член-корреспондент Академии наук СССР А. П. Капица в предисловии в 8-му изданию книги “Мои воспоминания” академика АН СССР Алексея Николаевича Крылова — знаменитого математика и кораблестроителя, заметил в 1978 году, что в этих мемуарах (его деда по материнской линии) почти ничего не говорится о личной жизни автора. Для того чтобы у читателей сложилось о нем более полное представление, Капица привел краткие сведения из родословной кораблестроителя: “Его отец, Николай Александрович Крылов, — в прошлом офицер, участник боевых действий англо-франко-русской войны 1855 — 1856 гг., был человеком незаурядным. Он обладал литературным даром и опубликовал несколько трудов по истории края, был хорошим хозяйственником... Дед, Александр Алексеевич Крылов, тоже был военным, отличившимся в Отечественную войну 1812 г. Был ранен под Бородином и при взятии Парижа. Награжден золотым оружием за храбрость и орденами за боевые заслуги”.

Эти сведения в той или иной мере используются авторами научных и художественных биографий кораблестроителя, но без упоминания того, что дед и отец его теснейшим образом связаны были с его родным краем и официально считались симбирскими дворянами. В предлагаемом очерке “Династия Крыловых” предпринята попытка восполнить этот пробел на основании архивных и мемуарных источников.

1. ГЕРОЙ БОРОДИНА

Из формулярного списка о службе Александра Алексеевича Крылова видно, что он родился в 1785 году, но

где именно и в какой семье, — не указано. Как и большинство его сверстников-дворян, он в 17 лет, в 1804 году, поступил на воинскую службу, младшим унтер-офицером. Но специальность выбрал довольно редкую — морскую артиллерию.

После четырехлетнего обучения Александр Крылов в чине подпоручика был определен в 3-й Морской полк, затем, уже поручиком, переведен в 3-ю артиллерийскую бригаду. Казалось, карьера складывалась удачно, но в 1809 году, с почетным для 24-летнего офицера званием штабс-капитана, он увольняется в отставку.

Однако после годичного пребывания в запасе, когда возникла угроза войны с Францией, Александр Алексеевич снова надевает военную форму — на сей раз поручика лейб-гвардии Павловского полка и в его составе участвует в схватках с вторгшейся в Россию армией Наполеона под Витебском и Смоленском. В знаменитой кровопролитной битве под Бородином 26 августа 1812 года штабс-капитан Крылов сражался храбро, пока не был ранен “в левую ногу выше колена навилет пулею с повреждением сухожильных нитей”¹. За “отличия в сражениях” он был награжден золотою шпагою с надписью “За храбрость”, серебряной медалью на голубой ленте и чином капитана.

Храбро сражался офицер Крылов и при изгнании французских захватчиков за пределы России. В мае 1813 года “за отличия в сражениях” в Польше, Пруссии, Силезии и Саксонии он был “пожалован кавалером ордена св. Равноапостольного князя Владимира 4 степени с бантом”. 18 марта 1814 года в “генеральном сражении при городе Париже и взятии оного” Александр Алексеевич получил новое ранение — “в правую ногу выше колена от картечи контузию”². За отличия в

¹ ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 278, л. 3.

² Там же, с. 180.

этом бою был награжден орденом св. Анны 2 класса, а за “всю кампанию” — орденом “За заслуги”, пожалованным королем Пруссии.

После возвращения в Россию Крылов продолжает службу и в 1816 году получает звание подполковника. Но два ранения сказались на здоровье и в конце 1817 года в 32-летнем возрасте он увольняется в отставку “полковником с мундиром и пенсионом полного жалования”¹. Однако, не владея недвижимым имением, жить на одну пенсию было трудно, и энергичный боевой офицер весной 1818 года согласился на предложение занять место управляющего симбирской удельной конторой.

Должность эта была одной из самых престижных и высокооплачиваемых в Симбирске. К тому же полагались казенное жилье и столовые деньги. Вместе с тем управление удельными селениями (являвшимися личной собственностью царской фамилии), в которых проживали десятки тысяч русских, чувашских, мордовских и татарских крестьян, было делом непростым. Управляющий конторой и его помощники обязаны были лично обследовать удельные имения, разбросанные по губернии. Наряду с надзором за деятельностью сельских старост и бургомистров полагалось вникать в основные хозяйственные проблемы, как-то: сборы налогов и податей, отправление различного рода повинностей, охрана лесов и рыбных ловель, устройство дорог и мостов, подготовка ремесленников всех специальностей и т. п.

Делопроизводство удельной конторы, которой уже девять лет управлял 53-летний Михаил Федорович Филатов, обремененный семьей с девятью детьми, оказалось несколько запущенным, и Александру Крылову пришлось сначала составить для Петербурга отчеты о

¹ ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 278, л. 3.

доходах и расходах за 1816 и 1817 годы, а уж потом приняться за 1818-й. Но 33-летний отставной полковник сумел-таки справиться и с этой частью своей работы и с 1820 года ежегодно удостоивался то благодарности царя, то “бриллиантового перстня с цветными камнями”, то денежной награды, то “алмазных знаков ордена св. Анны 2 класса”¹.

А вот хроника личной жизни в послужных списках Александра Алексеевича учтена до обидного скудно. Имена дочерей названы: Мария, Екатерина, Елизавета, Наталья и Анна; указано даже, что первые две помещены в столичный Смольный институт. Сказано, что Крылов “детей мужского пола не имеет”. Но имя, отчество и девичья фамилия жены нигде не упомянуты. В формулярном списке 1828 года появляется запись: “вдов”, а в следующем — что родилась дочь Варвара. Но этот ребенок — уже от второго брака, от дочери своего предшественника по должности управляющего М. Ф. Филатова — Марии Михайловны. Она станет матерью и двух сыновей — Николая (отца будущего академика-кораблестроителя А. Н. Крылова) и Михаила.

Казнокрадство и взяточничество в те времена процветали почти повсеместно, и Александр Алексеевич, стараясь преуменьшить это зло, подбирает на службу ветеранов войны с наполеоновской Францией. Даже по лаконичным записям в личных делах видно, как непросто сложились их судьбы. Титулярный советник Ермолаев Николай Степанович, из обер-офицерских детей, начал военную службу унтер-офицером в 1808 году. Участвовал в многочисленных схватках с захватчиками и в 1812-м “за отличие в сражении” был произведен в прапорщики. Довелось ему преследовать отсту-

¹ ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 278, л. 4; Именной список дворян Симбирской губернии (ИСД), л. 116.

пающего Наполеона в Польше, Баварии и Франции. По возвращении в Россию попал в состав Кавказского корпуса и до 1819 года участвовал в боевых действиях “против чеченцев”. Со службы был уволен по болезни, имея за спиной 31 год, и в 1821 году, при А. А. Крылове, был определен помощником управляющего удельной конторой¹.

Титулярный советник Африкан Петрович Судоплатов, “из приказного звания”, в 37-летнем возрасте добровольно стал в 1812 году подпрапорщиком 3-го пехотного полка Симбирского ополчения и в его составе прошел славный боевой путь до столицы Франции, за что, как и А. А. Крылов и Н. С. Ермолаев, был удостоен медали, учрежденной в память вступления русской армии 19 марта 1814 года в Париж². Такую же награду получил унтер-офицер Пимен Иванович Иванов, из крепостных крестьян, которому довелось воевать в Валахии и Болгарии против турецких войск, а после — преследовать отступающую из России наполеоновскую рать через Пруссию и Саксонию, штурмовать Париж. После 25-летней службы в армии он уволился по болезни, но в 1825-м Александр Алексеевич зачислил его на должность унтер-офицера команды при конторе.

Вахмистром команды в 1821 году стал Антон Герасимович Рукавишников, которому 25 лет довелось уже тянуть солдатскую лямку. Но в 1812-м, с “открытием войны против французов”, он снова надел военную форму и в 50-летнем возрасте участвовал во взятии Парижа³.

Григорий Афанасьевич Строкин, “из экономических крестьян”, начал службу рядовым пехотного полка, а 7 февраля 1812 года облачился в блестящую форму

¹ ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 261, л. 9.

² Там же, д. 278, л. 8.

³ Там же, д. 241, л. 25.

рядового лейб-гвардии Павловского полка, то есть того, где был А. А. Крылов. С боями прошел он по Европе и участвовал во взятии Парижа, за что получил памятную серебряную медаль. В 1827 году в чине унтер-офицера уволился в запас, но уже в следующем году определился вахмистром в удельную контору¹.

Отставной капитан Николай Захарович Климов участвовал во многих сражениях с французами, начиная еще с 1805 года. В 1812-м был ранен в правую ногу и левое плечо. После увольнения служил в различных присутствиях, пока не получил должность смотрителя в удельной конторе².

Примечательно, что восприемницей дочери Крыловых Варвары, родившейся 24 сентября 1819 года, была Екатерина Ивановна Филатова — жена капитана 2-го ранга Степана Федоровича Филатова, командовавшего полком Симбирского ополчения и особенно отличившегося в боях с французами при взятии в 1813 году считавшейся неприступной крепости Глогау на Одере³. Кстати, по возвращении отважного моряка, которому было за 60 лет, в Симбирск, произошла его встреча с министром юстиции баснописцем И. И. Дмитриевым. Преклоняясь перед патриотизмом Филатова, тот спросил, получил ли он за это какую-нибудь награду. «Нет, Ваше Высочайшее Превосходительство! — ответил старик. — Да, впрочем, это, я думаю, потому, что государю нечем было меня наградить! В мои лета одна награда: летом в халате, а зимой в тулупе; так это у меня уже есть»⁴.

Александр Алексеевич Крылов, официально причислившийся с детьми к дворянству Симбирской губернии, регулярно участвовал в дворянских выборах и съездах.

¹ ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 278, л. 24.

² Там же, д. 295, л. 28.

³ *Дмитриев М. А.* Московские элегии. — М., 1985, с. 209.

⁴ Там же.

Там, естественно, он сходилcя с теми ветеранами Отечественной войны, которые дорожили своей чеcтью, презирали карьеризм и угодничество, сочувственно относились к офицерам, пострадавшим в связи с выступлением декабристов на Сенатской площади в 1825 году. И надо полагать, что его отношения с такими героями 1812 года, как сподвижник Суворова и руководитель сооружения Тарутинского лагеря генерал-майор Петр Никифорович Ивашев (отец декабриста), адъютант Суворова секунд-майор Александр Алексеевич Столыпин (двоюродный дед М. Ю. Лермонтова) или, скажем, штабс-капитан Петр Иванович Юрлов, удостоившийся боевых наград за личную храбрость, не ограничивались полуофициальным обменом праздничными визитами. Встречались ветераны и в читальном зале дворянского собрания, и во время гуляний в Александровском саду, в Киндяковке или на Венце.

В 1829 году Крылов, вследствие козней столичного ревизора (через год тот будет судим за казнокрадство), да и местного недруга А. В. Бестужева, домогавшегося должности управляющего, был вынужден уйти в отставку. В марте 1833 года, как это установил С. Л. Сытин, А. А. Крылов продал свой двухэтажный деревянный особняк с обширным садом на Покровской поручику А. И. Юрлову (ныне этот особняк, в 1909 году обложенный кирпичом, значится на ул. Л. Толстого под № 89) и переехал с семьей на жительство в Алатырский уезд, где находилась та часть имения Филатовых, которая досталась в качестве приданого жене Марии Федоровне. Зимой Крыловы обитали в уездном городе или отправлялись к родным в Казань или Симбирск, а летом находились в своем селе Висяги. Из соседей ближе всего сошелся Александр Алексеевич с полковником Александром Адриановичем Поповым, командовавшим батальоном под Бородином в чине капитана, а в Па-

риж вступившего полковником. Всю войну тот был на передовых позициях, штабных не любил, считая их интриганами, а интендантов называл ворами¹. Эти мысли были созвучны собственным взглядам Александра Алексеевича.

Владимир Липилин в своей книге "Крылов", посвященной академику А. Н. Крылову, внуку героя Бородинского сражения, приводит следующий эпизод из деятельности его деда "в качестве нижегородского окружного комиссара по борьбе с холерой в Поволжье в 1830 году": Александр Алексеевич воспрепятствовал возвращению А. С. Пушкина в Москву из Болдина. Поведав, что великий поэт, подчинившись требованию соблюдать карантин, сменив гнев на милость, "не единожды принимал Крылова в своем болдинском доме. "Вел дед, — продолжает В. Липилин свой рассказ об Александре Алексеевиче, — близкое знакомство и даже родство с героем Бородинской битвы генералом А. П. Ермоловым, с отцом декабриста П. Н. Ивашевым, с поэтом Н. М. Языковым и философом А. С. Хомяковым. Со всеми он прост в обращении, все уважали его... гражданина отечества. Такими же преданными отечеству гражданами воспитал Александр Андреевич (надо — Алексеевич. — Ж. Т.) своих сыновей, таким станет и внук Алексей"².

2. СЫН И ВНУК ГЕРОЯ

Обладая ограниченными для своего положения средствами, Александр Алексеевич прежде всего старался дать приличное образование шести дочерям (две стар-

¹ Исторический вестник. — 1903, № 9, с. 796—797.

² Липилин В. Крылов. — М.: Молодая гвардия (ЖЗЛ), 1985, с. 12.

шие успели его получить в Смольном институте). Сыновья же — Михаил и Николай — с детства готовились к поступлению в военно-учебные заведения. Находясь большую часть года в деревне, они росли вместе с крестьянскими ребятами, сноровисто выполняли основные хозяйственные работы по дому и получили крепкую физическую закалку. Михаил первый покинул родимый дом, а когда настала пора Николая сесть за ученическую парту, отец передал ему готовальни и другой чертежный инструмент, приобретенный еще в 1814 году в Париже, и обещал оставить ему в наследство пистолет системы “Смит и Вессон”. Передавая эти драгоценные сувениры, он как бы вручал эстафету-наказ младшему сыну: “Умей трудиться и защищать свой труд”¹.

Этому завещанию следовали оба сына. Михаил, послужив в армии, в чине майора ушел в отставку и честно трудился потом на гражданском поприще в Москве. Что касается Николая, то он после преждевременной кончины отца, постигшей его в 1841 году в 56-летнем возрасте, поступил в столичный кадетский корпус, откуда был выпущен в 1850 году прапорщиком в артиллерию. Около двух лет служил на кораблях Черноморского флота, пока не заболел лихорадкой и вынужден был уйти в отставку. С началом Крымской войны Николай Александрович был определен в легкую батарею 13-й артбригады, на вакансию, оставшуюся свободной после перевода Л. Н. Толстого в другую часть. В 1857 году он окончательно вышел в отставку и вернулся в родной край².

В эпоху падения крепостного права Николай Крылов был мировым посредником и стоял за освобождение крестьян на менее кабальных условиях. Он зорко наблюдал борьбу крепостников и либералов в Симбир-

¹ Лепилин В. Крылов, с. 11.

² Крылов А. Н. Мои воспоминания, с. 50.

ске и соседних губернских центрах по этому животрепещущему вопросу и ярко, публицистично воссоздал ее перипетии на страницах столичных журналов. После 19 февраля 1861 года Николай Александрович был избран в мировые посредники Алатырского уезда, а с введением земства — председателем Алатырской уездной земской управы, участковым мировым судьей.

В общественной деятельности Николай Александрович всегда руководствовался здравым смыслом и чувством справедливости, а это нередко приводило к тому, что в спорных случаях он становился на сторону крестьян, вызывая, как говорится, огонь на себя высшей администрации. В конце концов за “вредный образ мыслей и потворство крестьянам при делах, против них полицией возбужденных”, Крылов был лишен права заниматься общественной деятельностью¹.

В 1862 году Николай Александрович женился на умной, энергичной и красивой 17-летней уроженке Казани Софье Викторовне Ляпуновой, племяннице выдающегося профессора астрономии университета М. В. Ляпунова. Молодая чета Крыловых чуть ли не ежемесячно ездила из Висяги в село Теплый Стан (в 25 верстах), куда летом собирались известный физиолог И. М. Сеченов и будущие знаменитости братья Ляпуновы: математик Александр, языковед Борис и композитор Сергей Михайловичи, братья — врачи Нил и Петр Федоровичи Филатовы, зоолог, путешественник и писатель Борис Михайлович Житков. В 1860-х годах Николаю Александровичу довелось общаться с В. Н. Фигнер, будущей народоволкой и писательницей, с революционером-публицистом М. Л. Михайловым, с братом поэта-симбирянина А. М. Языковым, с членами семьи покойного сподвижника Суворова генерала П. Н. Ивашева, с возвращавшимися из ссылки декабристами и петрашевцами.

¹ Штрайх С. Я. Алексей Николаевич Крылов. — М., 1956, с. 231.

Николай Александрович был человеком необычным, прежде всего внешне: рослый и широкоплечий силач, обросший черной окладистой бородой, одетый в казачий бешмет, перепоясанный широким сыромятным ремнем. На голове — лихо заломленная смушковая папаха, а на ногах — смазные сапоги. На ярмарку он ездил без кучера и не боясь разбойников, ибо умел моментально выхватить револьвер, висевший на левом боку рукояткой вперед, и, не целясь, со вскидки, всадить пулю в мишень¹.

Но он был интересным собеседником и компанейским человеком — веселым остроловом, великолепным исполнителем русских народных песен. Академик В. П. Филатов с теплым чувством вспоминал: “В нашей многочисленной родне Николай Александрович считался образцом сильного ума и характера”.

С полным на то основанием можно сказать, что после того, как 3 августа 1863 года в Висяге (ныне село Крылово Поречского района Чувашии) в семье Крыловых родился первенец, которого в честь деда назвали Алексеем, Николай Александрович стал любящим отцом своего единственного сына. Предоставив жене и ее сестре Александре Викторовне, жившей вместе с ними, обучать Алексея чтению, письму, священной истории и французскому языку, Николай Александрович взял на себя воспитание его характера, причем не столько назидательными беседами, сколько личным примером: трудолюбием, любознательностью, смекалкой, физической выносливостью, скромностью, честностью.

Его сын, Алексей Николаевич, будучи уже членом Академии наук СССР, вспоминал о той поре, когда ему было 5 лет: “Отец подарил мне по его заказу за 75 копеек сделанный настоящий маленький топор, сталью наваренный, остро отточенный, который и стал

¹ Крылов А. Н. Мои воспоминания, с. 19.

моей единственной игрушкой... В моей комнате всегда лежала плаха дров, обыкновенно березовая, которую я мог рубить всласть”¹.

В связи с тем, что крымско-кавказская лихорадка каждые весну и осень по три недели изнуряла Николая Александровича, он, по совету врачей, резко переменил климат: в 1872 году переехал с семьей на юг Франции, в Марсель (всю землю в Висяге предварительно продали). Уже через неделю после приезда в Марсель отец поместил 9-летнего сына в пансион, где все предметы преподавались по-французски, хотя Алексей умел только читать и списывать с книги, а словарный запас его не превышал полусотни самых простых слов. Расчет отца, полагавшего, что жизнь заставит мальчика быстро овладеть французским, оправдался: за три месяца новичок из симбирского края свободно понимал и говорил по-французски.

Осенью 1874 года Крыловы оказались в Севастополе, и Алексей поступил во 2-й класс уездного училища “с прогимназическими классами”. Вскоре он стал первым учеником. В следующем году, уже в Риге, отец поместил его пансионером в частное немецкое училище, для того чтобы Алексей скорее научился немецкому языку. Он считал, что иностранному языку надо обучать в детском возрасте, подобно тому, как щенка учат плавать: “Берут за шиворот и кидают в пруд; выплывет — научится плавать, потонет — никогда не научится”². И жизнь блестяще подтвердила расчет Николая Александровича: через год сын свободно говорил по-немецки, а в марте 1877 года он был уже учеником 3-го класса Рижской классической гимназии.

Но и Алексей уже научился озадачивать отца. В связи с началом русско-турецкой войны он начал мечтать

¹ Крылов А. Н. Мои воспоминания, с. 16.

² Там же, с. 59.

о морской службе и заявил ему в 1878 году о своем желании стать военным моряком: "Ты сам любишь море, не хочу зубрить никому не нужные латынь и греческий, отдай меня в Морское училище". Довод был признан веским, и Николай Александрович и Софья Викторовна в 1878 году переехали жить в Петербург, чтобы быть рядом с сыном.

После шести лет обучения Алексей Крылов с отличием (и денежной премией в 350 рублей) закончил училище, с занесением его имени золотыми буквами на мраморную доску, и званием мичмана. С мечтой же о плавании в море пришлось расстаться из-за резко усилившейся близорукости... К счастью, его еще в училище заприметил лауреат Ломоносовской премии Академии наук профессор И. П. Колонг и пригласил к себе в компасную мастерскую Главного гидрографического управления. Он создал все условия для научной и изобретательской деятельности одаренного офицера-мичмана. За три года службы в компасной мастерской Алексей Николаевич опубликовал десять научных статей по девиации компаса. В 1887 году он перевелся для прохождения службы на Франко-Русский судостроительный завод, чтобы глубоко освоить проектирование и технологию создания боевых кораблей, стать кораблестроителем. После годичной стажировки под руководством главного инженера и управляющего верфью П. А. Титова 25-летний мичман становится слушателем Морской академии. В это же время он женится на землячке по Симбирскому краю Елизавете Дмитриевне Драницыной. В октябре 1890 года Алексей Крылов оканчивает по первому разряду академию и его имя заносится на мраморную доску почета. С этого года начинается и его преподавательская деятельность в Морской академии.

Николай Александрович с глубоким удовлетворением и гордостью следил за стремительным взлетом сына на

научном поприще и при первом же его серьезном столкновении в техническом обществе с сановными инженерами-корабелями в мае 1891 года пришел ему на помощь: Алексей доказывал, что при расчете основных элементов корабля целесообразно использовать формулы приближенного вычисления, предложенные профессором П. Л. Чебышевым. Его оппоненты отдавали предпочтение формуле Симпсона. Для того, чтобы помочь сыну отстоять новый важный для практиков-корабелов метод Чебышева, Николай Александрович встретился с самим П. Л. Чебышевым, и тот помог своему 28-летнему последователю. Благодаря же Алексею Крылову этот метод восторжествовал во всем мире.

Самому Николаю Александровичу исполнился 61 год, но он был еще полон энергии, внимательно следил за социально-экономическим развитием России и освещением ее послереформенной истории в печати. Прекрасная память и умение четко излагать свои мысли побуждали его взяться за перо и написать воспоминания об учебе в столичном кадетском корпусе, борьбе среди дворянства Симбирской и смежных с нею губерний за условия освобождения крепостных крестьян, о проведении в жизнь "Положения 19 февраля 1861 года" в Казанской губернии, восстании крестьян в Бездне, деятельности мировых посредников первого призыва, о встречах с учеными и писателями. Эти воспоминания публиковались в 1892—1904 годах в "Русской старине", "Историческом вестнике", "Вестнике Европы", других журналах и вызывали интерес широкой общественности.

И ныне, спустя столетие, с удовлетворением можно отметить, что мемуары Крылова как любопытный и достоверный исторический источник используются во многих научных трудах, посвященных эпохе падения крепостного права и истории общественного движения. Особое значение эти мемуары имеют для истории симбирского края.

Благодаря Николаю Александровичу стало известно имя алатырского помещика Александра Сергеевича Жилина, который в конце 1850-х годов выступал за скорейшее освобождение крестьян; не имея своих детей, “хотел свое село Княжуху в 700 душ подарить дворянскому пансиону при Симбирской гимназии”. Крылову же принадлежит такое описание нашего города той эпохи: “Симбирск зимой был переполнен дворянами. Театр, любительские спектакли, собрания, балы, вечера и гостеприимство сказочное; жизнь была дешевая... Живы были тогда старики 1812 года, были прежние франк-масоны, члены общества “Арзамас” и доживали свой век декабристы, которым удалось дожидаться воли и порадоваться на остатке своих дней”.

Но это была, как говорится, одна сторона медали, а другая, в отображении Николая Александровича, выглядела неприглядно: “Если теперь, через сорок лет после освобождения, не исчез еще чад крепостничества, то можно представить, что было в 1858 году... Живые и мыслящие люди были редки, а масса злобствовала только потому, что не знала ничего кроме сплетен... Старик-помещики, у которых многие из родных и знакомых покончили жизнь в Сибири за волю крестьян и за другие несвоевременные желания, не были оптимистами в ожидании реформы. Вспоминаю, — продолжал Крылов, — умнейшего старика в Симбирске Александра Михайловича Языкова, брата поэта Николая Михайловича и брата геолога Петра Михайловича, женатого на Ивашевой: он говорил, что не следовало царю обращаться к чести дворян и предоставлять им улучшать быт своих крестьян. Дворяне теперь не те, что были тридцать три года назад, да и власть теперь не та, чем была. Прежде дворяне были либеральнее правительства, а в настоящее время правительство либеральнее

дворян. Поэтому и надо было бы самому правительству сделать, что оно находит нужным, и предписать исполнить”¹.

Но здравые мысли были только у некоторых либералов, и прав был, по мнению Александра Николаевича, критик Белинский, который говорил, что “гражданские доблести — друзья своих интересов и враги общего дела”.

Приятным исключением среди симбирских помещиков, говорится далее в мемуарах, был сын поэта-партизана Николай Денисович Давыдов, который предлагал “полюбовно разделиться с крестьянами и дать им то, что они теперь имеют; и кроме того, полюбовно сговориться с ними насчет барщины. Тогда можно будет не только спокойно, но даже приятельски жить с крестьянами в своих деревнях”. Под стать Давыдову была его жена-красавица Софья Петровна, урожденная Топорнина, которая говорила, что так как представителей от крестьян нет в губернском комитете по проведению в жизнь “Положения от 19 февраля 1861 года”, то дворяне обязаны ограждать интересы крестьян. “Мы должны сознать свой долг перед ними, — убеждала Давыдова своих слушателей. — Они нас вырастили, дали средства для нашего образования и теперь работают, чтобы мы могли пользоваться всеми благами жизни, а сами они решительно ничем не пользуются”. Завистницы над нею посмеивались, говорили, что она повторяет слова Юрия Федоровича Самарина, ее соседа по имению.

После поражения в Крымской войне, — продолжал Крылов, — многие в Симбирске поняли, что мы проиграли именно потому, что мы были крепостниками.

¹ Крылов Н. Очерки из далекого прошлого. — Исторический вестник, 1900, № 5, с. 167.

Этот яд вносил разврат всюду, начиная с воспитания наших детей и нашего народа. Дети выросли на крепостном труде, не ценили чужой труд, и для себя всякий труд считали унижением. Это убеждение они вносили во все сферы жизни и в воспитание войск. Войска управлялись унтер-офицерами. Полковые командиры смотрели на свои полки как на доходные имения; батальонные командиры сибаритничали; ротные — заботились только о казовой стороне и наградах, а молодежь знала лишь карты, вино и танцы... Боевой подготовки войск совершенно не было — все вертелось на ружейных приемах и маршировке”.

Читая эти обличительные строки боевого офицера, участвовавшего в Крымской войне, невольно сравниваешь их со сладкоголосыми байками в российских средствах массовой информации о благородных поручиках Голицыных и корнетах Оболенских; ведь они так и не вняли урокам поражения России в крымской и японской войнах и к 1917 году довели свою армию до развала.

Вспоминая об отношениях помещиков к крестьянам, Николай Александрович говорит, что в Симбирской губернии они “в общем не были зверскими”, и поясняет эту мысль: “Большинство работало по трехдневной барщине и только в молотье гречи, гороха или при уборке сена — отнимался у крестьян четвертый день. Но были и выдающиеся тираны, которые отнимали все дни, пока шла уборка барских полей. Крестьянам давали только праздники”. Некоторые помещики занимались “продажей крестьян в рекруты... и помогали им в этом чиновники, разумеется за взятки... Продажа девок в замужество была законом дозволена... Кандалы, розги, палки и расправа кулаками практиковались повсеместно... Жалобы крестьян губернатору, предводителю и жандармскому штаб-офицеру

обыкновенно оставлялись без последствий, а жалобщиков отдавали тому же помещику, который и мстил всю жизнь”¹.

Николай Александрович с горечью отмечал, что через четверть века после реформы 1861 года в России не произошло заметного роста промышленности и торговли. Если же лежащие втуне богатства и начали разрабатываться, то иностранным капиталом и иностранцами. “Свободный же народ мало подвинулся в нравственном и материальном отношении. Казна и государство разбогатели, а народ остался беден и невежествен”. Не вдаваясь в поиск ответа на вопрос, что делать, мемуарист подводит читателя к мысли о необходимости обличительной литературы (подобной “Губернским очеркам” Н. Щедрина), укрепления органов местного самоуправления, развития народного просвещения, борьбы с казнокрадством и коррупцией.

Думается, что и небольшая подборка из воспоминаний Н. Крылова дает представление о незаурядном литературном даре автора и непреходящей ценности его рассказов о жизни нашего края в 1850—1860-х годах. Недаром в предисловии к книге “Экономическое значение Беломорского канала”, написанной Николаем Александровичем, отмечалось, что ее составление было поручено ему “как литератору, заявившему свои разносторонние знания многими замечательными статьями”.

К этому следует добавить, что Николай Крылов был демократом как по убеждениям, так и по образу жизни. Даже в начале 1900-х годов для него лучшим отдыхом была поездка в алатырское село Калифорния, где весьма скромно жила его сестра Наталья Александровна Тюбукина. Николай Александрович, несмотря на свои 70 с лишним лет, участвовал там в повседневных

¹ Исторический вестник, 1900, № 5, с. 167.

хозяйственных делах. И в это время, по свидетельству Ивана Михайловича Сеченова, ученого с мировым именем, Крылов по-свойски приглашал его к себе в гости на “песенные вечера”, чтобы вместе попеть народные песни, запавшие им в душу с детства.

Самой большой радостью для Николая Александровича были те годы, когда в симбирский край с ним отправлялся сын, ставший уже одним из сподвижников знаменитого адмирала С. О. Макарова в борьбе за “обеспечение основного качества корабля — его непотопляемости”. Увы, бездарное начальство не прислушалось к новаторам, и в ходе войны с Японией погиб адмирал Макаров и две тихоокеанские эскадры. И только после позорного поражения в войне идеи С. О. Макарова и А. Н. Крылова получили официальное признание. В начале 1908 года Алексей Николаевич получил пост главного инспектора кораблестроения и звание генерал-майора. Но отцу не суждено было дожить до почетного признания научных заслуг сына. Однако еще при жизни он с законной гордостью имел все основания считать, что славные традиции их династии, заложенные Александром Алексеевичем на Бородинском поле в 1812 году, имеют блестящую перспективу.

О ТАИНСТВЕННОМ КОРЕНЕВЕ И ЕГО СТИХАХ

Известная поговорка “Мал золотник да дорог” в полной мере подходит к творчеству поэта-симбирянина К. И. Коренева, в особенности, к его стихотворению “Воспоминание”, которое начинается знакомыми для многих из нас строками:

Я не забыл тебя, далекий,
Но сердцу близкий городок,
И Волги берег твой высокий,
И тротуары из досок...

Широкое распространение оно получило в 1898 году, после перепечатки в книге П. Мартынова “Город Симбирск за 250 лет его существования”. При этом краевед дал такое пояснение читателям: “Это стихотворение сообщено симбирским старожилом А. П. Греневым. Оно принадлежит К. И. Кореневу, долго жившему в Симбирске и в сороковых годах перешедшему на службу в С.-Петербург, откуда он и прислал это “Воспоминание”.

Старожил, конечно, исходил из лучших чувств, представляя автору исторического сборника симпатичную поэтическую картину родного города. Но список стихотворения, видимо, был сделан не самим Греневым, а кем-то другим и вольно или невольно он ввел в заблуждение П. Мартынова, преподнеся “Воспоминание” как бы для первой публикации.

В действительности же, это стихотворение впервые появилось более, чем за полстолетия до этого — в 4-й книжке “Отечественных записок” за 1844 год. Публикация в журнале, где главным критиком был “неистовый Виссарион”, это уже солидная рекомендация для составителей альманахов и сборников. Неудивительно, что известный литератор Н. В. Гербель, отбирая стихи

для своей хрестоматии “Русские поэты в биографиях и образцах” (СПб, 1873), включил в нее и “Воспоминание”.

В краткой биографической справке Гербель писал: “Имя К. И. Коренева всего только мелькнуло в нашей литературе сороковых годов, и, вслед за тем, исчезло бесследно с ее горизонта, чтобы более никогда не появляться на нем. Несмотря на все наши хлопоты, — продолжал составитель, — мы ровно ничего не могли узнать о нем, за исключением того, что он напечатал в течение 1841—1844 годов все четыре стихотворения, из которых два (“Дума на Волге” и “Ворон”) были помещены во 2-м томе сборника Смирдина на 1841 год “Русская беседа”, одно (“Ты ль это, Машенька? тебя ли вижу я?”) — в “Утренней заре” на 1842 год и одно (“Воспоминание”) — в 4-й книжке “Отечественных записок” на 1844 год. Первые две из этих четырех пьес не представляют ничего особенно хорошего, но, зато, две последних — прелестны”¹.

Опытный литератор и библиофил не учел того, что Коренев значится в числе авторов сборника “Вчера и сегодня” (СПб, 1845), составленного В. А. Соллогубом, причем, как это видно из рецензии В. Г. Белинского, в очень солидной компании: Е. Ростопчиной, П. Вяземского, И. Тургенева, Н. Языкова и В. Бенедиктова². Тем не менее, в главном Н. Гербель прав: имя К. И. Коренева, ненадолго мелькнув в литературе, исчезло с горизонта, породив у литературоведов недоуменные вопросы: как звали этого поэта, откуда он родом, где получил образование, где и кем служил и т. п.

Какие-то вопросы могли возникнуть и у Ильи Николаевича Ульянова, который приносил для своих детей

¹ Хрестоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах. Сост. Н. В. Гербель. — СПб, 1873, с. 478.

² Белинский В. Г. Собр. соч. в 9 т. Т. 7. — М., 1982, с. 549.

из Карамзинской общественной библиотеки гербелевскую хрестоматию 1873 года издания. Известно, что дочь Анна выбрала из антологии именно кореневское “Воспоминание”, красиво переписала его и, вложив в изящный конвертик, преподнесла в качестве сувенира отцу ко дню именин. Этот нехитрый, но трогательный подарок девочки экспонируется в ульяновском Доме-музее В. И. Ленина¹.

Кто-кто, а Илья Николаевич, сопоставив фамилию и инициалы автора стихотворения (“К. И. Коренев”) с фамилией и инициалами председателя казенной палаты (“Г. И. Коренев”), переведенного в 1860 году из Симбирска в Пензу², с которым ему довелось там встречаться в общественных местах до 1863 года, мог высказать предположение, что К. И. и Г. И. Кореневы — братья. Имя и отчество последнего из них я выяснил из “Пензенских губернских ведомостей” от 30 ноября 1860 года, сообщивших о награждении статского советника Геннадия Ивановича Коренева орденом св. Анны 2-й степени.

С разгадкой же имени его предполагаемого брата-поэта дело оказалось гораздо сложнее. Так в недавно вышедшем сборнике “Симбирск и его прошлое” составитель В. Ф. Шевченко, перепечатав “Воспоминание” из сборника “Город Симбирск за 250 лет его существования” П. Мартынова, ввел в научный оборот совершенно новую справку об авторе известного стихотворения: “**Коренев Кирилл Иванович** (1793 — до апр. 1862) — уроженец Симбирской губ., отец из ясашных крестьян дослужился до звания подпоручика и получил дворянство, возможно был советником Симбирской казенной палаты”. (Сообщено С. Л. Сытиным.)³

¹ Трофимов Ж. Ульяновы. — Саратов, 1988, с. 139.

² Симбирские губернские ведомости, 1860, № 41.

³ Симбирск и его прошлое. — Ульяновск, 1993, с. 108.

В. Шевченко назвал автором “Воспоминания” **Кирилла** Коренева не только в хрестоматии, но и в рекламной подборке из нее, появившейся 20 ноября 1993 г. в “Симбирском курьере”. Новорожденное имя поэта-симбирянина пришлось по душе В. Кириллову, который в заметке о краеведческой новинке (Ульяновская правда, 1993, 25 ноября) указал автором “Воспоминания” **Кирилла** Коренева.

По моим же сведениям, почерпнутым из рукописного “Именного списка дворянам Симбирской губернии”, хранящегося в отделе редких книг областной библиотеки имени В. И. Ленина, коллежский регистратор Коренев Кирилл Иванович в 1811 году был внесен во 2-ю часть дворянской родословной, но не нашей, а Казанской губернии. И только после увольнения с казенной службы, уже в 1818 году, он приписался к дворянству Буинского уезда Симбирской губернии¹.

Мало того, что Кирилл Коренев не является симбирянином по месту своего рождения, но, судя по данным “Именного списка дворянам”, он и на свет божий появился не в “1793 году”, а гораздо раньше. В противном случае к 1811 году (моменту приписки к казанскому дворянству) не достиг бы еще совершеннолетия (то есть 21 года) и не успел по выслуге лет получить коллежского регистратора². Совершенно исключается и предположение краеведа, что Кирилл Коренев “возможно был советником казенной палаты”. Такую весьма высокую должность в Симбирске занимал только один из Кореневых, причем с чином статского советника, — **Геннадий** Иванович, о котором упоминалось выше. Что же касается **Кирилла** Ивановича Коренева, то ни в конце 1830-х, ни в начале 1840-х годов он вообще не значился

¹ Именной список дворянам Симбирской губернии, л. 89.

² См. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. — М., 1978, с. 35.

в числе лиц, состоявших в Симбирске на государственной службе или занимавшихся какой-либо общественной или благотворительной деятельностью. Не прослеживается по документам и то, что в эти годы в Петербурге появился чиновник с таким именем, отчеством и фамилией.

Словом, сомнений в том, что Кирилл Коренев не тот человек, который сотворил “Воспоминание”, имеется немало. Но установление личности подлинного автора-однофамильца осложнялось тем, что почти все архивные фонды, в том числе и казенной палаты, погибли в 1864 году в пламени грандиозного пожара, а первая газета в Симбирске начала выходить только в 1838 году.

И, как это нередко бывает в поисковой работе, помог случай. Просматривая в областном госархиве описи чудом сохранившегося фонда губернского прокурора, я обнаружил два дела по прошениям бывшего председателя симбирской палаты гражданского суда Коренева, датированные 1830—1834 годами на имя министра юстиции.

Из первого стало известно, что Коренев вступил на государственную службу в 1774 году и, проходя постепенно разные должности, удостоился поста председателя Костромской палаты уголовного суда. В 1819 году он был переведен в Симбирск, где возглавлял палату гражданского суда до 1828 года, когда “расстроенное слишком 50-летними трудами здоровье” вынудило его уйти в отставку. Однако спустя два года чиновник-ветеран, ссылаясь на поправку здоровья, просит министра об определении его “на первую же открывающуюся в Симбирске председательскую вакансию”.

Главное же для меня в этом редкостном прошении заключалось в концовке: “Сие прошение писал со слов просителя титулярный советник **Константин** Иванов сын Коренев. Статский советник и кавалер Иван Степанов

сын Коренев руку приложил”¹. Ведь появился новый и, по моим предположениям, верный вариант расшифровки инициалов таинственного “К. И. Коренева”.

Суть второго прошения, датированного июлем 1834 года и тоже написанного тем же изящным каллиграфическим почерком Константина Коренева, сводилось к тому, что его отец просил министра юстиции о дозволении носить в отставке мундир, “последнему месту службы присвоенный”. Для нас представляет интерес деталь в конце прошения: “Жительство имею в губернском городе Симбирске в собственном доме”.

В дополнение к этим архивным сведениям в “Симбирских губернских ведомостях” от 10 февраля 1838 года нашлись-таки сообщения, подтверждавшие жительство Кореневых в собственном доме в Троицком (ныне Краснознаменном) переулке. В газетной же заметке от 1 июня, информировавшей читателей о том, что в Симбирске 29 мая состоялась закладка “здания Николаевского дома неимущих”, перечислены были жертвователи на возведение этого богоугодного заведения. В числе их были названы совестный судья штабс-капитан Петр Иванович Юрлов, состоящий в 12 классе учитель гимназии Николай Александрович Гончаров и председатель гражданской судебной палаты титулярный советник **Константин** Иванович Коренев.

Разумеется, что в этих, сугубо официальных источниках, ничего не говорится о наличии поэтических способностей у Константина Коренева, но я твердо уверен в том, что именно он и является таинственным автором “Воспоминания”.

Эта уверенность основывается прежде всего на том, что другой “К. И. Коренев” в Симбирске в 1830—38 годах не проживал. В пользу этого говорит и тот факт, что в

¹ ГАУО, ф. 109, оп. 1, д. 1169, л. 2.

1838 или 1839 году Константин Иванович покинул город на Волге, в котором довелось жить около двух десятилетий, и службу продолжил уже в далекой Северной Пальмире.

Трудно однозначно объяснить причины, по которым скромный 40-летний чиновник из провинции перевелся в столицу и довольно скоро был признан там ведущими литераторами своим полноправным собратом. Ясно одно: не имея могущественных покровителей, Константин Коренев вошел в большую литературу исключительно благодаря своему поэтическому дарованию.

Итак, до сих пор неизвестно, сколь велико творчество Константина Коренева. До нас дошли только четыре стихотворения. Думается, что вынужденный выбирать для своей “Хрестоматии” ограниченное число высокохудожественных и оригинальных стихотворений, пресыщенный перлами русской поэзии Гербель, наверное, все-таки слишком строго оценил две кореневские вещи, сказав, будто они не представляют собой “ничего особенного”. Однако предложим их, пребывающих в забвении полтора столетия, на суд современного читателя.

ДУМА НА ВОЛГЕ¹

Что ты стонешь, Волга-матушка?
Что ты хмуришься, родимая?
Потемнела вся — как ноченька?
Лишь валы ныряют белые...
Ты — как броня вороненая
С посеребренной насечкою;

¹ Русская беседа. Собрание сочинений русских литераторов, издаваемых в пользу А. Ф. Смирдина. Т. II. — СПб, 1841, с. 2—3.

Словно думушка свинцовая
На челе у добра молодца!
Нет, не так ты Волга-матушка,
Бушевала в это времечко —
Когда я с душою-девицей
По тебе плыл в легкой лодочке!
Ты тиха была, сподручлива —
Чуть рябели струйки мелкие;
Ты светла была, как зеркало
В терему у красной девицы.
Все в него гляделось радостно:
И небесный свод лазуревый
С золотой лампадой Божией,
И Брега твои красивые —
С слободами и деревнями,
С городами, пригородками,
И с лесами со дремучими,
И с зеленой частой рощицей!
Что ж ты ныне так насупилась?
Что так ропщут волны ярые?
Аль тебе — как добру молодцу,
Стало жаль девицы красная?
Что она на легкой лодочке
Не проедет, не прокатится?
Что лицо ее румяное
Не посмотрится в струи твои?
Что рукою белоснежною
Не черпнет воды студенья?
Что любимой своей песенкой
Не откликнется в горах твоих?..
Аль ты вспомнила, разумная,
Стары годы — время прежнее?
Как бывало — ты всем страшная
Бушевала вместе с песнями
Удалых отважных молодцов
Вольной шайки — Стеньки Разина?

Как жемчужной билась пеною
О бока судов разбойничьих?
Как топила ты в седых волнах,
Непокорных Атаману их?
Как кропила часто брызгами
Ты лицо и грудь высокую
У души, у красной девицы —
Атамановой любовницы?
Аль не жаль тебе, широкая!
Своего русла старинного?
Что тебя местами, речинька
Занесло песками, мелями?...
Что среди тебя возвысились,
Острова-кусты ракитовы?
Много золота и серебра,
Дорогой парчи и бархата;
Много жемчуга окатного,
Самоцветных, светлых камней,
Схоронила ты на дне своем!
Ты, река моя родимая!
Много, много слез горючих,
Растопилося в Волнах твоих!
Много песен, вздохов жалобных,
Раздалось в твоих ущелиях!

ВОРОН¹

Каждый день под окно
Ко мне ворон летал;
Каждый день все одно
Черный ворон кричал:

¹ Русская беседа. Собрание сочинений русских литераторов, издаваемых в пользу А. Ф. Смирдина. Т. II. — СПб, 1841, с. 6.

Скоро ль ты, молодец,
Сном забудешься?
Скоро ль будешь — мертвец,
Не пробудишься?

Скоро ль будет мне пир,
Я тебя расклюю?
Я вопьюсь как вампир,
В грудь остывшу твою!

И достану из ней —
Теперь каменное,
Но былых, прежних дней —
Сердце пламенное!

Я не трону его:
Много горечи в нем!
Знаю я, от чего
Все сгорело огнем!

Как видим, “Дума на Волге” написана довольно богатым народным языком, в былинной манере. Написана с любовью к великой русской реке, с ее переменчивостью и многоликостью, проникнута большим уважением, даже благоговением к ее могуществу и умудренности историческим опытом. За обращением к родимой Волге, как к живому, одушевленному существу, сквозит интерес, любовь и сочувствие к своему народу и его прошлому.

Стихотворение “Ворон” написано в том же фольклорном стиле и напоминает исконно русскую народную песню, с ее извечной неизбывной тоской и страданием простого человека, с неизменным черным вороном, кружащим над его тяжелой судьбой.

Два других стихотворения, которые Гербель назвал “прелестными”, объединены лирическим характером поэзии и современным автору языком; и даже оба полны ностальгическими чувствами, хотя и совершенно о разном.

Одно, назовем его по первой строке “Ты ль это, Машенька? Тебя ли вижу я?”, окрашено былой пленительностью некогда светлого, чистого, непосредственного, живого, милого, юного существа и разочарованием происшедшей с ним за годы разлуки метаморфозой. И, действительно, нельзя не оценить ни безукоризненной корневской рифмы, ни тех тонких штрихов, которыми обозначена высокая нравственная планка авторской натуры.

Ты ль это, Машенька? Тебя ли вижу я?
Ты ль это милое, воздушное творенье,
Которым так полна была душа моя?
О, боги! что за превращенье!

Где жь эта светлая эмаль твоих очей?
Где стройный, гибкий стан Психеи?
Где музыкальная пленительность речей?
Где все поэзии затеи?

Где эта милая бывшая простота,
Что так пленяла нас заманчивой уловкой?
Где живость резвая, любезность, острота?
Где Маша прежняя с кудрявою головкой?

Ах, Марья Павловна! какой волшебник злой
Провел вам на челе угрюмые морщины?
Как скоро стали вы помещицей простой,
Уездной барыней из маленькой удины!

Ах, Марья Павловна! не верится все мне...
Представить не могу... Да, полно, это вы ли?
Бывало, вы цветы любили на окне —
А ныне там стоят с наливками бутылки¹.

На четвертом стихотворении остановимся особо, ибо именно оно сквозь годы сохранило известность до наших дней.

¹ Впервые было опубликовано в сборнике “Утренняя заря” за 1842 год.

ВОСПОМИНАНИЕ

Я не забыл тебя, далекий,
Но сердцу близкий городок,
И Волги берег твой высокий,
И тротуары из досок;
Твои пастушеские нравы,
Стада баранов и коров,
Весной — чрез лужи переправы,
Зимой — бугры твоих снегов;
Главу блестящую собора,
Уютных домиков ряды,
А там, по склону косогора,
Твои фруктовые сады;
Твой тарантас шестиаршинный,
Костюм мордвы, чуваш, татар,
И чисто русский быт старинный
Твоих приветливых бояр.
Жилец роскошной днесь столицы,
Где воду невскую лишь пью —
Забуду ль я твоей водицы,
Хлеб-соль радушную твою¹.

Задумаемся, чем же в свое время привлекло это коротенькое стихотворение и редакторов столичных журналов и составителя сборника стихов лучших поэтов России. Ведь в полноводном море лирической поэзии, которым завидно отличался прошлый век, едва ли оно одно было стихотворением о любимом городе. Однако именно оно было высоко оценено и редакцией "Отечественных записок", где критиком выступал В. Г. Белинский, и Н. В. Гербелем, составителем хрестоматии "Русские поэты в биографиях и образцах",

¹ Стихотворение впервые было опубликовано в 4-й книжке "Отечественных записок" за 1844 год.

и осталось искоркой поэтического звездопада в наследие грядущим поколениям.

Так в чем же секрет его притягательной силы?

Прочтешь его вдумчиво и поймешь, что его нельзя читать громко, броско, как бы для других, что оно — “для себя”. И уже только поэтому оно становится близким читателю. Стихи спокойные, без пафоса, теплые, задушевные. В них какая-то особая, нежная, благодарная доброта восприятия любимого уголка Земли, таким, каков он есть. Стихотворение короткое, но очень емкое. Всего лишь 20 строк, а сколько информации, схваченной цепкой памятью художника, несут каждая строка, каждое слово. Несколько неброских, но тонких и четких мазков и перед нами милая сердцу автора картина любимого города, с его специфическими чертами, до боли близкими достопримечательностями природы и быта, пронизанная теплыми чувствами. И при всем этом — безукоризненная рифма, чистый и простой, образный, но без излишеств и красот литературный русский язык. Все это и делает стихотворение “Воспоминание” простым в своей естественности, близким, понятным и очень “складным”, доступным и взрослому, и ребенку, и поэтому легко запоминающимся. А искренняя любовь к милому городу, так поэтически талантливо выраженная, становится созвучной чувствам не только симбирянина, но и любого другого читателя России. В этом, мне кажется, и весь секрет.

“ГУБЕРНСКАЯ ФОТОГРАФИЯ”

Д. Д. МИНАЕВА

Ни одно из произведений знаменитого поэта-сатирика не имело на его родине столь шумного успеха у одних земляков и вместе с тем не вызывало жгучей ненависти у других, как поэма “Губернская фотография”. И даже в наши дни некоторые краеведы, в общем-то благожелательно относящиеся к творчеству Дмитрия Дмитриевича, выражают сомнение в целесообразности публикации сейчас этой поэмы с подробными комментариями: уж больно в неприглядном виде обрисовал поэт высшее общество Симбирска начала 1860-х годов.

Утвердилось в литературе мнение и о том, что будто “Губернская фотография” создавалась чуть ли не скоропалительно. Так бывшая жена Дмитрия Дмитриевича в беседе с литератором-симбирянином Н. А. Державиным утверждала, что автор смотрел на создание поэмы только как на “шалости пера”, и в подтверждение набросала такую картину ее рождения: “Минаев взял лист бумаги, сел за стол и попросил Соколовского (Николая Михайловича, юриста и литератора, приятеля по Симбирску, приехавшего в Петербург. — Ж. Т.) делать краткие характеристики симбирских обывателей... Два вечера продолжалось писание поэмы, прерывающееся дружным смехом, когда Минаеву в двух — трех строках удавалось дать верный и полный портрет представителя симбирского общества...”¹.

Возможно, что спустя 50 с лишним лет, престарелой женщине и самой верилось, что “Губернская фотография” создавалась так легко и исключительно со слов приезжего земляка. Во всяком случае, Н. Державин счел возможным включить ее воспоминания в свой очерк о

¹ Исторический вестник, 1914, июль, с. 200.

Д. Д. Минаеве и опубликовал его в столичном “Историческом вестнике” в 1914 году.

Версия Е. А. Минаевой пришлась по душе некоторым нашим литераторам, которые, коснувшись истории поэмы, заявляют: “Написана буквально за два вечера с подачи”, выражаясь современно, Н. М. Соколовского — симбирского присяжного поверенного, который “завел” блестящего импровизатора Д. Минаева и снабдил того необходимыми именами и сведениями”¹. Иначе думал краевед-литератор П. С. Бейсов, который не раз подчеркивал, что тема “Губернской фотографии” не случайна в творчестве поэта. И до и после нее он “черпал для своей сатиры из жизни родного города”². В подтверждение этого тезиса Петр Сергеевич напоминал о сатирическом стихотворении поэта 1854 года “У нас бульвар устроили” — зародыше темы тихого губернского приволжского городка.

По-настоящему же началом будущей поэмы стало то место в фельетонном обозрении “Дневник темного человека”, опубликованном в шестой книжке журнала “Русское слово” за 1861 год, в котором Дмитрий Дмитриевич выступал под псевдонимом “Обличительный поэт”. “Как понять одного губернского виршиплета В. Юрлова, который издал недавно в Симбирске тетрадь своих стихотворений? — вопрошал Минаев. — Развернув случайно эту книжечку, я напал на такой куплет:

Мне грустно, потому что бывши окружен
Всей грязью нищеты глубокой,
Остался я не заражен
Ни злобой низкой, ни пороком.

Ведь это выходит, — с сарказмом заключил фельето-

¹ Ульяновский комсомолец, 1989, 20 мая.

² Минаев Д. Д. Стихотворения. — Куйбышев, 1947, с. 309.

нист, — что г. Юрлов плачет о том, что порок никак не мог осилить его добродетель и он остался невинным посреди порока. Странные поэты рождаются на Святе!”

Следующую страницу “Дневника темного человека” занял рассказ о том, как автор 28 мая 1860 года безуспешно разыскивал на Волковом кладбище могилу любимого публициста В. Г. Белинского, но так и не нашел ее, ибо даже гробовщик не смог указать где же она...

Как ни важен сам по себе этот эпизод, но по воле Минаева он сыграл отвлекающую роль (для цензуры) при переходе к продолжению рассказа о **Приволжье**, в котором легко угадывался тот же Симбирск: “Город стоит на горе; местоположение отличное, а оно, говорят, успокаивающе действует на жителей. И вот мы по городскому бульвару идем, идем — и вдруг попадаем в собрание, где идет баллотировка почетного старшины... Аристократы непременно хотели выбрать своего старшину, и выведя на середину залы, под прикрытием дюжих кулаков двух братьев Бесстыжих, громко провозгласили: вот вам почетный старшина! Все от неожиданности растерялись и... общество оробело. Уже принесли было шампанского, как кто-то из плебеев решился заметить, что старшин не навязывают, что их баллотируют”. Тут же грянул бой, который Минаев изобразил в стихах:

Я видел бой, где старики
Дрались в клубе, без урона
Где всем дарили синяки
Два беспощадных Самсона,
Где и патриции и плебеи
Равно зарделись цветом алым
И где начальник из дверей
Махал платком, как опахалом¹.

¹ Русское слово, 1861, июнь, с. 60.

В октябрьской книжке журнала Дмитрий Дмитриевич в своем "Дневнике" возвращается к заветной теме: "Передо мной тихий, губернский городок... так **городком**, пожалуй, и будем звать его. Славные, привольные места, где русская лень еще найдет себе не один теплый и покойный уголок, где новый, беспокойный прогресс ничем не преодолет общую спячку. Скука стоит в **городке** такая величественная, что напомнила мне древний Ахен, посещенный Гейне. Когда я шел по деревянным мосткам улиц, то

Собачонки бежали за мною толпой

И покорнейше так умоляли:

Чужеземец! Толкни нас хоть в рыло ногой,

Может быть мы бы меньше скучали.

Благодатный край! И как патриархально еще живут там люди! Завидно делается, глядя на них. Ни беспокойства, ни волнения..."¹.

Тем не менее Обличительный поэт, хорошо знакомый с этим "богоспасаемым городком", над которым "носится призрак обломовщины", считает необходимым познакомить всероссийского читателя с целой вереницей обитателей Приволжска.

Очень колоритна фигура некоего Цицерона, который, посмотрев спектакль "Доходное место" А. Н. Островского, с негодованием завопил: "Разве можно ставить такие безнравственные комедии! Если б была моя воля, я бы самого автора этой пьесы туда бы запрятал, куда Макар и телят не загонял!". Подстать этому любителю "порядка" и **Евгений-Борода**, которому его подчиненные должны кланяться в ноги, и начальник частного учебного заведения **Вишневка**, который "везде как тень следит за своими воспитанниками", строго выговаривает им за недостаток чинопочитания. Не забыл

¹ Русское слово, 1861, октябрь, с. 61.

Дмитрий Дмитриевич упомянуть о взяточнике **Трегубом**, о владельце роши с седой французской бородкой **Кинь-Дяке**, о “губернском полькере” (танцоре), который по возвращении из зарубежного вояжа “вдруг позабыл русский язык”, эмансипированной барыне “с книгой в руках” и казачонком, несущим сзади ее мантилью, упомянул и ученую даму г-жу **Фита**, гуляющую с учебником географии, и даму “великолепную во всех отношениях” — “большую любительницу заезжих молоденьких правоведов”, а также обладательницу серебряного голоса “нашей **кн. Плениры**”, обретшей наконец пояс Гименея...

И вот в этом-то благодатном **городке** нашелся беспокойный юноша, который уже прослыл в обществе “сочинителем” за две — три статейки, напечатанные в столичных журналах. Сочинитель этот, у всех, как бельмо на глазу:

Книжки читает, по улицам рыщет,
Пищи себе для сатиры он ищет,
Видит повсюду корысть, да порок,
Словом, встревожил он весь **городок...**

Особенно сильное негодование в обществе вызвала статья этого молодого сочинителя по поводу крестьянского вопроса: “Распни, распни его! — кричали самые озлобленные. — Под суд как пить отдадут! — толковали иные”. На заседании в “круге дворянском было решено написать адрес по начальству об исключении сочинителя со службы. Адрес написали, но заминка потом вышла: кому первым подписывать его... и адрес не состоялся. Со службы сочинителя тоже не уволили.

В конце фельетона, припомнив снова о частном учебном заведении в **городке**, где все еще применяют порку юношей, а педагоги наказывают их по кличкам, Обличительный поэт пообещал составить из “очерков и си-

луэтов” целую повесть¹. И уже в новогоднем номере “Русского слова” за 1862 год поэт приглашает читателей заглянуть в тот же **городок**.

Приволжск на карте генеральной
Кружком означен небольшим.
Лишь только в хронике скандальной
Встречаться часто можно с ним...

Но даже скандалы не расшевелили обывателя и он все еще не стряхнул праха с ног своих...

В Приволжске тишь стоит немая,
Точь-в-точь стоячая вода...
На вдов богатых уповая,
Живет Евгений-Борода,
Шуты смешат у Глупецкого,
Шпионов держит педагог,
И судит ближнего сурово
В гостях “неистовый Верок”.
Танцуют дамы в дамском клубе,
Шлифует **бабка** свой язык,
И к поддержанью нравов грубых
Бесстыжий драться не отвык.

Правда, недавно городок оживился в связи с 50-летием службы на офицерских должностях **Краснощекова**. На торжестве, посвященном юбилею, чиновник **Страх-имеющий** произнес великолепную речь своему начальнику, которую “по заказу написал ему один услужливый гимназист”. Немало толков вызвало происшествие в городском клубе в связи с намерением его членов вновь избрать хозяйственным старшиной **Брудершафта**: как только об этом узнал эконо́м клуба (буфетчик), то в отчаянии пожаловался **Худосочному**, что Брудершафт разорит его поборами... Слова эти были

¹ Русское слово, 1861, октябрь, с. 23.

переданы Худосочным **Банкометову**, а тот **Рыженско-му**, последний же угодливо передал Брудершафту... Кончился скандал тем, что эконо́м начисто отказался от своих слов и Банкометов, за распространение слухов, был исключен из клуба. “О других гражданских подвигах наших милых соотечественников, — сказал в заключение Обличительный поэт, — я не буду более говорить теперь”.

Продолжение разговора о Приволжске Дмитрий Дмитриевич перенес на страницы “Гудка” (сатирического листка, издававшегося газетой “Русский мир”), редактором которого он стал с января 1862 года. Первые номера этого “Гудка” стали поистине историческими из-за виньетки на заглавном листе. На ней с правой стороны был изображен Александр Герцен со знаменем в руке, на котором начертано: “Уничтожение крепостного права”, произносящий речь перед жадно слушающими его крестьянами и молодежью. С левой стороны виньетки — помещики, чиновники, военные, со страхом и ненавистью глядящие на Герцена, угрожающие ему нагайкой или прожигающие жизнь в кутежах и разврате. Крамольная виньетка, пропущенная по недосмотру цензуры, вызвала переполох и личный приказ царя о том, чтобы “Гудок” издавался впредь без этой виньетки. Помещение изображения Герцена на обложке журнала было большой смелостью со стороны 27-летнего Минаева, ибо само имя Герцена уже 14 лет было запретным для печати России. С третьего номера виньетку художник переделал так, что вместо издателя “Колокола” перед взором читателей предстало духовное лицо в неподобающей для него позе...

Так, вот, во втором номере “Гудка”, с изображением Герцена, Дмитрий Дмитриевич поместил свой первый фельетон — “Губернские силуэты”, за подписью “Д. Свияжский”. Отметив в начале, что в городке процветают сплетни, он скупыми мазками создал силуэты

земляков: “первой львицы, уже начавшей увядать”, непревзойденной сплетницы “Пияши” и “Неистового Верка”, несчастной дочери фон-Умеля, проданной своим отцом богачу-старiku в жены, глупого “Бочонка”, умыкнувшего свою невесту, хотя родители и не возражали против его брака с дочерью.

В распоряжении Минаева были и такие весомые факты, как, например, письмо из родного края о проверке батальона в Карсуне генералом И. С. Алопеусом, который в присутствии “дам порядочных” вызвал перед строем юнкера и приказал ему раздеться донага для осмотра. Когда командир батальона заметил, что юнкер — из дворян, генерал одернул его: “Молчать, сударь! Я и вас заставлю штаны снять...” Юнкер был раздет, а горожане с криком разбежались...¹

Поднакопив опыта преследования “обскурантизма, произвола и неправды” в **городке**, Дмитрий Дмитриевич решился на обработку накопленного материала в виде многоплановой поэмы. Используя право редактора “Гудка”, он уже в № 4 за 1862 год опубликовал первые части поэмы под названием “Губернская фотография”, подписавшись псевдонимом “Ж. Симбирский”.

Если в Петербурге январские номера “Гудка” переходили из рук в руки, перепродавались за большие деньги, то в Симбирске этот и последующие два, в которых была перепечатка из “Симбирских губернских ведомостей” статьи о 50-летнем юбилее службы председателя местной казенной палаты И. П. Бобылева и вторая часть “Губернской фотографии”, вызвали настоящий переполох в привилегированном обществе, ибо в городе широко распространялись в рукописи стихи под названием “Симбирская губернская фотография”. Чиновник-юрист Д. Соболевский в связи с этим писал 10 марта 1862 года в “Симбирских губернских ведомостях”:

¹ ЦГАОР, ф. 109, оп. 3, д. 1319, л. 4.

“В этом стихотворении досталось, как говорится, всем сестрам по серьгам: одного называли дураком, другого подлецом, третьего идиотом, одного обвиняли во взятках, другого в снисхождении к неверной жене, судили отца с сыном, мать с дочерью, не оставили в покое и почтенных старух, и, наконец, затронули даже высшее духовенство, словом пощады не было никому... Надобно заметить, что в этом стихотворении все личности были названы настоящими фамилиями. Не успело общество успокоиться от хождения по рукам этих “пасквилей”, как в Симбирск поступил 4-й номер журнала “Гудок”, в котором оказалось начало того пасквиля под названием “Губернская фотография”, с незначительным изменением фамилий, подписанное “Ж. Симбирский”. Вероятно, буква “Ж” означает “житель”, потому что нет ни одного русского имени, которое бы начиналось с буквы “Ж”.

Благонамеренный юрист уверен, что автору “Фотографии” не удастся скрыться за псевдонимом: “улики у нас налицо, — продолжал Соболевский, обращаясь к нему, — рукопись ваша прямо называет тех, кого переделали для печати в Глупецких, Безумовых, Спиртоградовых, а некоторых вы даже без церемоний называли и собственными именами и фамилиями, как-то Хохлов, Граф, Диттель”. Подметил доброхотный следователь и “нравственное родство” автора “Губернской фотографии” с “Темным человеком” из журнала “Русское слово”, который тоже писал о 50-летнем юбилее симбирского председателя казенной палаты, о Глупецком, Бесстыжем, Неистовом Верке, чиновнике Страхове и др.

Дмитрий Дмитриевич прекрасно представлял, что его поэма будет принята в штыки противниками гласности, но, словно желая их подразнить и вместе с тем затруднить установление автора, в середине марта поместил в газете “Русский мир” обращение к своему “сим-

бирскому корреспонденту”: “Ж. Симбирскому”. Просим выслать 3-й сеанс “Губернской фотографии”. По некоторым причинам текст первых двух сеансов (в № 4 и 6 “Гудка”. — Ж. Т.) был во многом изменен и исправлен”.

Но из-за тактических соображений рассказ о героях “Губернской фотографии” Обличительный поэт продолжал в “Гудке” под рубрикой “Губернские силуэты” (№ 13, 23 и 24). Главным героем этих этюдов, как подметил И. Г. Ямпольский, стал Д. Я. Бобровский — это, несомненно, Д. Я. Соболевский (псевдоним прозрачен: соболев — бобер), сделавший себе за “благонамеренность” удачную карьеру¹.

Но вернемся к угрозе Соболевского привлечь автора “Губернской фотографии” к ответственности. Действительно, в поэме, кроме измененных, упомянуты и собственные имена героев, но не в оскорбительной форме. Вот как выглядело ее начало:

Поставив ящик фотографа
И против правды не греша
С кого начну? Хоть с фата Графа
Или с Хохловских антраша.

Мне все равно: мне каждый житель
И мил, и дорог был всегда
Ведь даже сам убогий Диттель
Хоть слова стоит, господа.

Вряд ли чиновник А. Граф негодовал за то, что его упомянули в журнале за щегольство, а архитектор Н. Хохловский, известный в Симбирске танцор, мастерски выделявавший антраша (прыжки вверх), наверное, мог даже гордиться вниманием поэта к своей особе. Да и престарелый Диттель, солдат наполеоновской

¹ Ямпольский И. Г. Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. — Л., 1973, с. 53.

армии, оставшийся в России и с трудом преподававший французский язык в гимназии, действительно был несчастным или как тогда говорили, убогим человеком¹.

Несравненно большие претензии могли бы предъявить автору "Фотографии" отпрыск княжеского рода Трубецкой (Глупецкой) или крупный помещик Д. Н. Шидловский (Двужильный), которым посвящались такие обличительные строки:

Где Глупецкой в проказах чванства,
Всех наглой роскошью дивит
И к славе дряхлого дворянства
Жену шутами веселит,
И, мужиков лишая крова,
Бросает деньги круглый год;
На лбу написано два слова:
"Аристократ и идиот!"
Глядит Двужильный либералом,
Крестьян считает за детей
И в то же время за бокалом
Читает речи в честь плетей².

Имел основания предъявить счет Обличительному поэту директор мужской гимназии И. В. Вишневский, которого он, именуя "Вишневкой", затрагивал за организацию сыска и увлечение наказаниями воспитанников, но в поэме подчеркивалось, что "Вишневка" — начальник частного учебного заведения, а такового в Симбирске и не имелось. Тем не менее, И. В. Вишневский направил в министерство народного просвещения, в ведении которого находилась цензура, запрос об авторе "Губернской фотографии". Но любопытство это

¹ Ученые записки Ульянов. пед. ин-та. — У-к, 1948. Вып. 1, с. 176.

² Гудок, 1862, № 4, с. 36.

не было удовлетворено...¹ Ничего не получилось и с попыткой Соболевского привлечь к ответственности “Ж. Симбирского”.

Безнаказность Дмитрия Дмитриевича обуславливалась прежде всего тем, что в обрисовке героев поэмы он опирался как на личные наблюдения и познания, так и на достоверную информацию близких знакомых или доброжелателей. А, во-вторых, он в обличениях, печатавшихся в “Русском слове”, “Гудке” и “Искре” не преступал ту черту, за которой могло наступить уголовное преследование. В рукописных же списках “Фотографии”, имевших широкое хождение по рукам симбирян, встречались такие недопустимые выражения, как, скажем, о “соборном попе Охотине, который кадит Христу и сатане” или, что Наумов Павел себя прославил “как мракобес и холоп”, но никто не смог доказать, будто Минаев был автором этих строк.

Кстати, немало из власть предержащих в Симбирске и тех, кого в скрытой форме коснулось сатирическое жало “Губернской фотографии”, которые считали автором сатирической поэмы не столько Минаева, сколько его приятеля — “сочинителя” и судебного следователя Н. М. Соколовского, который с остро критическими статьями и очерками выступал в “Отечественных записках” (в частности, в связи с выходом “Обломова” И. А. Гончарова), в “Светоче”, “Эпохе”, “Времени” и других столичных журналах. В поле зрения начальства находились и другие “нигилисты и обличители”, старавшиеся чем-либо навредить “высшему дворянству и чиновничеству”.

Так председатель симбирской уголовной палаты Р. Ренненкампф в донесении, направленном в Петербург, назвал Н. М. Соколовского главою кружка, в ко-

¹ Ямпольский И. Г. Сатирические и юмористические журналы, с. 53.

торый входили Д. Д. Минаев, Н. М. Соковнин и другие молодые люди, способствовавшие появлению “во многих газетах и журналах” критических статей, где “Симбирск описывался под именем Приволжска или городка... Соколовский и его товарищи готовы вредить печатно и изустно высшему дворянству, духовенству и чиновничеству”, но на уголовные преступления, по мнению Ренненкампа, — они не пойдут¹.

Небезынтересно, что это заключение сделано юристом, отлично знавшим общественную жизнь Симбирска, однако в нем не упомянуты ни журнал “Гудок”, ни “Губернская фотография”, ни фамилия автора поэмы. И только десятилетия спустя в обществе утвердилось мнение, что ее творцом был Д. Д. Минаев. На самом же деле, он был автором только тех двух “сеансов” поэмы, которые публиковались в № 4 и 6 “Гудка” за 1862 год. Ходившие же в Симбирске по рукам списки “Губернской фотографии”, на основании которых П. С. Бейсов создал возможно полный текст — это уже плод коллективного творчества, который тоже представляет интерес для исследователей литературной жизни нашего города.

¹ ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп. 1864, д. 187, л. 37—38.

ЗНАМЕНИТЫЙ ПСОВЫЙ ОХОТНИК

Если Сергей Тимофеевич Аксаков, чья жизнь связана с Симбирским краем, считается непревзойденным рассказчиком об **оружейной** охоте, то главным авторитетом **псовой** охоты в России 1860—1870-х годов был симбирский помещик Петр Михайлович Мачеварианов. Подтверждением этому служит, например, рекламное объявление московского журнала “Природа и охота”, извещавшее подписчиков 1880-го года, что они получают в приложении “портреты известных охотников С. Т. Аксакова и П. М. Мачеварианова”.

Неумолимое время по-разному отнеслось к их творчеству: слава Аксакова не померкла и к концу XX столетия, а имя Петра Михайловича, пережившего на два десятилетия писателя — собрата по увлечению охотой, мало кому известно. Между тем, есть веские основания хотя бы в общих чертах проследить основные вехи биографии незаурядного симбирянина.

Мать Петра Михайловича — Екатерина Петровна (урожденная Иванова) — коренная волжанка, а вот отец, штабс-капитан Михаил Сергеевич Мачеварианов, происходил из обрусевшего знатного грузинского рода, мужчины которого со времен Екатерины II являлись офицерами российской армии¹.

Из аттестата о службе Михаила Мачеварианова видно, что с 1798-го года он был подпрапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка, но в 1801-м, в чине штабс-капитана, уволился в отставку, вернулся в родное южное Поволжье, где устроился на службу в Камышинский соляной магазин, ведавший разработкой Эльтонского соляного промысла. Женой его стала дочь видного чиновника этого учреждения П. Иванова, но

¹ ГАУО, ф. 257, оп. 1, д. 12, л. 1.

ее приданое — имение с 27 крепостными в деревне Каменка Аткарского уезда Саратовской губернии — тоже не сделало Мачеварианова крупным помещиком. И уже после его кончины, в 1825 году, Екатерина Петровна с 17-летним сыном Петром и 11-летней дочерью Варварой, были внесены во 2-ю часть родословной книги Саратовского дворянства¹.

С безвременной смертью отца окончилась безмятежная пора детства и отрочества Петра Мачеварианова: по настоянию родных он поступил в военно-офицерское училище, находившееся в далеком Могилеве на Днепре. Учился здесь, по его словам, “недурно”, а во время польской кампании 1831—1832 годов завоевал репутацию перспективного офицера. Но военная карьера не стала делом его жизни. И во многом это произошло из-за увлечения охотой на кабанов, серн, медведей, волков, лисиц, зайцев и диких кошек, а также неодолимой привязанности к борзым и гончим, которые под влиянием сослуживца-капитана, превратились в настоящую страсть.

Вот как через полстолетия объяснял свой уход из армии Петр Михайлович: “Тихая семейная жизнь и страсть к благородным животным взяли верх над всем и, вместо манящего и многообещающего служебного поприща, я сделался артистом в душе, то есть страстным любителем всего изящного: музыки, рисования, живописи, беллетристики и охоты; но любителем не шарлатаном, а проникнутым страстью от маковки до пяток. Все сказанные пять предметов, — продолжал Мачеварианов, — по сие время могут доводить меня до совершенного восторга. Нежная мелодия, стройная гармония, мастерский набросок карандаша, артистический подмалевок кистью, удачно высказанная мысль, ловкое сравнение, молодецкий подвиг охотника, удаль

1 ГАУО, ф. 257, оп. 1, д. 12, л. 13

лихая собаки — вот мои наслаждения, которые заставляют меня временно забывать все житейские невзгоды”¹.

Выход в отставку был связан и с тем, что в 1833 году Петру Михайловичу досталось от двоюродного деда по материнской линии Федора Михайловича Назарьева имение при селе Липовке Ардатовского уезда Симбирской губернии(ныне оно входит в состав Мордовии)². Зесь-то он и осел навсегда, серьезно занимаясь хозяйством и устройством образцовой псарни. Заботливый хозяин с хорошим образованием и безупречной репутацией боевого офицера в ту пору был к тому же, выражаясь его словами, “голосист и речист, когда дело шло о передаче подвига удалой собаки; импровизация лилась жгучая, видно было, что кровь кипела, приливая к сердцу. Тут некогда было подбирать слова и соединять вычурные фразы: они сыпались, как искры, освещая картину отрадной действительности и воспламеняя воображение слушателей.” Среди них были и благородные барышни, и одна из слушательниц, Екатерина Петровна Верещагина, согласилась стать спутницей жизни Мачеварианова.

Как глава семейства Петр Михайлович заслуживал уважения. Он со вкусом обустроил усадьбу и прилегавшие к ней парк и сад, подобрал богатую библиотеку, создал супруге и детям условия для музицирования, рисования и чтения, поддерживал дружеские отношения с наиболее образованными соседними помещиками — Филатовыми, Сеченовыми, Крыловыми. Признанием достоинств Мачеварианова как честного “артельного человека” стало двухкратное избрание его уездным предводителем дворянства, в потом — мировым посредником и гласным симбирского губернского земского собрания.

¹ Природа и охота. — М., 1880, № 8, с. 64.

² Народная газета, 1992, 18 марта.

Всероссийскую же известность ему принесла образцово поставленная псарня, где он по всем правилам науки выращивал собственные породы великолепных собак: псовых, чистопсовых и мешанных с горскими (кавказскими), — с которыми добычливо травил не только зайцев и лисиц, но и матерых волков, поражая при этом знатных владельцев английских свор.

Петр Михайлович не раз встречался со знатоками псовой охоты не только Симбирской, но и Саратовской (куда он нередко навещался к родным для охоты), Нижегородской, Казанской, Оренбургской, Пензенской, Ярославской, Владимирской, Смоленской, Тамбовской, Воронежской, Московской и Петербургской губерний. Более десяти лет он пользовался добрым расположением главного псового охотника — симбирянина Николая Михайловича Наумова (его предок был ловчим и сокольничьим при Иване Грозном), который в молодости нередко охотился в компании со своим знаменитым соседом по имению графом Николаем Григорьевичем Орловым. Незадолго до своей кончины Н. М. Наумов передал Мачеварианову книгу “О порядочном содержании псовой охоты борзых и гончих собак” издания 1765 года с автографом графа А. Г. Орлова¹.

Петр Михайлович оправдал доверие именитого ветерана и не только сохранил наумовскую породу, но и вывел на ее основе свою, менее злобную, поддающуюся выучке лаской и умеренной строгостью.

Воспитаннику столичного морского кадетского корпуса Алексею Николаевичу Крылову (будущему академику-кораблестроителю), в 1879 году понадобились ружейные пистоны и он, по-соседски, пожаловал к знаменитому охотнику. Много лет спустя он вспоминал: “У Петра Михайловича Мачеварианова была в Липовке старинная усадьба с большим одноэтажным домом,

¹ ГАУО, ф. 257, оп. 1, д. 6, л. 2.

громадным, десятин в восемь, сильно запущенным садом, за которым был обширный, десятины в две, луг-выгон, но не для скота, а для молодых борзых щенят, которые выпускались сюда из расположенной в конце луга псарни играть и резвиться. Псарня по своим размерам казалась как добрый скотный двор в хорошем имении. Сколько там было собак — никто из посторонних не знал...” Молодого же кадета хозяин удостоил редкой чести: провел на заповедный луг, показал щенков, рассказал несколько охотничьих историй, а затем продемонстрировал ружья “своей собственной мастерской в Липовке со стволами “витого дамаска”¹.

Долго я не мог себе уяснить истинный смысл слов Крылова относительно мачевариановских ружей с уникальными стволами, пока не познакомился с редкостным “Военно-статистическим обозрением” о Симбирской губернии, изданным в 1853 году Генеральным штабом Военного министерства России.

Автор этого “Обозрения” подполковник Генерального штаба Юзеф Феликсович Буйвид, рассказывая о металлических изделиях, производимых в симбирском крае, довольно подробно остановился именно на том, что меня так заинтересовало в крыловских “Воспоминаниях”: “В Ардатовском уезде у г. Мачеварианова (в сборнике ошибочно напечатано: “Мечемерьянова”. — Ж. Т.) выделяются дамаскированные кинжалы и охотничьи ножи в серебряной оправе, чеканенной и золоченной с азиатскою хорошою чернью: дамаск на кинжалах и ножах мелок, узорчатый и столь плотнойковки и принаровленной закалки, что эти клинки режут железо как свинец. Красотою своей отделки и добротою они не только не уступают клинкам азиатским или черкесским, но даже иногда превосходят их. Во время путешествия по России (в июне 1837

¹ Крылов А. Н. Воспоминания. — Л., 1984, с. 31.

года. — Ж. Т.) Его императорского высочества наследника Александра Николаевича (будущего Александра II — Ж. Т.) г. Мачеварианов имел счастье поднести кинжал своей работы его императорскому высочеству.

Сабельных дамаскированных клинков не делают, — продолжал Буйвид, — потому что нет на них заказов, но обделывают ружья, пистолеты, делают ружейные замки и разные стальные, железные, медные и серебряные охотничьи принадлежности. За мачевариановский кинжал средняя цена 30 руб. серебром, а за охотничий ножик 20 руб. сер. Работа производится по большей части по заказу: мастеровых считается до 15 человек. У г. Мачеварианова делают также ружья и пистолеты за высокую цену. Пара пистолетов Мачеварианова изделия ценится до 150 руб. серебром”¹.

Можно только теряться в догадках о том, где это Петр Михайлович овладел тайнами производства дамасской стали, а главное, нашел-таки первоклассных умельцев, способных полученный в результате чрезвычайно “плотнойковки” уникальный “дамаск” превращать в ножи, кинжалы, пистолеты и ружья в художественно-драгоценном оформлении. К сожалению, эта сторона деятельности Мачеварианова затерялась в анналах истории.

Об уникальной мастерской в Липовке будут еще новые интересные находки. Однако факт останется фактом, что общероссийскую известность Мачеварианову принесли напечатанные в начале 1875 года в московском “Журнале охоты” его критические “Заметки старого провинциального охотника на некоторые сочинения о псовой охоте в России и на журнальные статьи о ней” и “Записки псового охотника Симбирской губернии”, вышедшие в 1876 году в Москве отдельной книгой.

¹. Военно-статистическое обозрение Российской империи...Т.V, ч. 2. Симбирская губерния. — СПб, 1853, с. 111.

Примечательны в связи с этим строки письма Петра Михайловича из Липовки к сыну Федору, относящегося к февралю 1876 года: "Приехал становой по предписанию губернатора сделать подробное описание породы моих собак, с отношением Косаговского (симбирского вице-губернатора. — Ж. Т.), который спрашивает: "Почему полицейское управление не представило по сие время описания охоты такого знаменитого охотника России, которого императорское Общество охоты признало своим авторитетом?"¹

В письме к сыну Борису той же поры, но уже из Симбирска, Петр Михайлович сообщает о необычайно теплом приеме, который ему оказало высшее общество губернского центра: "Меня здесь поуют и балуют, а все знакомые так ко мне внимательны, что редкий день, чтобы не было у меня несколько лиц. Юрлов Александр Иванович (местный помещик и заядлый охотник. — Ж. Т.) приходит каждое утро. Сам я почти всякий день то на званом обеде, то на вечере, только больно меня конфузят медвежья шуба"².

Шуба эта, действительно, была охотничьей и не очень подходила для посещения знатных особ. Конечно, Петр Михайлович, который за своего щенка получал от богатых охотников до 250 рублей, то есть цену тройки хороших рысаков, мог бы выкроить необходимую сумму для представительной парадной одежды. Но, во-первых, большую часть года он обитал в Липовке, а во-вторых, почти весь доход уходил на содержание шестерых детей.

Поначалу, помимо удовлетворения обычных житейских надобностей и элементарного обучения, средства шли на приобретение и музыкальных инструментов (каждый в семье имел свой), и нот (оркестровку делал сам Петр Михайлович), и принадлежностей для занятий рисованием и живописью.

¹ ГАУО, ф. 257, оп.1, д. 17, л.16.

² Там же, л. 14.

Когда дети подросли, появились неизмеримо большие расходы. Сын Дмитрий, став офицером столичной гвардии, постоянно нуждался в дотациях отца по покрытию расходов на экипировку, наем жилья. У Сергея, учившегося в Петербургской Академии художеств, запросы были скромнее, но тоже постоянными. Дочери Ольга и Наталья, попав в столицу, брали платные уроки рисования. И все они, к тому же будучи певцами, брали уроки пения, в том числе и у М. Балакирева, регулярно участвовали в серьезных хоровых концертах. А Федор и Борис, испытав прелести жизни в городе на Неве, все-таки возвратились в отчий край, поближе к отцу и родимой Липовке¹.

Однако, вернемся к книгам Петра Михайловича о псовой охоте и остановимся на тех местах, где автор, выражая свою беспредельную страсть к охоте, подчеркивает тем не менее, что “любит собак несравненно сильнее, нежели собственно травлю зверей”. “Собака принадлежит к числу самых полезнейших домашних животных... Верный и преданный друг человеку; неустрашимая защитница своего хозяина и его собственности; орудие его удовольствий на охоте; товарищ его подвигов во многих случаях в жизни — она всегда служила эмблемою самых благородных, высоких свойств души, как, например, неустрашимости, верности, дружбы”.

И он лелеял своих борзых и гончих. На псарне всегда были чистота и порядок. Петр Михайлович сам следил за кормлением щенков, их выгулом, лечил их раны и болезни, дрессировал, сколачивал слаженную, крепкую и быструю стаю, способную с “треском и блеском” затравить не только зайца, но и “выкунелую лисицу и матерого волка”. Его собаки были относительно невысокого роста (около 15 вершков в холке). Но своей правильной статью они сразу же обращали на себя внимание знатоков. “Порода их чистокровнее и древнее

¹ ГАУО, ф. 257, оп. 1, д. 17, л. 2 об.

всех Габсбургов и Гогенцоллеров, — писал Мачеварианов, в 1873 году, — сложка — богатырская, глаза — вальдшнепные, все миологические части — как академические образчики для Самсона, голова и щипцы (челюсти, нос и подбородок) сухие и правильные, а такой грациозности во всех приемах и движениях — конечно, не было ни у Фаины Эльснер, ни у Тальони. Что же касается до резвости, то съезжался я с дельными охотниками в степях астраханских, камышинских, саратовских, оренбургских и многих других: резвее моих собак не было ни у кого”¹.

Правдивость этого суждения подтверждается откликами в журнале “Природа и люди” 1870—1880-х годов. “Кто знает собак П. М. Мачеварианова, — писал симбирянин Н. П. Ермолов, — тому не покажутся слишком смелыми мои слова про них: “Равным им по изяществу и несомненной высокой кровности теперь не видится собак”. Дайте возможность охотнику — знатоку сортировать Протасьевских или Назимовских собак с Мачевариановскими и он выведет — не голенастых флегматиков, а таких кудрявых, статных, рослых и проворных молодцов, которые и злобой не уступят лучшим густопсовым, — таких собак, какие были 25 лет назад у П. М. Мачеварианова. Когда посланный в Липовку простоватый борзятник моего дяди, Афанасий, возвратившись докладывал барину о виденных им мачевариановских собаках, то выразил свой восторг следующим оригинальным образом: “Как ввели в кабинет к Петру Михайловичу четырех косматых зверей, — глаза, как фонари, — то подумалось — не кобели, а прусские короли!””²

Достоверно известно, что собаки из Липовки получали на выставках в Москве медали высокой пробы, а некоторые благородные особи попали в состав царской

¹ Природа и охота. — М., 1880, № 7, с.3.

² Там же, 1879, с.133.

охоты. Книгами Петра Михайловича о псовой охоте руководствовались многие **истинные** охотники России. К числу последних, по глубочайшему убеждению ветерана, могли принадлежать только те, кто: “благовоспитан, образован, умен, честен, благороден, добр и вечно юн душой”.

22 мая 1880 года, на 76-м году жизни, сердце Петра Михайловича перестало биться. Редакция “Природы и охоты” в июньской книжке с глубокой скорбью оповестила своих читателей и выразила убеждение, что “в лице автора ”Записок псового охотника Симбирской губернии” — капитальнейшего произведения охотничьей литературы, — охотничий мир понес весьма чувствительную утрату”.

Но почти полувековые усилия собаководо-селекционера не пропали даром. В том же журнале еще не раз будет встречаться имя Петра Михайловича. Так, в заметке, посвященной VII выставке Императорского Общества правильной охоты, сообщалось, что некий Н. А. Болдырев представил выведенную им собаку Убей мачевариановской породы: “Это красивый кобель небольшого роста, несколько прямостепной, с довольно сухой головой и хорошими глазами, средственно затянутыми ушами, покрытый какой-то странной псовиной, хотя и густой, но валиками, как будто завитой... Стоит, как большая часть мачевариановских собак, на пятках... Кобель получил большую серебряную медаль” (Природа и охота, 1881, № 2, с. 52). А вот рекламное объявление П. Ф. Филатова из Саранского уезда в октябрьской книжке журнала за тот же 1881 год: “Борзые — псовые, взрослые и щенки (от собак своих, Н. П. Ермолова и П. М. Мачеварианова) продаются”.

Своими трудами по изготовлению дамасской стали и оружия из нее, и особенно по выведению собак уникальной породы, Петр Михайлович еще раз подтвердил справедливость слов Гете: “Никакой опыт не опасен, если на него отважиться”.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЧУДАК

Зачем я петь тебя не смею,
Симбирск, мой скромный городок,
И, как непризнанный пророк,
Молчу над лирою своею...

Этим стихотворным эпиграфом известный зоолог и путешественник профессор Модест Николаевич Богданов предварил свой рассказ "Охота в симбирских садах". Пояснив затем, что автором поэтического отрывка является один из его "любимых учителей Николай Александрович Гончаров, брат знаменитого писателя", Богданов продолжал: "Это был замечательный чудак. Добрый и честный, вечно задумчивый, беспамятный, но в то же время общий любимец. Как теперь гляжу на его толстенькую фигуру, круглое лицо, коротко остриженную голову, на его добрые серые глаза, постоянно блуждающие, словно он не видит ничего, что делается вокруг. Да, он и вправду ничего не видел. Войдет, бывало, в класс: все встанут, по обычаю, прочтут молитву, а Николай Александрович похаживает в это время по комнате, заложив руки за спину, и что-то бормочет про себя"¹.

Вместе с тем, когда Гончаров разъяснял то или иное грамматическое правило, то даже шалуны внимали его рассказу. "Николай Александрович был поэтом в душе, — продолжал Богданов, — и эту поэзию он вносил в грамматическую сушь. Мы любили часы уроков грамматики также и потому, что чувствовали себя как-то вольнее, свободнее, чем у других учителей. В разных углах класса шли рассказы, толки. Можно было сидеть, как и где хочешь, можно было спорить и даже шалить; только иной раз грозно раздается голос Николая Александровича:

¹ Богданов М. Н. Охота в симбирских садах. — М., 1912, с. 5—6.

— Тише, барышни, тише!

Величал он нас барышнями потому, что давал уроки в женском Елизаветинском училище и, по рассеянности, ему казалось иногда, что он там, а не в гимназии”.

Николай Александрович вносил поэзию не только в русскую грамматику, но и в древнерусский язык, который тоже преподавал в младших классах мужской гимназии. Кроме того, Гончаров был незаурядным оратором и великолепным чтецом. “Кто слышал, как он артистически декламировал басни Крылова, — вспоминал его коллега — историк И. Я. Христофоров, — то, вероятно, будет долго помнить его, как самого дедушку Крылова”.

По мнению этого же современника, Николай Александрович “отличался замечательными филологическими познаниями. Не говоря уже о русском и церковно-славянском языках, которые он знал как настоящий филолог, он основательно знал и свободно объяснял-ся на французском, немецком и английском языках”¹.

Как знатока-филолога Гончарова приглашали давать уроки детям в лучшие дома симбирского общества. Его обширными познаниями неоднократно пользовался маститый поэт — майор Дмитрий Иванович Минаев, который свой стихотворный перевод “Слова о полку Игореве”, вышедший в 1846 году в Петербурге отдельной книгой, снабдил посвящением: “Николаю Александровичу Гончарову”. Учитель был свидетелем и в определенной мере консультантом в издании минаевского двухтомного труда “Тысячелетие Руси в русских народных сказаниях”, а в 1856—1857 годах обращался в столицу к своему младшему брату — романисту с просьбами о содействии в прохождении рукописи через цензурные ведомства².

¹ Симбирские губернские ведомости, 1873, 11 декабря.

² Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. — М., 1960, с. 64, 72.

Вполне вероятно, что в качестве домашнего наставника Николай Александрович внес свою лепту в познание русского языка и словесности сыном майора-литератора будущим поэтом-искровцем Дмитрием Дмитриевичем Минаевым. Конечно, уже и по долгу службы, Гончаров консультировал младшего Минаева, когда тот готовился в 1851—1852 годах к экзаменам на первый классный чин в испытательной комиссии при мужской гимназии¹. При его непосредственном участии (как редактора газеты) состоялся и поэтический дебют Дмитрия Дмитриевича на страницах “Симбирских губернских ведомостей”.

Под благотворным воздействием Николая Александровича происходило в конце 1850 — начале 1860-х годов литературное образование родственника Минаевых Василия Николаевича Андреева — будущего гениального лицедея и писателя, вошедшего в историю культуры под псевдонимом Андреева-Бурлака. Так вот, достоверно известно, что еще гимназистом-старшеклассником Василий Андреев овладел мастерством декламации и художественного чтения, что впоследствии помогло ему стать непревзойденным рассказчиком и создателем театра одного актера².

Имена таких воспитанников Гончарова, как Соковнина, Соколовского и Мандрыкина менее известны, но тоже делают честь своему литературному наставнику. Николай Михайлович Соковнин, представитель древнего дворянского рода, после окончания симбирской гимназии занимался в Казанском университете, принимал активное участие в демократическом движении, талантливо воссозданном им в “Воспоминаниях старого казанского студента” (Русская старина, 1892,

¹ Трофимов Ж. Д. Д. Минаев и Симбирск. — У-к, 1989, с.13.

² Трофимов Ж. В. Н. Андреев-Бурлак: память и наследие. — У-к, 1995, с. 19.

т. 74). Позднее, живя в Петербурге, Соковнин поддерживал отношения с Ф. М. Достоевским, А. Н. Островским, С. В. Максимовым. Небезынтересно, что известный путешественник и фотограф Вильям Каррик, вспоминая об общении в симбирском крае с Соковниным, назвал его "одной из талантливых русских натур", знатоком народного языка¹.

Тезка и друг Соковнина Соколовский занял в истории культуры России еще более видное место. Работая после окончания учения в Казанском университете в родном Симбирске судебным следователем, Николай Михайлович активно участвовал во всех начинаниях разночинной молодежи, входил в состав учредителей воскресной школы для детей ремесленников и литературных вечеров, разоблачал в "Губернских ведомостях" (редактируемых Н.А. Гончаровым) происки крепостников, помогал Д. Д. Минаеву в создании остро сатирической поэмы "Губернская фотография", публиковал собственные фельетоны и литературные обозрения в столичной печати о тургеневской повести "Накануне", "Воспоминаниях" И. Панаева.

Примечательно, что вскоре после появления в печати первых двух частей гончаровского "Обломова" Соколовский пишет для "Отечественных записок" восторженный отзыв, в котором роман писателя-земляка квалифицирует как "лучшее произведение современной литературы". В создании образа Ольги, по его мнению, во всем блеске проявился могучий талант романиста, а имя Обломова станет таким же нарицательным, как Онегин, Печорин, Чацкий, Манилов.

Однако общероссийскую известность ему доставили публицистические выступления, написанные на основании собственной юридической практики: "Острог и жизнь", "Из записок следователя", "Фальшивый мо-

¹ Краеведческие записки. Вып. 8. — У-к, 1989, с. 37.

нетчик” и многие другие, печатавшиеся в столичных журналах: “Русское слово”, “Дело”, “Вестник Европы” и других. Во время сотрудничества в “Эпохе” Ф. М. Достоевского, у Соколовского сложились с ним тесные отношения, и Николай Михайлович консультировал романиста при его работе над “Преступлением и наказанием”.

С полным правом можно считать воспитанником Н. А. Гончарова и даровитого литератора Николая Александровича Мандрыкина. После окончания симбирской гимназии и пребывания на правах вольнослушателя в Казанском университете, он вернулся в Симбирск и некоторое время тянул здесь лямку чиновника. Но прислуживаться было тошно и он целиком отдался малооплачиваемому, но любимому литературному труду. Его фельетоны, рассказы и очерки о культурной жизни родного города печатались довольно часто в казанских и самарских газетах, а с конца 1880-х годов стали появляться и в столичных журналах: “Будильнике”, “Всемирной иллюстрации” и других. Бытовые невзгоды подорвали здоровье Мандрыкина и в 1894-м, на 52-м году жизни, он скончался, оставив о себе добрую память¹.

Во время учения в 4 и 5 классах симбирской гимназии на уроках Гончарова сидел сын его сослуживца по гимназии, а затем и по деятельности в комитете Карамзинской библиотеки Дмитрий Николаевич Садовников — будущий певец Волги, автор слов бессмертной песни “Из-за острова на стрежень...” Смело можно сказать, что к истокам его привязанности к фольклору и этнографии прямое отношение имел и Николай Александрович².

Уместно в связи с этим привести свидетельство писателя Гаврилы Никитича Потанина, который в своих

¹ Волжский вестник, 1894, 13 сентября.

² ГАУО., ф. 932, оп. 2, д. 138, л. 9.

мемуарах восхищался Гончаровым как “незабвенным учителем” и единственным человеком в Симбирске, которого он любил и уважал. Он писал, что Николай Александрович, вырабатывая у гимназистов осознанное отношение к литературе, приобщал наиболее одаренных из них к творчеству. Он раскрывал им приемы риторики и композиции, внимательно читал их описания и стихи, давал конкретные советы, как их исправить, улучшить. Подытоживая рассказ о Николае Александровиче, 80-летний Потанин заявил сыну Н. А. Гончарова: “влияние его на меня было громадно, так что я не обинуясь (не раздумывая, без колебаний. — Ж. Т.) могу здесь сказать: **“Он создал писателя Потанина”**”¹.

Знаменательным событием в жизни Симбирска стало открытие 12 июня 1860 года при мужской гимназии воскресной школы для детей ремесленников. Историк П. Мартынов, рассказывая в книге “Город Симбирск за 250 лет его существования” об успехе ее среди горожан, объяснял его тем, что “преподавание в ней приняли на себя двое пользовавшихся тогда заслуженной репутацией прекрасных педагогов: М. В. Арнольдов и Н. А. Гончаров”.

Следует отметить, что в числе учредителей были Н. М. Соковнин и Н. М. Соколовский. Последний из них, обращаясь к энтузиастам-преподавателям предупредил о том, чтобы они были готовы к нападкам на школу со стороны мракобесов и консерваторов. Но заключительные слова оратора источали оптимизм: “Я лучше других знаю, как честно бьются ваши сердца... Докажем, что и здесь, далеко, занимается новая заря. Докажем, что не даром дана наша молодость, что не бесплодно мы убили наши силы!”

¹ *Макеев А., Г. Н. Потанин о Н. А. Гончарове. // Материалы юбилейной гончаровской конференции. — У-к, 1963, с. 282.*

Николаю Александровичу в это время шел 52-й год и здоровье начало сдавать. Да и нагрузка у него была большей, чем у иных молодых просветителей. Ведь помимо преподавательской деятельности в мужской гимназии и женском училище он являлся редактором неофициальной части “Симбирских губернских ведомостей”. Факт этот известен, но некоторые авторы полагают, будто Гончаров нес эту нелегкую ношу лишь “некоторое время”¹ или — “в начале 1860-х годов”². В действительности же Николай Александрович осуществлял руководство неофициальной частью единственной в Симбирске и губернии газеты, в которой, хотя и под цензурой, все же освещалась жизнь края, аж с 1855 по 12 октября 1863 года, то есть без малого девять лет! Причем, судьбоносных в истории России, когда происходила ломка крепостнических и становление рыночных отношений, возникновение земских органов самоуправления.

Возможности редактора неофициальной части газеты были весьма скромными, ибо он не имел права даже на перепечатку политических известий хотя бы и из правительственных изданий. А повелением Александра II от 22 февраля 1855 года подтверждалось, что и впредь “сообщаемые в неофициальной части известия и сведения не должны облекаться в формы таких статей”, в которых “имеет место вымысел... каковы повести, рассказы и т. п.”³.

Тем не менее, при редакторстве Николая Александровича в “Губернских ведомостях” время от времени появлялись публикации, отражавшие веяния освободительных реформ. Так, в новогоднем номере “Губернских ведомостей” за 1858 год, когда уже был известен

¹ Симбирские губернские ведомости, 1873, 11 декабря.

² Бейсов П. Гончаров и родной край. — Куйбышев, 1960, с. 133.

³ Второе полное собрание законов, т. XXX, с. 29059.

рескрипт Александра II о предпочтительности освобождения крепостных “сверху”, Д. Д. Минаев при содействии Гончарова опубликовал свое заздравное со словами:

Свершая подвиг Гражданина,
На поле мысли и труда,
Мы с верой ожидаем ныне
От предстоящей годовщины
Не мало славы и добра.
Заря надежды заблестала...

Зато безуспешной оказалась попытка Николая Александровича перепечатать в “Симбирских губернских ведомостях” главы из “Фрегата Паллады”. Но его брат — автор в письме от 16 ноября 1859 года огорошил: согласно контракту с книгопродавцом И. И. Глазуновым, “перепечатка запрещена”¹.

Кстати, Иван Александрович в письме от 12 апреля 1862 года к брату в Симбирск счел нужным предупредить его: в своей газете “не касаться частного быта, личностей, не отвечать на вздорные выходки”². Здесь, очевидно, подразумевалась полемика, развернувшаяся в “Ведомостях” в связи с публикациями Д. Д. Минаевым главок из его сатирической “Губернской фотографии”.

Редакторская работа, хотя и скупое, но все же оплачивалась, и этот приработок имел для Николая Александровича, содержавшего жену, Елизавету Карловну, сыновей — Александра и Владимира и дочь Ольгу, определенное значение. Однако осенью 1863 года он все-таки покинул работу в “Ведомостях”.

¹ Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. — М.—Л., 1960, с. 101.

² Там же, с. 121.

С этого времени на целое десятилетие Николай Александрович становится действительным членом комитета Карамзинской общественной библиотеки. Он и раньше жертвовал в ее пользу, (скажем в 1847-м его взнос составил 40 рублей), а теперь, помимо уплаты ежегодных членских взносов, на общественных началах, выполнял функции эксперта по определению стоимости книжной продукции, поступившей для пополнения фондов библиотеки. Так, весной 1869 года В. А. Хвощинский, проживавший в г. Курмыше Симбирской губернии, выслал именно Н. А. Гончарову каталог своей библиотеки, насчитывавшей 420 названий и составленной большей частью из беллетристики последних лет, с предложением продать ее за 284 рубля. Николай Александрович нашел эту цену вполне приемлемой и комитет на заседании 12 мая согласился с этим¹.

В мае следующего года московский купец Н. Д. Сырейщиков, не без влияния проживавшего тогда в первопрестольной Александра Михайловича Языкова, в письме на имя комитета Карамзинской библиотеки заявил о своем желании пожертвовать библиотеку своего покойного брата Семена Дмитриевича Сырейщикова, но с условием, чтобы указанные в реестре 823 тома были помещены нераздельно. Свое авторитетное “за” в пользу принятия дара и помещения его в отдельном шкафу, но с правом пользования читателями высказали председатель А. П. Языков и члены Н. А. Гончаров, В. В. Черников. Само собой разумеется, что Николай Александрович участвовал в освидетельствовании приобретенной библиотекой литературы, проверке финансовых документов, проведении заседаний комитета и торжественных мероприятий 1 декабря по случаю дня рождения Н. М. Карамзина (совпадающего с его соб-

¹ Книга протоколов заседаний комитета... на 1870 год, л. 107.

ственным). Можно сказать, что после окончательного ухода Гончарова из гимназии на пенсию в 1870 году Карамзинская библиотека стала самой существенной частью его служения обществу.

И только после того, как в начале ноября 1873 года здоровье Николая Александровича ухудшилось настолько резко, что появилось предчувствие роковой развязки, он обратился к Н. А. Языкову (возглавившему с 1871 года комитет) с полной ответственности и трагизма запиской: "По причине постигшей меня трудной болезни, имею честь просить Вас исключить меня из числа членов комитета общественной Карамзинской библиотеки, которой я не состою должным членских денег. Что же касается до некоторых, у меня оставшихся книг, то они будут в непродолжительном времени возвращены в нее"¹.

Хотя его близкие знакомые и бывшие ученики знали о случившейся с ним "водяной болезни", но никто не думал, что 6 декабря, день его именин, станет и днем его кончины, и поэтому, по словам автора некролога инспектора гимназии И. Я. Христофорова, многие пришедшие навестить почтенного старца и поздравить его... застали его уже лежащим на столе!"

Напомнив об основных вехах его служебной деятельности, Христофоров счел нужным развеять преувеличенные слухи о чудачествах почившего уважаемого коллеги: "При своих обширных познаниях", он при "мягкости своего характера и деликатности в обращении, не мог сдерживать грубые проявления юношеской натуры и вследствие этого ему приходилось не мало... выносить неприятностей и даже крайних огорчений от некоторых из своих учеников. Если вспомнить, что большая часть педагогической деятельности покойного происходила в такое время, когда страх считался

¹ ГАУО, ф. Р-4061, оп. 2, д. 15, л. 13.

единственным двигателем в развитии и образовании русского юношества, то будет понятно, от чего ему, как учителю, неумевшему внушать страх, приходилось нередко терпеть неприятности от учеников и замечания от начальства”.

Тем не менее, последние слова некролога Христофорова (появившегося в “Симбирских губернских ведомостях” 11 декабря 1873 года) примечательны: “Симбирская гимназия, чтя в покойном Н. А. Гончарове честного деятеля и предоброй души человека, сопровождала 8 декабря, в полном составе своих преподавателей и учеников, тело его до могилы”.

В заключение хочется привести слова великого гуманиста Людвиг Фейербаха, чьим горячим приверженцем был Николай Александрович: “Лишь тот что-то значит, кто что-то любит”. Гончаров, настоящий русский интеллигент, считал деяния во благо людей смыслом своей жизни.

ТАК СКОЛЬКО ЖЕ ЛЕТ НАШЕМУ ТЕАТРУ?

Во многих городах и весях нашего Отечества примерно три десятилетия назад развернулось негласное соревнование, чей театр старше, а в связи с этим — и деятельность по установлению возраста своих драматических театров. Итоги этой работы обычно подводились в кабинетах главных идеологов, и простые смертные довольствовались тем, что им преподносилось как нечто непререкаемое. Мне, например, довелось листать брошюрку с такими исходными данными: “Ульяновский областной драматический театр. 178 лет. Ульяновск. 1963. 27 стр.” По Малинину и Буренину получается, что истоки нашего театра начинаются в 1785 году, но почему именно в этом — так и осталось загадкой для рядового читателя. Впрочем, это открытие какое-то начальственное лицо не утвердило, и театр быстро возвратился в первобытное состояние — без возраста и имени. А в соседних областных центрах возраст некоторых театров переваливает уже за двухсотлетний рубеж...

Невольно возникает вопрос: что же помешало нашим краеведам отстаивать дату рождения театра? Думается, что отчасти сыграло свою роль смещение толкований слова “театр”: ведь это — и **искусство** изображения драматических произведений, и **помещение**, где происходят такие представления. И, конечно, не могли не смущать столь немаловажные обстоятельства, как исчезновение с лица земли зданий первых симбирских театров, а также отсутствие на протяжении многих десятилетий постоянных трупп. И, как следствие, не имеется добротных документальных очерков по истории симбирского театра.

И это несмотря на то, что театральные традиции нашего города — одни из старейших в провинциальной России. И смею заверить, что такое утверждение зиждется не только на патриотическом желании предста-

вить возраст нашего театра весьма почтенным. Для этого имеется хотя бы такое веское доказательство, как рукопись пьесы, хранящейся в Центральном архиве литературы и искусства в Москве, на титульном листе которой рукой автора М. И. Веревкина, известного драматурга, сделана пометка: “Комедия “Пугачев Емелька” в трех действиях, представлена в первый раз на Симбирском театре благородными действующими лицами. Ноябрь, 27 дня 1774 года”¹.

Тем не менее, эту дату вряд ли правомерно брать за исходную в истории нашего театра. Ведь комедия могла быть поставлена для избранного круга лиц, в каком-нибудь частном доме, который не может считаться театром в общепринятом понимании. Этим, очевидно, объясняется, что П. Мартынов, автор известного сборника исторических сведений о Симбирске, изданного в 1898 году, к 250-летию существования города, на собою же поставленный вопрос: “Когда был построен в Симбирске первый театр?” дал малоутешительный ответ: “Об этом никаких документальных сведений не сохранилось”².

Тридцать лет спустя другой опытный краевед — Н. А. Державин (обычно выступавший в печати под псевдонимом “Книголюб”) в очерке по истории симбирского театра заявил, что ему посчастливилось разыскать несколько данных о первом публичном театре в нашем городе, который существовал “значительно раньше, чем это представлялось П. Мартынову, а именно: еще в 90-х годах XVIII столетия”³.

¹ *Макеев А.* Комедия, сочиненная в Симбирске. — Ульяновская правда, 1978, 19 января.

² *Мартынов П.* Город Симбирск за 250 лет его существования. — С-к, 1898, с. 198.

³ *Державин Н. А.* (“Книголюб”). Огни ульяновской ramпы. 1780—1926 гг. Очерки по истории ульяновского театра. — У-к, 1928, с. 8.

Справедливость требует отметить, что дотошному Книголюбу на самом деле удалось открыть “несколько любопытнейших моментов прошлого нашего театра” еще екатерининской эпохи. Действительно, его история связана с “первым лицедеем из симбирян” — Никитой Афанасьевичем Бекетовым (сыном симбирского воеводы, дяди поэта и баснописца И. И. Дмитриева), одним из активнейших участников знаменитых Сумароковских спектаклей в Петербурге, положивших начало постоянному русскому театру. Свое благородное увлечение Афанасию Бекетову удалось передать многочисленной родне, в том числе и симбирскому помещику-богачу Николаю Алексеевичу Дурасову, который создал несколько сильных крепостных театров, и один из них — в Симбирске, в своем особняке, находившемся там, где теперь стоит учебный корпус Суворовского училища.

Принято считать, что дурасовский театр в Симбирске действовал с 1780 года и прекратил свое существование примерно через пять лет, когда особняк был подарен хозяином Дворянскому собранию. За это время вкус к театральным зрелищам уже привился образованному обществу настолько прочно, что вскоре в губернском городе возникли новые профессиональные труппы крепостных актеров, принадлежавших известным в губернии богатым и образованным семьям Татищевых, Столыпиных, Ермоловых. К сожалению, ни имена артистов этих трупп, ни их репертуар, ни местонахождение зданий, где они играли, неизвестны до сих пор.

Поэтому первым публичным театром, о котором имеются свидетельства современников, следует считать тот, о котором говорится в дневниковых “записках” литератора И. А. Второва, датированных 1792 годом. В воскресенье 17 октября он был в “театре при представлении оперы Збитенщика”. А в “четверток 4 нояб-

ря”, узнав из афиш об “удивительных действиях” прибывшего в Симбирск комедианта, Второв с тремя приятелями-чиновниками отправился в театр, где действительно происходило удивительное действо. Комедиант с помощью мальчика-ассистента, улегся на “стулья, служившие подставкою под его голову и ноги”, а потом 10 молодых солдат стали на “брюхо, грудь, руки и ноги, и он под такт музыки качал их всех на себе. Потом, при поднимании и опускании занавеса, разбивали на его груди дикие превеликие камни, коих было навалено на него более 10 пудов, молотками, после же на его голове кирпичей с шесть разбиты были молотком, а на груди же, на положенной наковальне, кована полоса железа; наковальня же, пудов 8, была привязана к вискам и он с нею танцевал.

Бочка с водою, — продолжал рассказ Второв, — которую 10 человек едва взваливали на него, лежащего в прежнем виде на стульях, была на нем и с мальчиком, а он под ней играл на валторне, делал пирамиды из людей, стоявших на его руках и ногах, поднятых вверх. После же сих штук мальчик удивительно качался на канате с разными телодвижениями, и после всего был пантомим дровосека. Первые несравненно удивили всех зрителей, а последняя мало. По выходе из театра был в корпусе и на квартире...”

Рассказывая о своей младшей сестре Александре Алексеевне, принадлежавшей к тому поколению женщин, которые читали книги тайком от матери, Второв припоминал, как однажды она даже решила отпра-виться “в театр, переодетая в мужское платье, смотреть представление “Мельника” Аблесимова и от виденного была в восторге”¹. Краевед Н. А. Державин с полным основанием заметил, что переодевание девицы Второвой в мужской костюм было бы излишним, если бы она отправилась в домашний театр, куда приглашались только знакомые хозяев.

¹ Русский вестник. — 1875, № 4, с. 515.

Любопытным свидетельством трогательного отношения к искусству изображения драматических произведений на сцене является стихотворение Андрея Ивановича Тургенева "Разлука с Симбирским театром", написанное летом 1796 года, когда он был 13-летним мальчиком:

На целый месяц я теперь с тобой расстался.

Так в расставании с тобой мой дух терзался,

Что накануне я отъезда моего

Грустил, не спал, не ел и не пил ничего.

Познай, как я к тебе, познай, как был привязан!¹

Это признание юного поэта было бы невозможным, если бы спектакли ставились редко, от случая к случаю.

В "Записках" И. А. Второва принимавшего участие в любительских спектаклях, которые ставила у себя дома Аграфена Жадовская, дочь руководителя масонской ложи "Золотой венец" И. В. Жадовского, имеется и краткое описание залы публичного театра в Симбирске: "Ложи были в два яруса; партер и раек были наполнены зрителями..."².

В зале дворянского ("благородного") собрания происходили как зрелищные, так и иные развлекательные мероприятия. Любопытным подтверждением этого является сохранившийся в областном госархиве рапорт симбирского прокурора министру юстиции России о "буйственных" поступках одного из чиновников казенной палаты. 11 декабря 1806 года этот подвыпивший господин пришел "в вечерний маскарад в Дом благородного собрания, одетый в шубу навыворот мехом", и принялся плясать, "делая разные неблагопристойные телодвижения, истошным голосом крича..." Самая же

¹ Архив братьев Тургеневых. — СПб, 1911, вып. 2, с. 93.

² Русский вестник, 1975, № 4, с. 516.

важная для нас в этом рапорте фраза — о том, что возмутителя благопристойности утихомиривал руководитель Благородного собрания “по возвращении из театра в маскарад”¹. Из рапорта прямо следует, что театр помещался в этом же, бывшем дурасовском особняке. И надо полагать, что он был именно там, с отдельным входом. Другого приспособленного помещения в городе тогда не было.

В упрочении общественного интереса к театральным зрелищам сыграли представления, устраивавшиеся учителями на сцене мужской гимназии с благотворительными целями, пока попечитель Казанского учебного округа М. Л. Магницкий не повелел “убрать сцену из залы гимназии и прекратить самые представления”. Директор гимназии, “осаждаемый просьбами учителей” и опиравшийся на поддержку видных дворян и “Общества жен христианского милосердия”, 13 января 1820 года обратился к Магницкому с просьбой о сохранении сцены, “дабы самим или другим артистам, иметь возможность по временам играть на оной”. Но Магницкий, с характерным для него самодурством, ответил: “Я не признаю приличным образование юношества помощью театра... В рассуждении же допущения в гимназию настоящих артистов нахожу сие еще менее приличным”¹.

Гимназическую сцену уничтожили, но тяга к искусству лицедеев пустила в обществе глубокие корни, и в 1830-х годах в городе было построено здание специально для театра. П. Мартынов, основываясь на рассказах старожилов, дал его описание: “Помещался в особом деревянном здании, напоминавшем по виду простой дощатый сарай; внутри он был обит войлоком, и на зиму ставились для отопления его железные печи. Театр находился на углу Бараньей Слободки (верхней

¹ ГАУО, ф. 109, оп. 1, д. 196, л. 1.

части улицы Минаева. — Ж. Т.) и Александровской площади (находившейся напротив входа в старый корпус областной больницы № 1. — Ж. Т.), наискось Александровского сада... В театре был один ярус лож, и только три ряда кресел; за креслами следовали “места за креслами”, потом партер и, наконец, галерея, помещавшаяся сзади лож, против сцены”¹.

Простенький вид театра не особенно шокировал публику. Не лучшими были тогда зрелищные помещения и в соседних городах. Так, Самара имела в 1840-х годах только летний театр, представлявший собою “холщевую палатку с деревянной кровлей”, в Астрахани спектакли давались в жилом доме, в Казани — в переоборудованном балагане.

Симбирский театр работал только летом. В ненастную погоду, да еще по немощеным улицам, без освещения, поход туда, на окраину города, становился для многих невыносимым. Зимой гастроли приезжих трупп и спектакли местных любителей по-прежнему проходили в Доме дворянского собрания. Но некогда респектабельный дурасовский особняк сильно обветшал, и на повестку дня встал вопрос о новом здании для зрелищ.

Самым подходящим для его постройки было признано место, где сходились улицы Баранья Слободка и Большая Саратовская (Гончарова), у волжского косогора, в центре нынешней площади 30-летия Победы. Сооружение театра было осуществлено в 1846 году под руководством кондитера Александра Матвеевича Слепнева, но на средства отставного полковника Михаила Михайловича Наумова. Парадный фасад этого двухэтажного с антресолями деревянного здания запечатлен на фотографии 1860-х годов. На снимке хорошо

¹ Мартынов П. Город Симбирск за 250 лет его существования, с. 42.

виден выступающий вперед портик со столбами-колоннами. Граф В. А. Сологуб, побывавший в 1849 году в Симбирске, оценил это здание как “весьма порядочное”, а побывав внутри, заметил: “Не велик, но выстроен умно, два ряда лож, партер, места за креслами — все чистенько. Кондитер — мастер своего дела”. Иван Александрович Гончаров, приехавший в том же году из Петербурга на побывку в родной город, выразил удовлетворение, что в Симбирске “какой бы то ни было”, но театр есть, хотя игра актеров его не порадовала.

Начиная с 1860-х годов на его сцене играют К. Ф. Берг, В. И. Живокини, А. В. Трусова-Васильева и другие столичные знаменитости. Здесь же в 1867 году дебютировали Полина Антипьевна Стрепетова, Модест Иванович Писарев и симбирянин Василий Николаевич Андреев-Бурлак.

После смерти А. Слепнева театр перешел 1868 году в руки помещика-меломана Сергея Николаевича Нейкова, а в 1871 году — мецената, отставного полковника, князя Николая Сергеевича Вяземского (друга М. Ю. Лермонтова) и наконец (в 1874 году) — певицы любительницы Пелагеи Ивановны Языковой, жены племянника знаменитого поэта. Последним владельцем театра, при котором он сильно обветшал, был дворянин Дмитрий Аркадьевич Хотев¹. Но в этом его трудно винить, ибо для всех владельцев содержание театра было убыточным, а казна и городские власти не тратили на него ни копейки.

Но губернский центр не мог уже жить без театра, и нашелся-таки человек, который на свой страх и риск решил соорудить каменное, большое по размеру и совершенное по оборудованию, здание. Им оказался отставной штабс-капитан Митрофан Федорович Пряниш-

¹ ГАУО, ф. 88, оп. 5, д. 74, л. 14.

ников, владевший рядом со своей гостиницей местом, находившимся между Соборной площадью и Спасским женским монастырем.

Благодаря самоотверженным усилиям отставного капитана, основным источником существования которого в это время являлась адвокатская деятельность, за полгода (!) здание театра было уже готово. Внешне оно выглядело скромно, но внутри многое поражало симбирян: асфальтовые полы, широкие коридоры, громадное фойе и особенно зрительный зал, вмещавший свыше тысячи человек. Большая сцена, просторная оркестровая, хорошее освещение. В партере, амфитеатре и “литературных креслах” имелось 373 места, остальные — в ложах бенуара, бельэтажа, 3-х ярусах, на галереях.

Памятным вечером 23 ноября 1879 года состоялись первые представления в новом, **самом лучшем в Поволжье** театре — комедии “Бедность не порок” Островского и “Кри-Кри” Базарова и Шумилина. За оставшееся до великого поста время труппа, играя пять раз в неделю, дала обещанные публике 75 спектаклей, но доходы от них не позволили М. Ф. Пряшникову рассчитаться с кредитами. Уже летом 1880 года нависла угроза продажи с торгов всего имущества штабс-капитана. Крах удалось отодвинуть: с осени 1881 года владельцем театра и гостиницы Пряшников стал его кредитор богатый из крестьян В. М. Булычев. Тем не менее Митрофан Федорович остался в благодарной памяти современников как человек, “идеально любивший искусство” и сумевший “поставить театральное дело в Симбирске на прочную, серьезную почву”.

Уже в сезон 1881—1882 годов в Симбирск вернулся талантливый комик и опытный антрепренер Александр Андреевич Рассказов. В майские дни 1883 и 1884 годов в арендуемом им театре с успехом прошли гастроли Товарищества московских драматических артистов во главе с В. Н. Андреевым-Бурлаком.

В последующие три десятилетия антрепризу держали В. А. Перовский, В. И. Бибин, Н. Е. Максимов, И. Ф. Шульц, И. Л. Арканов, К. К. Витарский, К. Э. Олигин, А. Л. Миролюбов, Е. В. Неволина, Б. Я. Пясецкий и другие опытные руководители драматических и оперных трупп. На сцене Симбирского театра, считавшегося одним из лучших в провинции, с успехом выступали М. И. Писарев, П. А. Стрепетова, М. М. Петипа (сын знаменитого балетмейстера), Н. Н. Фигнер, С. С. Расатов, И. М. Москвин (Тарханов, впоследствии — народный артист СССР), А. Я. Таиров (будущий руководитель московского Камерного театра), К. А. Варламов, И. К. Самарин-Эльский, симбиряне по рождению К. З. Пузинский, Е. В. Сброжек-Пашковская, С. И. Ильин и Н. О. Степанова-Шевченко, а также многие другие известные в России мастера.

Примечательно, что наряду с творениями классиков — Н. Гоголя, А. Островского, А. Сухово-Кобылина, А. Чехова, Л. Толстого, А. Толстого, М. Горького, Л. Андреева, А. Сумбатова, Г. Ибсена — неизменным успехом у симбирян пользовались пьесы своих земляков — В. Н. Назарьева, Е. Н. Чирикова, Н. Л. Персияниновой, Ю. Д. Беляева, С. Г. Скитальца, инсценировка по роману “Обрыв” И. А. Гончарова.

Трагической страницей в жизни театра стало 23 апреля 1911 года, когда в нем произошел сильный пожар, уничтоживший почти все деревянные конструкции, обстановку, декорации... Но под руководством инженера С. Юрьева восстановление театра шло “беспрерывно, днем и ночью, двумя сменами рабочих”, и уже к середине августа отделка зрительного зала была почти окончена. Ложи бельэтажа и 3-го яруса против сцены были заменены “балконом” и “куполами”, что, по мнению репортера газеты “Симбирянин”, дает, “во-первых, лицам, не обладающим большими средствами, иметь в театре удобные места, а во-вторых, — улучшает зри-

тельный зал в акустическом отношении". В следующем году "коренные реформы" были продолжены: сцена расширена, покатый пол заменен ровным, перестроена и галерка, устроены "приличные уборные для артистов", богато отделаны залы и буфет и, наконец, приобретены "роскошные декорации" работы мастеров из петербургского Екатерининского театра.

Сезоны 1912—1913 годов прошли с таким успехом, что в стране стала распространяться молва о Симбирске, как о "театральном городе". Оживленную сценическую жизнь не прервала даже мировая война. Так, "Волжские вести" в новогоднем номере за 1916 год отмечали: "Театральное дело в течение своего сезона представлялось блестящим... За время святок театр ежедневно набит битком".

А в октябре того же года произошло событие, о котором поклонники Мельпомены мечтали более века: городские власти за 400 тысяч рублей купили у Д. С. Булычевой здания театра и примыкающей к нему гостиницы. Однако надежда общественности на то, что "город, делая это ценное приобретение, берет будущность театрального дела в свои руки, открывает тем самым новую страницу истории Симбирского театра", не оправдалась. Как и раньше, творческую жизнь определял состоятельный антрепренер труппы, для которого кассовый сбор был превыше всего. С февраля 1917 года им стал известный в Поволжье Д. И. Басманов, при котором спектакли шли почти обычным порядком и во время Февральской и Октябрьской революций.

В марте 1918 года актеры, игравшие в городском театре (теперь он состоял в ведении отдела народного образования), объединились в "Товарищество профессионального союза тружеников сцены" и под управлением П. Д. Муромцева с успехом продолжали ставить пьесы дореволюционного репертуара: "Петр Великий" В. Крылова, "Девушка-кавалерист" Н. Дуровой, "Орле-

анская дева" Ф. Шиллера, "Оболтусы и ветрогоны" и "Мужики" симбирянина Евгения Николаевича Чирикова и др.

После падения самодержавия на сцене городского театра появились представления злободневного политического звучания: "Веселые дни Распутина", "Крах торгового дома Романовых и К°", "Революционная свадьба", "Спекулянты", а также сатирические спектакли "Мозаика", концерты-митинги. Война и революция побуждали некоторых актеров столичных и прифронтовых городов на какое-то время осесть в Симбирске. Этим объясняется тот факт, что сформировались новые драматические и музыкальные труппы, выступавшие на сценах Народного дома (здание филармонии) и Демократического клуба (гостиница "Россия").

Осенью 1917 года актеры театра во главе с режиссером Б. Г. Артаковым открыли драматическую студию, в которой знакомили слушателей с теорией и практикой сценического искусства, прививали им навыки художественного чтения, знакомили с приемами гримировки.

В бурную эпоху гражданской войны и военной интервенции театральная жизнь в городе не замирала. Более того, благодаря работавшему в Симбирске В. Н. Билль-Белоцерковскому, здесь состоялись премьеры его пьес, в которых отразилась новь, рожденная Октябрьской революцией. Во время голода 1921—22 годов город покинули многие актеры, и на симбирской сцене наступило некоторое затишье. Но уже в 1926 году в Саратове создается "Поволжский театральный трест", имевший по две драматические, оперные и опереточные труппы, которые поочередно выступали в крупных городах Поволжья. В том же году на средства ульяновского горсовета был произведен капитальный ремонт бывшего театра Прянишникова ("Большого театра", как теперь его называли), возглавляемого В. В. Образцовым,

и зрители получили возможность в течение сезона знакомится и с драмой, и с музыкальным искусством.

В 1928 году, в связи с ликвидацией Ульяновской губернии, Ульяновск вошел в состав Средневолжского края, и это снижение статуса города не лучшим образом сказалось на его сценической жизни. Тем не менее, в театре, насчитывавшем 1070 мест, за сезон 1934 года было дано 228 спектаклей (в том числе 69 — коллективом пензенской драмы), на которых побывало 168 472 зрителя. Летом 1935 года в Ульяновске был создан “Государственный драматический театр” с первой за всю историю города постоянной труппой. На пост худрука и главного режиссера был приглашен А. С. Верховский, а на первые роли — Н. И. Кварталова, Л. В. Лович, А. Н. Вольский, М. Д. Светлов и другие мастера из различных городов СССР.

Опираясь на опытный коллектив, Верховский с успехом ставил пьесы как современных авторов (“Платон Кречет” А. Корнейчука, “Аристократы” Н. Погодина, “Чапаев” А. Фурмонова, “Скугаревский” Л. Леонова и др.), так и шедевры классиков (“Без вины виноватые” и “Бедность не порок” А. Островского, “Свадьба Кречинского” А. Сухово-Кобылина, “Мария Стюарт” Ф. Шиллера и др.).

Из последующей шестидесятилетней истории театра отмечу лишь некоторые вехи. В разгаре становления творческого коллектива грянула Великая Отечественная война. Она застала нашу труппу на Украине. Гастроли окончились печально: после ряда эвакуаций и передрыг актеры вернулись в родной город, но без декораций и другого имущества. В дальнейшем они в составе фронтовых бригад не раз выступали в боевых частях Красной Армии.

В 1968 году была произведена реконструкция здания театра, в ходе которой были возведены новый каскадовый вестибюль, пристрой для подсобных помещений, увеличена сцена, установлено современное механическое и светотехническое оборудование, полностью обновлен интерьер зрительного зала. Однако, вопреки заверениям архитекторов, обновленное здание театра не стало одним из красивейших в стране. К тому же оно потеряло значение исторического памятника. Многих старожилов не удовлетворяла и внутренняя отделка зрительного зала. Два десятилетия спустя стало ясно, что для дальнейшего развития театра нужны новые площади, и возникла мысль о передаче ему бывшей гостиницы Прянишникова и ресторана "Москва". Медленно, но эти пожелания в основном осуществились, а в городе появился и "Учебный театр".

Но по-прежнему существуют проблемы, о которых я писал 19 марта 1994 года в "Ульяновской правде" в статье "Сколько лет симбирскому театру?": "В ближайшее же время необходимо определить возраст театра и решить вопрос о присвоении ему имени. Думается, что в ноябре 1994 года следовало отметить два юбилея: 220-летие начала театральной жизни в городе и 115-летие здания, в котором сейчас происходят представления. Годом же рождения публичного театра следует считать 1785-й. Что касается имени, то еще четверть века назад в печати высказывались предложения о присвоении театру имени нашего земляка гениального актера и писателя Василия Николаевича Андреева-Бурлака".

В 1994 году руководство обласного управления культуры провело совещание, на котором присутствовали главный режиссер театра Ю. С. Копылов, другие ответственные лица. Высокое собрание обещало безотлагательно претворить в жизнь оба предложения, но, увы, они так и остались благими намерениями.

РЕДКОСТНОЕ ДАРОВАНИЕ

Из когорты артистов, дебютировавших на симбирской сцене во второй половине XIX века, всероссийскую известность приобрели такие мастера, как П. А. Стрепетова, М. И. Писарев, В. Н. Андреев-Бурлак и К. З. Пузинский.

Но если первым троим и в современной истории театра отводится почетное место, то имя Константина Зефировича Пузинского очень редко встречается даже в краеведческой литературе. И это несмотря на то, что, по единодушному мнению дореволюционных критиков, он был известен театральной России как талантливейший и непревзойденный исполнитель... женских ролей. Небезынтересно, что за создание образа Кукушкиной в комедии "Доходное место" Пузинский удостоился одобрительного отзыва самого великого драматурга А. Н. Островского. Чтобы представить, насколько сложным был его путь на сцену, да еще к столь редкому амплуа, проследим, хотя бы вкратце, основные вехи его биографии.

Константин Зефирович родился в феврале 1836 года в семье ветеринарного врача Симбирской губернии, фамилия которого имела тогда несколько иную транскрипцию — Пузынский. Откуда был родом этот врач, как звали его жену и детей, кроме сыновей Константина и Виктора, выяснить пока не удалось.

Зато из воспоминаний современников известно, что Константин с раннего детства питал неудержимую склонность рядиться в женскую одежду. А так как он и по внешнему виду, и по мягкому характеру походил на девочку, то игра в "женщину" у него получалась весьма искусной. Ни выговоры родных, ни даже наказания не искоренили странной склонности мальчика и окружающие в конце концов смирились с нею. Особенно после успешного участия Константина в гимназических

спектаклях, когда выяснилось, что никто не может сравниться с ним в искусстве играть женские роли.

В 1854 году, сразу же после окончания курса мужской гимназии, К. Пузинский поступил на юридический факультет Казанского университета. Но и там, во все время своей студенческой поры, он является непременным участником любительских спектаклей, где выступал все в том же амплуа, и с неизменным успехом у публики. По окончании университетского курса, Пузинский служил сначала судебным следователем Сызранского уезда (входившего в Симбирскую губернию), а с 1861 года — в канцелярии симбирского губернатора. Тем не менее, рискуя чиновничьей карьерой, он продолжал активно участвовать в любительских концертах и спектаклях. Особым успехом пользовались сценки собственного сочинения, в которых К. Пузинским с большим мастерством изображались то замоскворецкая купчиха, то деревенская старуха, то городская сплетница, то старая дева, мечтающая о выгодном женихе.

Публика благосклонно относилась к этому лицедейству, и даже Дмитрий Дмитриевич Минаев в своей остро сатирической поэме "Губернская фотография" увековечил актера-любителя: "Где ты., изящный только в женских ролях, живешь, Пузинский Константин".

Переломным рубежом в жизни Константина Зефиновича стала осень 1869 года, когда он окончательно поменял Фемиду на Мельпомену и сравнительно обеспеченную чиновничью карьеру — на полную самых разных превратностей судьбу провинциального актера. Произошло это не без влияния антрепренера прибывшей на гастроли в Симбирск труппы — местного уроженца Нила Ивановича Богдановского (по сцене Мерынского) и его товарища по симбирской же гимназии В. Н. Андереева-Бурлака.

Деревянное здание частного театра тогда стояло в южном конце Большой Саратовской улицы (ныне

Гончарова) при пересечении ее с Солдатской (ныне Минаева). В 1869 году оно было капитально отремонтировано, а в оркестре собирались лучшие музыканты города. Если учесть, что антрепренер пополнил свою труппу талантливой молодежью и значительно обновил репертуар, то можно сказать, что дебют К. Пузинского состоял в весьма благоприятной обстановке.

Следующий сезон своей профессиональной деятельности актер провел в Вятке, а потом он играл в Калуге, Туле, Вологде, Таганроге, Ростове-на-Дону, Самаре, Екатеринбурге, Харькове, Рыбинске, Казани, Саратове, Петербурге, Орле, Воронеже, Астрахани, Курске, Вильно, Нижнем Новгороде, Иркутске, Баку, Самарканде, Ашхабаде и десятке других городов; в некоторых из них он бывал на гастролях по несколько раз.

Свет родной симбирской рампы К. Пузинский увидел после 20-летних странствований, когда о старом деревянном театре напоминало лишь название площади — Театральная (ныне площадь 30-летия Победы). Каменный театр, построенный отставным штабс-капитаном М. Ф. Прянишниковым в 1879 году, был одним из лучших в провинции. Теперь он назывался “Булычевским” — по фамилии предприимчивого купца, купившего театральное здание на публичных торгах с пристроенными к нему рестораном и гостиницей.

Земляки оказали теплый прием Константину Зефировичу, но обстановка в труппе, возглавлявшейся в 1890—1891 годах недостаточно опытным В. А. Перовским, не устраивала даже покладистого Пузинского и, отыграв сезон, он подался в Астрахань, где “Товарищество драматических актеров” возглавлял незаурядный лицедей и порядочный администратор Василий Иванович Бибин. И когда в следующем зимнем сезоне появилась возможность взять в аренду симбирский театр, Пузинский уговорил Бибина и основной костяк Товарищества переехать в свой родной город.

Не без влияния Константина Зефировича видное место в репертуаре симбирского театра заняли пьесы любимейшего драматурга А. Н. Островского. Так, 11 октября 1893 года, по словам рецензента "Симбирских губернских ведомостей", Пузинский не пожалел красок, чтобы в комедии "Не все коту масленица" показать Фионею — одну из своих коронных ролей, "во всей ее красоте". А 18 ноября, в свой бенефис, Константин Зефирович с блеском поставил комедию Островского "Последняя жертва". Газетный критик, воздав бенефицианту хвалу за "истинно художественную игру", счел нужным особо подчеркнуть признательность обществу знаменитому земляку за то, что "до известной степени мы обязаны ему сформированием для Симбирска хорошей труппы на товарищеских началах"¹.

Но голод 1891—1892 годов, вспышка холеры, прокатившейся в это же время по Поволжью, растущая дороговизна, общий упадок драматургии и сценического искусства — все это не могло не сказываться отрицательно и на состоянии дел в Товариществе, игравшем в Симбирске: сборы не покрывали расходов на аренду театра, изготовление декораций, костюмов и выплату минимального жалования актерам. Нужда заставила Бибина прибегнуть к кабальным займам, но когда к концу зимнего сезона 1894 года выяснилось, что в кассе не наберется денег, чтобы рассчитаться со всеми кредиторами и товарищами по сцене, Василий Иванович Бибин покончил жизнь самоубийством.

Потрясенный разыгравшейся в жизни такой драмой, Константин Зефирович покидает Симбирск и стоически скитается по Поволжью, Уралу, Сибири и северу России. Четвертьвековой юбилей его творческой деятельности 19 февраля 1897 года тепло отпраздновала общественность Самары. Репортер столичного журна-

¹ Симбирские губернские ведомости. — 1893, 21 ноября.

ла "Театр и искусство", с полным на то основанием, заметил: "Едва ли, среди бродячей, а тем более оседлой актерской братии, сыщется актер на такое амплуа, какое 25 лет занимает К. З. Пузинский. Он играет исключительно комических старух, притом, играет с несомненным талантом и большим успехом"¹.

Проходит пять лет, и 19 февраля 1902 года любители Мельпомены Вологды празднуют 30-летний юбилей Константина Зефировича, продолжающего, и с неизменным успехом, играть только роли комических старух. Тот же журнал "Театр и искусство", информируя читателей России о юбилее известного артиста, публикует биографию и подборку фотографий Пузинского в коронных ролях своего уникального амплуа².

После Вологды Пузинский играл в Сызрани, колесил с гастролями по другим городам Поволжья, пока, как говорится, зов предков не побудил его вернуться в Симбирск и осесть здесь навсегда. На родине 16 декабря 1911 года почитатели таланта Константина Зефировича отпраздновали 40-летний юбилей его сценической деятельности.

Ровно через год, хотя он был и не юбилейный, в симбирском театре с аншлагом снова прошел бенефис старейшего мастера сцены, который в комедии "Не так страшен черт, как его малюют" сыграл колоритную роль сызранской помещицы Ольги Юрьевны. Местная газета "Волжские вести", констатируя его успех, писала: "Оригинальное амплуа артиста привлекает к нему интерес публики, а умелая и незаурядная его игра создавала ему круг поклонников и завоевала симпатии зрителей".

С симпатией к Константину Зефировичу относились и все коллеги, с которыми он творил представления. Народный артист РСФСР и преподаватель театральных

¹ Театр и искусство. — 1897, № 7, с. 126.

² Там же. — 1902, № 8, с. 172.

училищ В. Н. Давыдов, вспоминая о совместной с ним работе на эстраде в Поволжье, писал в своих мемуарах: “Когда передавал рассказы собственного сочинения, изображающие сплетниц, сварливых баб, купчих, торговков, богомолков, деревенских старух, Пузинский был просто превосходен. Такой тонкой, художественной имитации старух мне потом не приходилось видеть. Слыл он за скромнейшего и уживчивого человека и никогда ни в какие закулисные дела не входил”¹.

За безукоризненную честность, справедливость и превосходное знание сценического мастерства актеры не раз избирали его руководителем труппы в Иркутске, Пензе, других городах. Но административная работа не прельщала Константина Зефировича и на склоне лет он по-прежнему был просто актером, для которого не было никакой другой, в том числе и семейной, жизни вне театра.

Здоровый образ жизни позволил сохранить ему завидную трудоспособность: в труппе родного театра он состоял до 79 лет. Последней мечтой его было дослужить до официального 45-летнего юбилея театральной деятельности и своего 80-летия. На деле же, по словам краеведа Н. А. Державина, он прослужил “верно, честно и незапятнанно русской сцене почти 60 лет”, не дожидаясь двух месяцев до своего 80-летия.

Все складывалось почти так, как ему хотелось до начала рождественских праздников 1915 года. 26 декабря он в полном здравии нанес визиты знакомым, а придя к себе домой вечером, прилег отдохнуть... Увы, оказалось — навечно. Репортер газеты “Симбирянин”, сообщая читателям о кончине маститого артиста К. З. Пузинского, “известного своей талантливой игрой и оригинальным дарованием почти всей театральной России”, выразил мнение, что это “Бог послал тихому, скром-

¹ Давыдов В. Н. Рассказ о прошлом. — Л.—М., 1962, с. 190.

ному и симпатичному человеку” редкую смерть — тихую, мирную, безболезненную и безмятежную. 29 декабря тело почившего актера было предано земле на Новом городском кладбище (на нынешней ул. К. Маркса).

Игра Константина Зефировича оставила неизгладимый след в душе нескольких поколений симбирян. Вот что писал преподаватель пединститута им. И. Н. Ульянова А. В. Ястребов в середине 1960-х годов: “Артист Пузинский был бесподобен в исполнении ролей комических старух. Игра его была настолько проста и естественна, что человек, совсем незнающий этого артиста, с трудом поверил бы, что женскую роль играет мужчина... Мне навсегда запомнилось исполнение Пузинским роли госпожи Простаковой в комедии Д. И. Фонвизина “Недоросль”: настолько правдив был он в этой роли”¹.

Неудивительно, что Константину Зефировичу, особенно во время гастролей в чужих городах, нередко приходилось выходить без грима после спектакля к тем дотошным зрителям, которые прорывались за кулисы, чтобы непременно своими глазами убедиться в том, что он — мужчина.

Зато почти все жители Симбирска хорошо знали в лицо не только любимого актера, но и его родного брата Виктора Зефировича Пузинского — старшего ревизора губернской контрольной палаты, принимающего активное участие в культурной и общественной жизни города. В его доме, находившемся невдалеке от Театральной площади, в 1870-х годах квартировал поэт Дмитрий Иванович Минаев, отец знаменитого сатирика. Примечательным документом, свидетельствующим об уважительном отношении передовой общественности

¹ Фонды краеведческого сектора Дворца книги им. В. И. Ленина.

к личности и трудам В. З. Пузинского, говорит записка от 21 мая 1885 года директора народных училищ губернии Ильи Николаевича Ульянова к руководителю ученического хора К. Маторину. Он обращается с просьбой жены политического ссыльного доктора медицины А. А. Кадыяна: "Анна Юльевна Кадыян просит меня, чтобы Вы с хором завтра 22-го в 8 1/2 часов утра прибыли на похороны В. З. Пузинского. Я согласен".

Надо полагать, что в нашем городе и в десятках других, где десятилетиями гастролировал К. З. Пузинский, в архивах, библиотеках имеются не только рецензии и воспоминания об актере уникального амплуа, но и тексты сценок и рассказов собственного сочинения, с которыми он выступал на концертах. Можно надеяться, что найдется такой молодой краевед-энтузиаст, который изготовит альбом копий фотоснимков Константина Зефировича в гриме и одежде героинь комедий Островского и других авторов. Жанровые сцены из спектаклей с участием Пузинского часто публиковались в столичном журнале "Театр и искусство".

ОДИН ИЗ ТАЛАНТЛИВЕЙШИХ ЛЮДЕЙ РОССИИ

Нет ни одной монографии о русском театре 70 — 80-х годов XIX века, в которой наш земляк Василий Николаевич Андреев-Бурлак не упоминался бы как замечательный актер, выдающийся режиссер и организатор театрального дела, неповторимый рассказчик-импровизатор, создатель театра одного актера, теоретик драматического искусства, писатель — автор самобытных “волжских сцен”, очерков и рассказов.

Это был артист, известный самой широкой театральной публике. Его игрой восхищались сотни тысяч зрителей Москвы, Петербурга, Риги, Одессы, Харькова, Тифлиса, Киева, Кишинева, Новочеркасска, Ростова-на-Дону, Воронежа, Тулы, Орла, Курска, Смоленска, Пензы, Самары, Нижнего Новгорода, Казани, Саратова, Астрахани и десятков других городов Российской империи.

Василий Николаевич мог играть все: и трагедии, и комедии, и драму, и фарс. “Ролей у него было много, — вспоминал актер П. Н. Орленев, — но все они были полны художественного перевоплощения, пламенного вдохновения и тонкого чутья малейших деталей, в них всегда сверкало большое мастерство, все они поражали жизненностью передачи”¹.

Видный историк театра А. М. Брянский, отмечая необыкновенно широкий диапазон артистического таланта Андреева-Бурлака, подчеркивал: “Он одинаково успешно исполнял роли и чисто комические, и драматические, и роли, в которых комизм и драматизм сливались в одно неразделимое целое. Появляясь в ролях

¹ Орленев П. Н. Жизнь и творчество русского актера П. Орленева. — М., 1948, с. 261.

Городничего, Аркашки, Ладыжникова, Любима Торцова, Расплюева, Иудушки, Недыхляева — он то смешил публику до слез, то заставлял театр плакать и содрогаться от ужаса”¹.

Актер и писатель В. А. Гиляровский (“дядя Гиляй”), лично хорошо знавший Василия Николаевича, вспоминал: “Как в исполнении ролей, так и в его рассказах всегда сказывался крупный творческий талант. Русская сцена потеряла в нем одного из лучших актеров, с громадным и самым разнообразным репертуаром. И ужасные Иудушка и Недыхляев в “Кручине”, и забытые, жалкие Аркашка в “Лесе”, Никашка в “Горькой судьбине”, и смешные до крайности рассказы и сцены на Волге — все было по плечу, все удавалось ему”².

По мнению П. А. Россиева, знатока театральной жизни 1880-х годов, Андреев-Бурлак, наряду с редким и великим талантом лицедея, был еще и тонким психологом, владевшим “тайной того захвата, который подобно электрическому току сообщался зрителю, соединял его с артистом и заставлял вместе с ним смеяться или плакать, цепенеть или кипеть... Бурлацкую удаль, бурлацкий размах и удивительный талант самородка Василий Николаевич принес с собой на русскую сцену и быстро сделался кумиром русской публики”³.

И не только рядовой публики, но и драматургов: А. Ф. Писемский, А. В. Сухово-Кобылин, А. П. Чехов обращались к нему с предложениями сыграть главные роли в своих премьерных спектаклях. Довольно тесные отношения сложились у Василия Николаевича с А. Н. Островским в связи с возобновлением в 1880 году в Москве постановки комедии “Лес”. Сам великий дра-

¹ Обозреватель театров. — 1913, 10 мая, с. 6.

² Русские ведомости. — 1888, 13 мая.

³ Ежегодник императорских театров. — СПб, 1909, вып. V, с. 12.

матург, говоря об огромной, благодаря Андрееву-Бурлаку и Модесту Писареву, ее популярности, подчеркивал: "Пьеса "Лес" шла два сезона с таким успехом, что никогда накануне нельзя было достать ни одного места, а надо было заранее записываться..."¹ Примечательно, что Островский, обычно резко пресекавший любые попытки актеров подменять авторский текст "отсебятиной", все-таки одобрил бурлаковские импровизации при исполнении роли Аркашки Счастливецва и внес правки в канонизированный текст "Леса".

Небезынтересен и такой факт, о котором обычно сдержанный в выражениях своих чувств М. Писарев сообщил 28 мая 1881 года П. Стрепетовой: "На днях у нас в театре был И. С. Тургенев, смотрел "Лес". Остался очень доволен"².

Если первой особенностью творчества Андреева-Бурлака является находчивость, экспромт, то второй можно считать способность к имитации. "Большой мастер на анекдоты в жизни, веселый собеседник и собутыльник, Бурлак, — отмечал критик М. Прыгунов, — конечно, имитировал и знакомых, и незнакомых, близких и далеких, артистов и рецензентов, друзей и врагов, — словом, тех, кто, по его наблюдению, носил в себе ту или иную характерную черточку. Имитируя, он не передразнивал, а как бы перерождался, входил в представляемое лицо всем своим существом"³.

При этом Василий Николаевич не заигрывал с публикой, скупое использовал жесты и движения. Недаром говорили, что он мог строить образы с помощью указательного пальца и нижней губы. Если его театральные работы отличались мастерством грима, то, рассказывая, Бурлак демонстрировал искусство мима. Но глав-

¹ Островский А. Н. Собр. соч., т. XII, с. 28 — 29.

² Литературное наследство. — М., 1974. Т. 88, кн. 2, с. 177.

³ Временник русского театра. — М., 1924, с. 180.

ным, конечно, оставалось звучащее слово актера, его мастерство создавать словесные портреты и передавать разнообразие народных, особенно волжских, говоров¹.

Как рассказчик-импровизатор, автор и исполнитель разнообразных номеров, от юмористических и бытовых сценок до серьезных рассказов общественно-политического звучания, Андреев-Бурлак продолжал традиции М. С. Щепкина, Н. Х. Рыбакова, П. М. Садовского и И. Ф. Горбунова. Но Василий Николаевич пошел дальше своих именитых предшественников и создал театр одного актера, в котором продемонстрировал поистине феноменальное творчество².

Ему первому пришла в голову мысль читать в полной сценической обстановке (в гриме, костюме) отрывки из творений выдающихся писателей, и он сделал "Записки сумасшедшего" Гоголя, "Рассказ Мармеладова" (диалог Мармеладова с Раскольниковым) и диалог капитана Снегирева с Алешей Карамазовым ("Мочалка") Достоевского достоянием русской сцены.

Наиболее громким успехом в столичных и многих провинциальных театрах пользовалась инсценировка гоголевских "Записок сумасшедшего". Знаменитый критик В. В. Стасов, одобряя эту инициативу актера, писал: "Надобен огромный талант, чтобы выполнить на сцене гениальное создание Гоголя так, как это делает Андреев-Бурлак, — с той правдой, с той патетичностью, с тем бесконечным разнообразием нот, с тем комизмом движений, выражением лица и глаз... Это нечто поразительное по простоте и истине"³.

Через 15 лет после написания этих строк Стасов, принимая в своем кабинете в императорской публичной библиотеке Ф. И. Шаляпина, показал ему само-

¹ Советская эстрада и цирк. — 1972, № 8, с. 27.

² Там же.

³ Новости. — 1883, 11 апреля.

дельную книжечку, составленную из нескольких десятков фотографий уже покойного Андреева-Бурлака в роли Поприщина и горячо посоветовал самому читать “Записки сумасшедшего” на концертах и литературных вечерах. Федору Ивановичу (которому в Казани 10 мая 1888 года довелось отпевать Андреева-Бурлака), тут же, в кабинете Стасова, по его словам, стал читать текст, напечатанный сбоку каждой фотографии, и читал экспромтом, но “так чудесно, и с такими жестами, вроде как сам Андреев-Бурлак...”¹ Совет маститого критика навсегда запал в душу знаменитого певца, и, находясь в Париже, он 14 апреля 1935 года в письме к дочери Ирине Федоровне в Ленинград просил переписать для него в Публичной библиотеке тексты из “Записок сумасшедшего”, которые “в старину представлялись в театре как сцены Андреевым-Бурлаком”².

Замечу, что по этим же текстам, смонтированным Василием Николаевичем из гоголевских “Записок сумасшедшего”, исполняли роль Поприщина в дореволюционные времена многие актеры России, да и за рубежом. В наше время этот моноспектакль ставился в московских театрах А. Калягиным, Г. Бурковым, Ю. Юрветом.

В. Стасов одновременно советовал Шаляпину исполнять “сцену Мармеладова” из “Преступления и наказания” в бурлаковской инсценировке. И это не случайно, ибо она тоже пользовалась у зрителей большим успехом. По словам народного артиста СССР Л. М. Леонидова, Бурлак исполнял ее “очень сильно, сочно” и без всякой сентиментальности. “Про него, — продолжал Леонидов, — как и про Достоевского, можно сказать: “жестокий талант”. Никакой слащавости, нет заигрывания с публикой. Мармеладов — это настоящая тра-

¹ Шаляпин Ф. И. Литературное наследство. — М., 1976, т. 1, с. 382.

² Там же, с. 541.

гедия. Это величественно и трагично, как Эдип. Это кон-
гениально автору “Преступления и наказания”.
Замечательны глаза, предельно выразительные”¹.

На протяжении двух с лишним десятков лет сцени-
ческой деятельности Василия Николаевича неизменным
успехом у публики пользовались его устные рассказы
из цикла “Волжские сцены”. Эти юмористические и бы-
товые картинки метко схвачены им, как говорится,
“живьем с натуры из народной жизни” во время служ-
бы на волжском пароходе, а затем и гастрольных скита-
ний по провинции.

Со временем Андреев-Бурлак стал печатать сцены и
рассказы в газетах и журналах, а в 1881 году часть их
вышла в Петербурге книгой под названием “На Волге”.
Бурлаковскую прозу современники сравнивали с произ-
ведениями А. Левитова, Н. Успенского, В. Слепцова.
Примечательно, что обозреватель газеты “Симбиря-
нин” в статье от 11 мая 1913 года, приуроченной к 25-ле-
тию со дня смерти “одного из самых талантливых и
выдающихся артистов своего времени”, с удовле-
творением отметил, что из “Волжских сцен” продолжает
пользоваться “широкой известностью посвященная
нашему Симбирску сцена “На городской площади”,
в которой с неподражаемым юмором описывается
симбирский памятник Карамзину”. (К сожалению, сбор-
ника “На Волге” нет ни в одной библиотеке города².)

Первые двенадцать лет своего профессионального
служения Мельпомене Василий Николаевич провел в
театрах Поволжья и юга империи, пока судьба не свела
его на гастролях 1879 года в Петербурге со старыми
друзьями по Симбирску — Модестом Писаревым и
Пелагеей Стрепетовой.

¹ Леонидов Л. М. Прошлое и настоящее. — М., 1948, с.41.

² Этот сборник вошел в книгу Ж. Трофимова “В. Н.
Андреев-Бурлак: память и наследие”. — У-к, 1995.

На казенную сцену, где делами заправляли чиновники, они особенно не стремились, зато, когда в начале 1880 года стало известно, что актриса А. А. Бренко открывает в Москве частный театр, Василий Николаевич охотно принял ее предложение взять на себя художественное руководство новой труппой. Актер и публицист Н. П. Кичеев вспоминал в связи с этим: “Свой человек” в лицедействующей провинции, Бурлак сумел стянуть сначала на сцену театра Петровского парка, а затем и на сцену “театра близ памятника Пушкину”, всех, кем, как говорится, “дышали” провинциальные сцены: Стрепетову, Глебову, Немирову-Ральф, Рыбчинскую, Красовскую, Гламу-Мещерскую, Добрынину, Дубровину, Понизовскую, Свободина, Киреева, Далматова, Стружкина, Писарева, Иванова-Козельского, Горева (только что принятого тогда на императорскую сцену), Южина и других, не перечисляя “полезностей” (каковы Волгина, Бороздина, Кострова, Багров и т. д.)”¹.

Василий Николаевич вместе с Писаревым и Бренко сыграл решающую роль в том, что основой репертуара Пушкинского театра стала русская классика — творения Гоголя, Тургенева, Грибоедова и особенно А. Н. Островского. Охотно брался он и за новинки, “неодобренные литературно-театральным комитетом”, и как режиссер мог сделать такую новинку “гвоздем сезона”. Так впервые в Москве появился на сцене “Иудушка” — переделка В. Куликовым Щедринской хроники “Господа Головлевы”.

Инсценировка была далека от совершенства, но Василий Николаевич создал такой образ Иудушки, а Писарев, Глама-Мещерская, Васильев 1-й так блестяще исполнили свои роли, что случилось небывалое: с 10 ноября по 30 декабря 1880 года “Иудушка” с ан-

¹ Новости дня (Москва). — 1888, 13 мая.

шлагом прошел 10 раз! М. Горький, которому довелось увидеть этот спектакль позднее, был потрясен изумительным исполнением главной роли Андреевым-Бурлаком: “Ханжа и сластолюб Иудушка Головлев вызывал острое чувство гадливости, аплодисменты возникали не сразу. Маленький старичок в халате, с дрожащими руками, ядовитой слюнявой улыбочкой... Его липкие слова, паучьи движения, его порабощающий терпкий голосок и эти гнилые улыбочки, весь он был до ужаса противен и казался непобедимым, точно Кашей Бессмертный. Я пережил нечто неопишное, хотелось бежать на сцену и убить это воплощение мерзости”¹.

Однако такой триумф давался выдающемуся артисту дорогой ценой. Перевоплощение требовало в высшей степени нервного напряжения. Так, после одного из актов, по свидетельству обозревателя “Нового времени”, Василий Николаевич “едва дошел до уборной и свалился там без чувств. С трудом привела его в себя забота любящих женских рук... Он закончил роль блестяще, а потом болел”².

Пресса не раз хвалила Андреева-Бурлака как режиссера Пушкинского театра за то, что он много сам играл и в то же время “так умело, сценически серьезно” поставил работу всей труппы³. Но историки театральной жизни Москвы не всегда воздают должное Василию Николаевичу как руководителю работ по переустройству театральных сооружений в городе.

В начале 1881 года он заведовал работами по переоборудованию театра в Петровском парке, проводившемуся к открытию Всероссийской промышленно-художественной выставки⁴. А весной под руководством

¹ Горький М. Полн. собр. соч., — М., 1979, т. 15, с. 565.

² Саратовский дневник. — 1888, 25 мая.

³ Русская газета. — 1881, 25 и 27 января.

⁴ Там же, 24 февраля.

Андреева-Бурлака зрительный зал Пушкинского театра, находившегося в доме Малкиеля (в Гнездиловском переулке) расширился настолько, что по размерам должен был превзойти зал Малого театра¹.

Финансовые неурядицы привели к краху антрепризы А. Бренко, но Василий Николаевич не пал духом и уже летом 1882 года, лелея заветную мечту о создании театра, эксплуатация которого проводилась бы артистической артелью, взялся руководить возведением театрального здания в Газетном переулке, в доме Лионозова, для "Русского драматического театра". Следил за постройкой, делал наброски декораций, составлял схему освещения, выбирал реквизит и бутафорию, составлял репертуар и комплектовал труппу. Когда же начались спектакли, то, почти ежедневно играя, он руководил еще и постановкой новых пьес². Если учесть, что Андреев-Бурлак сыграл немаловажную роль еще и в капитальной перестройке театра в Харькове, а также в серьезной реконструкции Саратовского театра, то можно смело сказать, что вклад Василия Николаевича в театральное строительство трудно переоценить.

Но так уж сложилась судьба, что Андреев-Бурлак все-таки с 1883 года расстается со сравнительно налаженным бытом в Москве и вновь отправляется на гастроли по городам и весям. Одной из причин этих скитаний, по мнению знатока-театрала, было стремление спасти своим участием в спектаклях от безденежья провинциальные театры. "Скольким антрепренерам, — отмечал один из критиков, — дал возможность расплатиться с артистами, скольких антрепренеров он буквально избавлял гастролями от голодной смерти, трудно вычислить. И при этом он всегда особенно охотно спешил на выручку в те театры, где играла труппа без антрепрене-

¹ Русская газета. — 1881, 10 мая.

² Московские новости. — 1888, 12 мая.

ра, “на марках”. Неудивительно, заключал автор, что артисты считали Василия Николаевича “не только талантливейшим из своих представителей, но и энергичным, способным, неутомимым борцом за их материальную независимость”¹.

Одним из проявлений признания вклада Василия Николаевича в развитие российского театра стало решение “Казанского общества любителей сценического искусства” от 16 января 1882 года, согласно которому в состав почетных членов были избраны Н. А. Островский, П. Д. Боборыкин, П. А. Стрепетова, М. И. Писарев, В. Н. Андреев-Бурлак.

Важную роль в оживлении театральной жизни провинции сыграли создаваемые Андреевым-Бурлаком Товарищества московских драматических артистов. Навсегда в историю вошли гастроли Товариществ по Поволжью в 1883 и 1884 годах, во время которых Василий Николаевич, Модест Писарев, Глама-Мещерская и другие мастера познакомили зрителей десятков городов с шедеврами Островского и других наиболее популярных авторов.

Словом, всюю своей артистической деятельностью Андреев-Бурлак, наряду с И. Самариным, С. Шумским, А. Ленским, В. Давыдовым, М. Савиной и Г. Федотовой, заслужил почетное место среди тех “первоклассных учителей сцены, внимательных и умных педагогов”, которые являлись ревностными воспитателями целого ряда актерских поколений. “В них жил, — писал видный искусствовед Б. Алперс, — инстинкт создателей театра как профессионального дела. Они сохраняли ту линию преемственности мастерства, без которой искусство существовать не может, какие бы блестящие образцы не создавались отдельными гениальными художниками”².

¹ Одесский листок. — 1888, 14 мая.

² Алперс Б. Актерское искусство в России. Т. 1. — М. — Л., 1955, с. 50.

Справедливость требует отметить, что Василий Николаевич воспитывал не только своей игрой на сцене или в роли художественного руководителя труппы, но и публичными лекциями в обществах любителей театра. Свидетельством высокого уровня его теоретических трудов является лекция “Сцена и жизнь”, изданная в 1886 году отдельной брошюрой одесской “Славянской типографией”.

В этой, к сожалению, единственной дошедшей до нас лекции он подытожил опыт всей своей артистической деятельности и четко сформулировал цель и задачу драматического искусства.

Трактовка Андреевым-Бурлаком поднятых в лекции злободневных проблем с одобрением была воспринята М. Писаревым, Д. Аверкиевым, другими известными театрами. Искусствовед И. Крути писал в связи с этим: “Мысли Бурлака об искусстве актера, его требование, чтобы “роль вошла в актера” настолько, что он “ни на секунду” не может отрешиться от чужой шкуры”, его утверждение, что “раз чувство родилось, оно не пропадет бесследно, что оно при повторении роли явится вновь рефлексивно... и чем сильнее актер воспринял это чувство, тем ярче и сильнее оно воодушевит его в момент творчества”, наконец, его указание на необходимость при изучении роли “выяснить ее отношения к другим действующим лицам, уяснить среду действия” — все эти положения мы находим позднее среди основных законов так называемой “системы Станиславского”¹.

В заключение приведу строки из характеристики В. Н. Андреева-Бурлака, принадлежащие драматургу Е. П. Карпову и напечатанные в петербургском журнале “Театр и искусство” в связи с 25-летием кончины Василия Николаевича — одного “из талантливейших

¹ Советский театр. — 1936, № 4—5, с. 13.

людей Руси”, оставивших по себе вечную, светлую память в сердцах тех, кому довелось видеть его на сцене:

“Нет наследства более драгоценного, нет дара более благородного, чем дар артиста-художника, вносящего свет и правду в жизнь, заставляющего восторженно биться сердца людей при проявлении чувства любви, справедливости и гражданского мужества, оплакивающего мрачные стороны своего времени, негодующего на торжество тьмы, бичующего и осмеивающего, сквозь неведомые миру слезы, пороки своего времени. Неизгладимыми чертами запечатлелась память об этих высоких минутах, вызванных игрою артиста-художника в сердцах людей, и долго будет жить, передаваясь из поколения в поколение.

Художническая правда и красота, как и идея, не знает смерти!”¹

И последнее. Нашему знаменитому земляку не повезло. За памятником на Арском кладбище в Казани нет надлежащего надзора. А в родном его городе до сих пор память его ничем не увековечена, хотя в журнале “Театр” еще в 1976 году (№ 11, с. 95) говорилось, что “скоро будет установлена мемориальная доска на здании театра в Ульяновске”.

Василий Николаевич Андреев-Бурлак достоин того, чтобы его имя носил наш областной драматический театр, чтобы на его сцене исполнялся бурлаковский репертуар, чтобы в библиотеках имелись произведения Василия Николаевича и книги о его жизни и деятельности, чтобы по Волге плавал теплоход “Артист В. Н. Андреев-Бурлак”.

¹ Театр и искусство. — 1913, № 19, 12 мая, с. 422.

СЕЯТЕЛЬ ЗНАНИЯ НА НИВЕ НАРОДНОЙ

Первое приходское училище в Симбирске было открыто в 1834 году, и более 30 лет оно являлось единственным в городе учебным заведением, где сыновья мещан, солдат и крестьян могли получить за два года обучения начальное образование. И только в 1871 году, по инициативе инспектора народных училищ губернии И. Н. Ульянова, в губернском центре появилось и первое женское приходское училище. В этих старейших начальных училищах Симбирска до конца XIX века трудилось немало знающих свое дело добросовестных педагогов, но особо почетное место среди них принадлежит Ивану Николаевичу Николаеву, который преподавал в 1-м мужском приходском училище и занимал им непрерывно 43 года, до последнего своего вздоха. История жизни этого беспримерного труженика, обучившего и воспитавшего не одну тысячу предков нынешних жителей Ульяновска, — это тоже урок, необходимый для всех нас.

Иван Николаевич родился 23 декабря 1836 года в семье мещанина, служившего землемером при симбирской удельной конторе. Отцу нужен был грамотный сын-помощник, и Иван был отдан на учебу в уездное училище, которое успешно окончил в 1851 году¹. Теперь-то он помогал отцу в межевых работах на селе в полную силу и целое десятилетие был его правой рукой. Для того, чтобы самому стать землемером, Иван сдал экзамены на звание чертежника и приобрел право на хорошо оплачиваемую работу, ибо в эпоху падения крепостного права в России повсюду происходило размежевание угодий.

¹ ГАУО, ф. 932, оп. 1., д. 382, л. 3.

“Но в упомянутый период времени, — вспоминал учитель-симбирянин А. Бубнов, — в период реформ и всяческих благих начинаний и надежд, лучшие люди стремились не к крупным окладам, а к широкой деятельности на пользу и просвещение только что освобожденного народа”. По призыву К. Д. Ушинского, В. И. Водовозова, Н. Ф. Бунакова, Н. И. Пирогова, Л. Н. Толстого и других педагогов и мыслителей к немедленному реформированию старой заскорузлой школы тысячи разночинцев устремились на ниву начального народного образования. В эту-то армию и вступил Иван Николаев рядовым учителем и всею душою отдался педагогическому делу, которое, по его словам, было “основательнее, полезнее и образованнее”, чем, скажем, работа чертежника.

Это произошло 17 апреля 1863 года, когда Иван Николаевич был допущен к исполнению обязанностей учителя симбирского мужского приходского училища. А в мае 1865 года сдал в мужской гимназии экзамены и получил желанное “Свидетельство”, узаконившее его преподавание.

Приходское училище размещалось в деревянном доме на набережной Свияги и непосредственное начальство Николаева — директор гимназии И. В. Вишневский — навещивался редко, в качестве ревизора, и интересовал его больше общий порядок, чем процесс обучения и воспитания ребят. Впрочем, и губернатор касался главным образом внешней стороны дела. Как-то этот сановник нагрязнул в училище и, не увидев в столярной мастерской ни учеников, ни мастера, сделал нагоняй Ивану Николаевичу. Тот промолчал, но так как мастерскую открыл на свои деньги, то после этого ее и закрыл.

Осенью 1869 года в Симбирск на только что учрежденную должность инспектора народных училищ губернии прибыл кандидат математических наук Илья Ни-

колаевич Ульянов, преподававший физику и математику в средних учебных заведениях Пензы и Нижнего Новгорода, но имевший опыт преподавания и в воскресной школе для детей ремесленников. В отличие от других чиновников, Ульянов в приходском училище бывал чуть ли не ежедневно, вникал в весь процесс обучения и воспитания, по-товарищески обсуждал с Николаевым его методики преподавания, сам давал показательные уроки, советовался, как наладить при училище работу педагогических курсов для учителей губернии, обсуждал возможности Ивана Николаевича руководить практическими занятиями слушателей курсов. И нашел полное взаимопонимание.

“Преданность и любовь к делу и стремление к общей цели, — вспоминал учитель А. Бубнов в 1905 году, — объединило этих двух людей... Вот тут-тогодились неутомимая энергия и опытность Ивана Николаевича. Впоследствии он со слезами восторга рассказывал об этом времени: как, просиживая ночи напролет, просматривал конспекты практикантов, как давал в своей школе образцовые уроки, как совместно с будущими учителями проходил дидактику и методику предметов, как вел с преподавателями и самим директором диспуты. И после закрытия курсов Иван Николаевич не переставал быть наставником будущих народных учителей: они до установленного экзамена на звание учителя неукоснительно ходили слушать его уроки и советы, в которых он никому не отказывал”¹.

Летом 1872 года И. Николаев и еще двое народных учителей были направлены И. Ульяновым на открывшуюся в Москве Всероссийскую Политехническую выставку, чтобы там познакомиться с достижениями промышленности, торговли, науки и искусства. Но глав-

¹ Отчет о состоянии низших учебных заведений Симбирской губернии за 1905 год. — С-к, 1907, с. 146.

ной целью командировки для самого инспектора Ульянова и его подопечных было ознакомление с учебным отделом выставки, где лучшие ученые-педагоги России выступали по важнейшим проблемам развития земской народной школы. Здесь же можно было познакомиться с новейшими методами обучения, наглядными пособиями, опытом проведения учительских съездов.

На трех из восьми съездов, которые удалось И. Ульянову провести в 1870—1874 годах, принимал участие и Иван Николаевич, в основном как один из помощников инспектора. Так, на съезде 1873 года Николаев в течение четырех дней давал показательные уроки по обучению детей чтению, изучению чисел, “наглядному обучению по картинке”, объяснительному чтению в старшем отделении училищ, а в младшем — организации самостоятельной работы учащихся.

Эти проблемы являлись очень актуальными, ибо каждому учителю приходилось в одной классной комнате одновременно вести уроки с 8—10-летними ребятами первого года обучения и с 11—13-летними, посещающими школу уже второй год. Но жизнь вносила свои коррективы, ибо немало ребят, особенно в сельских училищах, бросали учебу после того, как овладели грамотой и началами арифметики. Другие появлялись в школе в разгар учебного года, и учитель разрешал им посещать занятия.

У самого Ивана Николаевича формально тоже значились два отделения, но на деле он это деление не всегда соблюдал. Инспектор народных училищ В. Г. Зимницкий в связи с этим писал в отчете за 1875 год, представленном И. Ульянову: “Николаев почти постоянно занимается одновременно одним и тем же с обоими отделениями. Изредка только он одному отделению дает самостоятельную работу, а с другим занимается сам. Особенно такая система занятий преобладает у него к

концу года. Николаев говорит, что к концу года перво-годки почти во всем догоняют второгодников и что, следовательно, с ними можно без ущерба делу заниматься вместе одной работой, а главное, по его словам, при отдельных занятиях с каждым отделением можно пройти несравненно меньше, чем при совместном занятии с ними"¹.

Не вполне одобряя проведение Николаевым занятий сразу с двумя отделениями, инспектор Зимницкий в целом высоко отзывался о его педагогическом мастерстве: "Николаев один из лучших учителей начальных училищ Симбирской губернии во всех отношениях. Он весьма хорошо знает свое дело, внимательно следит за всеми улучшениями в области преподавания в начальных школах, обладает хорошими нравственными качествами, с любовью относится к своему делу, обладает хорошим педагогическим тактом и вообще точно и аккуратно исполняет все лежащие на нем обязанности. Ученики привязаны к нему и относятся с полным доверием. В обществе он пользуется уважением и сочувствием... Классная дисциплина весьма хорошая, ученики приучены к внимательности, порядку, чистоте и т. д."².

Одним из слагаемых успеха Ивана Николаевича как учителя было мастерское проведение так называемых предметных уроков, на которых он наглядно знакомил воспитанников с окружающим миром, развивал в них наблюдательность, создавал условия для общего умственного развития. При каждом удобном случае Николаев демонстрировал на уроках различного рода картины, коллекции, модели, часть из которых он изготовлял в летнее вакационное время, при участии ребят и товарищей.

¹ Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1875 гражданский год. — С-к, 1876, с. 93.

² Там же, с. 91.

В 1875 году приходское училище имело карты Европейской России, картины времен года, различных животных и птиц, арифметический ящик, меры емкостей и длины, коллекции монет и растительного царства, модели двух пароходов, локомотива с вагонами, двух ветряных мельниц, разных домов, мебели, земледельческих орудий, ткацкого станка, телеграфный аппарат Морзе, микроскоп и теллурий — прибор для демонстрации вращения Земли и Луны, смены времен года, солнечного и лунного затмений¹.

Несмотря на крайне ограниченные средства, Иван Николаевич в дополнение к училищной библиотеке создал свою собственную, урезая ради нее себя во многом. “Не было, кажется, ни одной педагогической книжки, — вспоминал А. Бубнов, — которую бы он не выписал, не прочитал и не сделал бы о ней сообщения своим товарищам и будущим учителям”². Книгами из библиотеки своего учителя пользовались и его воспитанники.

Иван Николаевич собственных детей не имел, но семью содержал немалую. Кроме жены, Ольги Павловны (урожденная Скалкина), с ним жили его двоюродный брат Александр Федоров, сестра жены, прислуга. Но недвижимого имения он не приобрел и долгие годы скитался вместе со своим училищем, которое сначала располагалось в городском доме на углу Московской и Спасской улиц, потом в частном доме на Лисиной (К. Либкнехта), в городских домах в Овражном переулке и на Набережной Свияги, снова на Лисиной, в доме Щегловой, а затем в частных домах: Левашева — в Бараньей Слободке, Змеева — в Овражном переулке, Беляева — на Покровской улице и Анаксагорова — на Московской.

¹ Отчет о состоянии... за 1875 год, с. 89.

² Отчет о состоянии... за 1905 год, с. 147.

Эти скитания происходили не от хорошей жизни: либо хозяину дома надоедало иметь на своей усадьбе шестьдесят ребят, либо предоставленные комнаты оказывались сырыми и холодными. Но даже там, где училище задерживалось на два-три года, оно было лишено возможности иметь свой сад и огород, мастерские, даже устраивать вентиляцию и санузлы. На необходимость постройки собственного здания для первого мужского приходского училища неоднократно указывал городской думе И. Н. Ульянов, но та, ссылаясь на недостаток средств, продолжала отпускать деньги только на аренду частных домов. Врач И. А. Полозов в связи с этой “экономией” думы отмечал, что за 1878—1888 годы она “переплатила за квартиру около 4 тысяч рублей, между тем как на эти деньги училище могло бы уже давно иметь свой собственный дом”¹.

И в каком бы доме ни квартировал Иван Николаевич, он полностью отдавался делу обучения и воспитания вверенных ему детей, своему училищу. “Но его деятельность простиралась дальше, — писал современник. — Учителя и учительницы здешних приходских школ должны помнить его домашние спектакли и его вечера, на которые сходились почитать и поговорить о школьных делах. На этих вечерах, кроме избранных вещей по общей литературе, читались и обсуждались статьи, большей частью педагогического содержания, велись дебаты, делались заключения. И все это производилось с целью расширить кругозор работников народной школы на пользу той же школы”².

За что бы Иван Николаевич ни брался, он доводил дело до конца, причем все делал тщательно и аккуратно. Несмотря на кажущуюся простоту, иногда доходив-

¹ Журналы заседаний симбирской городской думы за 1888 год. — С-к, 1889, с. 228.

² Отчет о состоянии... за 1905 год, с. 148.

шую до наивности, он в отчетах был всегда правдив и прям. О его настойчивости в достижении намеченной цели ходили легенды. Так, для того чтобы сэкономить деньги, необходимые для приобретения какого-нибудь дорогого пособия, он устраивал для себя “картофельный пост” (ел только картофель с черным хлебом и пил чай). К чужому же горю он был чуток и отзывчив, причем старался помочь всем, чем мог и чем располагал по своим средствам.

Высокое педагогическое мастерство Ивана Николаевича и его доброе отношение к ученикам побуждали даже состоятельных родителей отдавать своих детей не в подготовительный класс гимназии, а в 1-е приходское училище, для того чтобы они безболезненно и с охотой приучались учиться. Так поступил и директор народных училищ И. Н. Ульянов, второй сын которого, Владимир, несколько недель ходил заниматься к питомцу Николаева народному учителю В. А. Калашникову, а затем и к самому его наставнику по 1-му приходскому училищу, размещавшемуся в 1877—78 учебном году в доме Беляева на Покровской улице. Володя приходил к Ивану Николаевичу в училище на короткое время: для того чтобы отчитаться в выполнении домашних заданий и получить новые. Занимался мальчик с охотой и большим интересом. Завершающую же подготовку к вступительным экзаменам в классическую гимназию Владимир Ульянов прошел в 1-м приходском женском училище у одной из лучших учительниц города Веры Павловны Ушаковой (Прушакевич).

Важным рубежом в жизни И. Николаева стал перевод его училища в 1883 году в просторное и светлое здание городской управы, возле Карамзинского садика. В этом же году директор народных училищ И. Ульянов вручил ему серебряную медаль на Александровской

ленте с надписью “За усердие”, для ношения на груди, которая за 20-летние труды по народному образованию была пожалована по “высочайшему повелению”¹.

Через пять лет соратник покойного Ильи Николаевича А. И. Алатырцев предложил городской думе увеличить содержание учителя И. Н. Николаева до 600 рублей в год и ассигновать еще 100 рублей на памятный подарок. В торжественный день 25-летнего служения юбиляра старейшему училищу Симбирска Алатырцев от имени городских властей поднес ему золотые часы с гравировкой.

Иван Николаевич был очень тронут высокой оценкой своего труда, но как истый бессребреник, желая и после ухода на покой чем-то способствовать процветанию своего любимого детища, попросил зачитать на заседании думы 27 декабря 1890 года свое обширнейшее благодарственное письмо, заканчивавшееся примечательными строками:

“После своей смерти я жертвую собственную библиотеку, состоящую из отделов: учительского, учебного и учебных пособий в Симбирское 1-е мужское приходское училище с тем условием, чтобы библиотека эта была неотъемлемой собственностью училища и ни в какие другие руки и учреждения передаваема не была. Точно так же и поднесенный мне симбирским обществом подарок — золотые часы с обозначением на них моего имени жертвую 1-му мужскому училищу с тем, чтобы они как знак моей любви и привязанности к этому учебному заведению и как знак внимания симбирского городского общества к многолетним трудам учителя, были сохраняемы в училище или же вручены в собственность тому учителю, который потрудится над делами народного образования в Симбирском 1-м мужском училище столько же, сколько и я, то есть 25 лет.

В случае закрытия 1-го мужского училища жертвемые библиотеку и часы причислить на тех же условиях

¹ ГАУО, ф. 99, оп. 2, д. 554, л. 43.

во 2-е мужское училище, если закроется это последнее, перечислить в 3-е и т. д. по времени открытия училищ". Дума, принявшая пожертвование, постановила выразить учителю И. Н. Николаеву свою благодарность.

С годами Иван Николаевич, как и другие опытные учителя Симбирска, вошедшие в историю народного образования как "учителя-ульяновцы", добился того, что только один из десяти его воспитанников ограничивался начальным образованием, подавляющее же большинство поступали в ремесленные, городское (с шестилетним сроком обучения) училища, а некоторые — и в классическую гимназию¹. Его родное 1-е приходское училище по существу превратилось в образцовое для губернского города. Именно поэтому в 1896 году здесь была открыта библиотека дирекции народных училищ губернии, которая размещалась в одной из комнат... квартиры И. Николаева.

В начале XX века Иван Николаевич начал прихварывать и ему стало трудно заниматься. Но близким он твердо заявил, что только полное бессилие или смерть заставят его бросить любимое дело, которому он посвятил всю свою жизнь и все свои помыслы. И действительно, 20 декабря 1905 года Иван Николаевич распустил своих учеников на рождественские каникулы, а через неделю умер.

"Над гробом усопшего, — говорилось в некрологе, — произнес прощальное слово директор народных училищ Иван Владимирович Ишерский. Плакал оратор, плакали и присутствующие". Но светлая память о прекрасном народном учителе, научившем грамоте не только детей своих первых учеников, но даже и внуков их, осталась у многих симбирян. Хочется надеяться, что этот очерк побудит их заглянуть в семейные альбомы, где, может, сохранилась фотография И. Н. Николаева. Она стала бы музейным экспонатом.

¹ ГАУО, ф. 932, оп. 1, д. 184, л. 31.

СИМБИРСКИЙ ДИОГЕН (Странная, но героическая личность)

Большинство героев знаменитой поэмы “Губернская фотография” обрисованы Дмитрием Минаевым с едким сарказмом. Но в этой сатире на симбирское общество начала 1860-х годов встречаются и доброжелательные строки:

Где наш “казак”, беглец из Спарты,
Плывет, как рыба, вдоль реки...

Фамилия героя не названа, но многие симбиряне знали, что поэт вел речь об атлетически сложенном искусном наезднике и прекрасном пловце, купающемся в Свияге до глубокой осени, ведущем уединенный аскетический спартанский образ жизни, Михаиле Васильевиче Лебедеве. Но об этом мелком чиновнике, служившем в губернском правлении, уже тогда, на рубеже 1850—1860-х годов, начали слагаться анекдотические рассказы относительно его биографии и странного образа жизни.

Любителей посудачить ввело в заблуждение указание поэта-сатирика, что Лебедев — “казак”, и в ряде легенд, проникших впоследствии на страницы печати, утвердилась мысль, что Михаил Васильевич в молодости где-то был казачьим офицером, богатым человеком, но, в силу каких-то обстоятельств, ушел в отставку, поселился в Симбирске, обзавелся на Мартыновой улице (ныне Радищева) крохотным деревянным домиком и стал жить там отшельником: два окна, выходившие на улицу, зачастую были закрыты тяжелыми ставнями, у себя никого не принимал и сам себя всем обслуживал. Даже зимой из трубы редко поднимался жиденький дымок. Никаких домашних животных в доме не было.

Обыватели, завидев Лебедева, одетого в старомодную ветхую темно-синюю на вате шинель с пелериной и суконный картуз, так перемывали его косточки, что он стал одной из достопримечательностей города, а когда он стал стариком, гимназисты не упускали случая и поиздеваться над ним, называя его между собой “Силой Ерофеевичем”.

Аполлон Коринфский, соученик Владимира Ульянова по младшим классам и будущий известный поэт и этнограф, вспоминал со стыдом о проделках ребят, в которых в 1880-х годах и сам участвовал — бросали в Лебедева снегом, дергали за полы пальто. “Однажды дошло до того, — продолжал свою исповедь Коринфский, — что меня (в числе других) вызвал директор гимназии (Ф. М. Керенский. — Ж. Т.) для “объяснений” в приемную, где все мы увидели нашего приятеля “Силу Ерофеевича”, но уже не в допотопном бурнуке, а в каком-то форменном сюртуке с несколькими мелкими (но тогда показавшимися нам очень крупными) орденами на груди. “Объяснение” вышло довольно комичным: директор прочел малышам отеческое наставление о почитании старших и, вежливенько выпроводив возмущенного старика из приемной, посоветовал нам прочесть большинству из нас незнакомые “Мертвые души” и обратить внимание на бессмертный тип Плюшкина”.

И только четверть века спустя, будучи уже известным литератором, Коринфский написал покаянный доброжелательный очерк о М. В. Лебедеве, озаглавив его “Подвиг (провинциальная несказка)”, в котором высоко оценил его жертвенность: “Оказалось, что этот удивительный человек посвятил более 40 лет на то, чтобы своей, отданной на всеобщее посмеище, жизнью создать **памятник единоличному почину** в деле общественного служения родному краю. Человек этот отрекся от самого себя, — убил все свои личные потребности, забыл о своих удобствах... Он превратился в Плюшкина”.

Но из “ничего” он собрал более 70 тысяч рублей и принес в дар родному городу на создание ремесленного училища, и оно давно уже успешно существует, подчеркнул в заключение поэт.

Обывательская молва многое искажала и преувеличивала. Во-первых, Лебедев никогда не был казачьим офицером и богатым человеком. Кстати, Дмитрий Минаев в двустиишии о Михаиле Васильевиче не случайно “закавычил” слово “казак”: он-то знал, что Лебедев является уроженцем Симбирска и кличку “казак” приобрел в молодости за лихую джигитовку и отвагу. А, во-вторых, он коренной симбирянин.

Ознакомление с личным делом М. В. Лебедева показало, что он родился в Симбирске в 1821 году, в семье дворянина. С учебой в мужской гимназии у него по каким-то причинам не получилось и, будучи учеником 5-го класса, он покинул ее. С 1840 года трудолюбивый и исполнительный юноша, обладавший каллиграфическим почерком, был принят на службу в канцелярию губернатора писцом 2-го разряда. Даже для состоятельного потомственного дворянина такая должность являлась вполне нормальной и, при благоприятных обстоятельствах, обеспечивала дальнейшую карьеру среднего чиновника.

Однако Михаил Васильевич по складу своего характера больше тяготел к творческой и созидательной работе, в частности, к черчению и рисованию, и перешел из престижной канцелярии в строительную комиссию, где с годами получил должность помощника “искусственного стола”, а затем — “архитектурного помощника” этого же “стола”¹.

Из его формулярного списка о службе видно, что как чиновник он вполне исправно получал за выслугу лет чины (коллежского регистратора, губернского

¹ ГАУО, ф. 45, оп. 3, д. 45, л. 27.

секретаря, коллежского асессора и титулярного советника) и награды (бронзовую медаль в память войны 1853—1856 годов, святого Владимира 4-й степени и святой Анны 2-й степени, знак отличия беспорочной службы за 40 лет). Удостоен он был и членскими знаками некоторых российских обществ: серебряным крестом “Общества восстановления христианства на Кавказе”, бронзовым знаком “Императорского Палестинского общества”, серебряным знаком “Общества спасения погибающих на водах”, почетным знаком “Общества Красного Креста”.

Судя по всему, Лебедев пользовался авторитетом у властной верхушки города, если в 1868—1869 годах он занимал пост столонячальника в палате уголовного суда, а с 1879-го вновь служил в канцелярии губернского правления (здесь его, между прочим, мог видеть И. Н. Ульянов). В 1883 году, после 43-летней выслуги, он ушел в отставку, но дома ему не сиделось, и с 1884 года Михаил Васильевич определяется в штат духовной консистории, без жалованья. Через 10 лет, имея уже чин коллежского асессора, он занял место канцеляриста дворянского депутатского собрания и в 1895 году удостоился редкого знака беспорочной службы за 50 лет служения на “классных должностях”.

Эти сведения о чинах и наградах, а также о служении Лебедева в самых престижных учреждениях Симбирска, да еще на протяжении более чем полувека, неопровержимо свидетельствуют, что губернское начальство довольно благосклонно относилось к некоторым его чудачествам и ценило его за опытность и честность. Лебедев жил в крайней степени экономно, но “воспоминания” старожилов, написанные много лет спустя после его смерти, в которых он именуется “синонимом самой омерзительной скупости”, доходившей до того, что он, мол, “питался отбросами: головками воблы и селедок, поднятыми на земле, картофельной шелухой

и другими остатками трактирных кухонь”, собирал на базаре листки капусты и корочки сала, пробовал своей ложкой у торговок молоко и т. п. — это уже сплетни, рождавшиеся среди обывателей за хмельным застольем.

Правда же видна из заявления Михаила Васильевича в симбирскую городскую думу от 28 июня 1893 года, в котором он писал: “Со времени поступления моего на службу в 1840 году, я ревностно желал сделать что-либо для пользы общества. Неусыпными трудами, строго жизнью и ограничением себя во многом, наконец с помощью Божиею, достиг этой задуманной мною цели. В настоящее время, находясь хотя еще в силах, но сознавая свои лета (72 года), близко приближающиеся к упадку сил, к тому, что, не имея вблизи себя родственников, которые могли бы призреть меня в старости, я решился принадлежащий мне капитал, всего на сумму, с продажей моего дома, с садовым местом, по Мартыновой улице, в 66000 рублей с лишком, не оставляя нисколько для себя, пожертвовать на вечные времена, для открытия с Симбирске ремесленного училища для сирот”.

Примечательны и условия, которыми он оговорил свой дар. Училище должно быть открыто без промедления и озаглавлено: “Ремесленное училище, основанное М. В. Лебедевым в 1893 году”. На первое время для училища должен быть приспособлен двухэтажный деревянный дом, принадлежащий городу на Старо-Казанской (ныне Красногвардейской) улице, в котором раньше помещалась 2-я полицейская часть. В программу обучения должны были входить ремесла: сапожное, портняжное и столярное, а также обучение живописи. Для себя же лично Михаил Васильевич просил немного: чтобы его назначили попечителем училища, выдавали бы на содержание 42 рубля в месяц, а когда умрет, чтобы город озаботился его похоронами.

Дар был принят с благодарностью, и городская дума обратилась к начальству с ходатайством о присвоении Лебедеву “звания почетного гражданина гор. Симбирска и о разрешении иметь портреты его в зале думы и в ремесленном училище”. 9 декабря 1893 года “высочайшим повелением” ему было присвоено звание почетного гражданина Симбирска, а министр внутренних дел разрешил постановку его портрета в зале заседаний думы¹.

Что же касается открытия ремесленного училища, то на согласование вопросов о его типе, а также обсуждение в различных инстанциях устава ушло два с лишним года, и торжественное открытие нового учебного заведения состоялось аж 30 сентября 1895 года. Согласно уставу, разработанному гласными городской думы и утвержденному попечителем Казанского учебного округа, Лебедевское училище имело целью предоставление безвозмездного профессионального образования мальчикам — круглым сиротам, преимущественно воспитывавшимся в симбирском детском приюте, а также выпускникам начальных народных училищ.

Штат предусматривал создание четырех групп учащихся (по 8 человек в каждой) в соответствии с четырьмя ремеслами: столярным, сапожным, портняжным и живописью. Сразу замечу, что обучение последней специальности не состоялось, и вместо этого во всех трех группах с 1896 года давались уроки рисования и черчения. Курс обучения был четырехлетним. Все 24 ученика жили при училище на полном пансионе за счет средств Михаила Васильевича².

Учебные программы предусматривали “повторительное” изучение закона Божьего, русского языка и ариф-

¹ ГАУО, ф. 45, оп. 3, д. 45, л. 6.

² Отчет о состоянии начальных народных училищ Симбирской губернии за 1895 год. — С-к, с. 108, 122.

метики. Эти “научные предметы” занимали 8 часов в неделю, а остальные 40 часов отводились основательной подготовке по избранному ремеслу под руководством профессиональных мастеров. Занятия рисованием и пением проводились во внеклассное время. Оборудование и инструменты для училища приобретались самые современные. Так, с самого начала использовались “портняжная швейная машина за 99 рублей”, “сапожная швейная машина за 108 рублей” и “токарный станок за 40 рублей”. Надо принять во внимание, что ни в каком другом ремесленном училище Симбирской губернии сапожно-башмачное ремесло не изучалось.

Устав предусматривал, что лучшие выпускники, при желании открыть свою мастерскую, имели право на получение от городской управы пособия до 50 рублей¹. Но право это практически не использовалось, ибо все они выходили из училища в 15—16-летнем возрасте и обычно поступали на работу в существующие частные мастерские, зарабатывая там от 180 до 350 рублей в год.

Состоя попечителем своего училища, Михаил Васильевич только и жил заботами о нем, отдавая на его улучшение все средства, которые он сэкономил уже из пенсии, что ему выдавалась на жизнь. Вносил он обычно 500 рублей в год. Несмотря на усиливавшееся недомогание, он все-таки ежедневно посещал училище, в сопровождении сторожа. Передовая общественность высоко оценивала его самоотверженное служение на благо города. Известный врач (в свое время лечивший Ульяновых) и гласный думы Иван Сидорович Покровский, выступая в 1898 году на юбилейном заседании городской думы, посвященном 250-летию Симбирска, тепло отметил учреждение Лебедевым ремесленного

¹ Материалы по народному образованию Симбирской губернии. Кн. X. — С-к, 1909, с. 153; *Мартынов П.* Город Симбирск за 250 лет его существования. — С-к, 1898, с. 178.

училища. “Не будет особым преувеличением, если я скажу, — говорил он, — что вся эта жизнь есть непрерывное геройство, с которым я даже сравнивать не могу тот тип геройства, который принято называть этим именем в обыденной жизни: питаться целую жизнь одним черным хлебом и водой, не пить никогда чаю, спиртных напитков, не курить, не иметь семьи — это подвиг несравненно труднее, чем в опасный момент взобраться на неприступный редут, крепость”¹.

Это геройство продолжалось до последнего дня жизни. Вечером 8 сентября 1901 года, как обычно, Михаил Васильевич велел сторожу прийти за ним в 8 часов утра. Тот выполнил распоряжение, но нашел старика — попечителя училища в своей квартире мертвым. На другой же день состоялось заседание городской думы, которая единогласно постановила отнести все расходы по похоронам на свой счет, поставить памятник почетному гражданину на Всехсвятском кладбище (в районе нынешнего Дворца культуры им. Чкалова), а также “установить навсегда служение панихид в день кончины и в день тезоименинства М. В. Лебедева”².

Среди некрологов, посвященных Михаилу Васильевичу, особой теплотой выделяется написанный симбирским поэтом и краеведом Петром Александровым и опубликованный в октябре 1901 года в газете “Волгарь”. В нем, в частности, говорилось: “Рассказы о древнем Диогене обыкновенно считают преувеличенными, но можно сказать, что покойный Лебедев в обстановке жизни сравнился со знаменитым греческим философом, если не превзошел его. Показалось бы невероятным, если б кто стал описывать его жилище, обстановку, костюм, питание и проч. О нем ходят по городу многочис-

¹ Мартынов П. Празднование двухсотпятидесятилетнего юбилея города Симбирска. — С-к, 1899, с. 17.

² Волгарь, 1901, 28 октября.

ленные рассказы, как о человеке небывало скупом — злословию нет границ. Немногие его понимали и всего менее те, для кого он добровольно принимал долгое испытание. Непонятен он был потому, что уж очень был оригинален, не походил на наших обычных жертвователей, наживающих правдою и неправдою миллионы и жертвующие сотни рублей на колокола...”.

Шли годы, а с ними крепла репутация Лебедевского детища и его питомцев. В 1914 году, к 20-летию училища, городские власти построили на Мартыновой улице (где раньше жил его основатель) двухэтажное кирпичное здание (ныне Радищева, 39). Теперь вместо предусмотренных по штату 24 воспитанников здесь обучались 40 с лишним человек.

Даже во время гражданской войны, когда все школы в городе приходили в упадок, Лебедевское училище расширялось, а в его мастерских устанавливались более совершенные станки и оборудование. В 1918 году училище было преобразовано в “Школу квалифицированных рабочих” и в ее двух отделениях — столярном и слесарном — обучались соответственно 34 и 52 человека.

Корреспонденту местной газеты “Пролетарский путь”, побывавшему в июне 1923 года в этой школе, понравилось все: “великолепная механическая мастерская”, изделия учащихся (французские, велосипедные и газовые ключи, садовые секаторы, молотки, циркули, клещи, тиски, ножи для колки сахара, стулья, этажерки, столы и многое другое), но самого-то основателя ремесленного училища М. В. Лебедева журналист представил, как “настоящего гоголевского Плюшкина”. К счастью, в этом репортаже оказалась весьма ценная иллюстрация (на нее мне указала наш опытный библиограф Н. И. Никитина) — линогравюрный портрет М. В. Лебедева.

Впоследствии школа была преобразована в “Техникум трудовой педагогический”, а перед войной там функционировало педагогическое училище, готовившее учителей начальных школ. Со временем здание бывшего Лебедевского училища стало частью швейной фабрики им. М. Горького, а сейчас там помещается 17-е ПТУ, которое готовит швейников для своей фабрики.

В общем-то судьба Лебедевского училища сложилась сравнительно удачно: сотни его высококвалифицированных питомцев несколько десятилетий изготавливали мебель и другие изделия из дерева, шили одежду и тачали обувь, а затем и становились мастерами-наставниками, обучая своему ремеслу тысячи новых специалистов. Главный корпус училища и теперь используется для подготовки мастеров портняжного дела.

Но, право, всем нам, кто любит свой город, станет на душе как-то легче, если будет достойным образом увековечена память о нашем земляке-доброхоте, жизнь которого благодарные современники считали непрерывным подвигом. Эксцентричность же и аскетизм М. В. Лебедева запечатлены в истории сравнением с легендарным Диогеном — древнегреческим философом, жившим в бочке. В первую очередь следовало бы установить на здании ПТУ мемориальную доску с текстом: “В этом здании находилось ремесленное училище, основанное в 1895 году М. В. Лебедевым”. Думается, что этот патриот нашего города достоин и занесения в Золотую книгу почета Ульяновской области.

КОРРЕСПОНДЕНТ ПУЛКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

Великий математик и создатель неэвклидовой геометрии Николай Иванович Лобачевский, будучи помощником попечителя (управляющего) Казанского учебного округа, немало потрудился над созданием в Поволжье метеорологических станций. Обычно эта трудоемкая и кропотливая работа поручалась по совместительству преподавателям физики средних учебных заведений. Например, в 1855 году Н. И. Лобачевский, назначая И. Н. Ульянова старшим учителем Пензенского дворянского института, одновременно заручился его согласием безвозмездно заведовать и метеостанцией¹.

Так было и в Симбирске, где с 1855 года метеонаблюдения производились при мужской гимназии, но в начале 1870-х годов они, по ряду обстоятельств, прекратились. И случилось невероятное: эту эстафету, по собственной инициативе, подхватил только что прибывший в город молодой врач П. М. Козакевич и совершенно бесплатно достойно нес ее около полутора десятка лет, до последнего дня своей жизни.

Что это был за человек, который по зову души безвозмездно отдавал почти все свободное время служению науке? Этот вопрос приобретает особый интерес в связи с созданием коллективом Государственного историко-мемориального заповедника "Родина В. И. Ленина" в нашем городе музея "Симбирская метеорологическая станция"².

Павел Михайлович Козакевич родился 13 декабря 1831 года в с. Выхвостове Черниговской губернии, в

¹ Савин О., Трофимов Ж. И. Н. Ульянов в Пензе. — Саратов, 1973, с. 13.

² Салахова Р. Х. О создании музея "Симбирская метеорологическая станция. — Симбирский вестник, 1993.

семье небогатого чиновника из дворян. Несмотря на материальные лишения, он успешно окончил Новгород-Северскую гимназию и поступил в 1853 году на медицинский факультет Киевского университета. “Еще в гимназии ему пришлось содержать себя, давая уроки, — писал А. А. Кадьян, — во время студенчества бывало так плохо, что он по целым неделям не имел квартиры, живя в Ботаническом саду на открытом воздухе. Приходилось часто бросать занятия и уезжать из Киева на какие-нибудь уроки; этим объясняется, что он окончил курс только в 1863 году, таким образом пробыл студентом 10 лет. К тому же он женился очень рано, студентом, в 1858 году, и к окончанию курса уже имел четырех детей”¹.

Но, будучи выше среднего роста и крепкого телосложения, закаленный в многолетней борьбе за существование, Павел Михайлович уже в студенческую пору проявил необычайное упорство в достижении поставленной цели и незаурядные способности к научной деятельности, и сразу же после окончания учебы был оставлен в университете на службе — помощником прозектора нормальной анатомии. Еще студентом он перевел с немецкого на русский язык “Руководство к физиологии” И. Людвига и сам же издал два выпуска этого труда. С 1867 года в журнале “Современная медицина” стали публиковаться собственные научные статьи П. Козакевича. Кроме того, он руководил практическими занятиями студентов в анатомическом театре и состоял ординатором хирургического отделения в Кирилловской больнице.

Трудно сказать, как удалось старшему врачу симбирской губернской земской больницы Н. Ф. Фененко уговорить Козакевича оставить университетский Киев и переехать в далекий волжский Симбирск, правда, на

¹ Симбирская земская газета, 1885, 15 декабря.

должность заведующего хирургическим отделением больницы. Надо полагать, что Павлу Михайловичу была также твердо обещана возможность продолжить начатые еще в 1868 году в Киеве анатомические исследования черепного и спинного мозгов человека, которые являлись основанием для капитального антропологического труда.

Из отчетов симбирской больницы за 1872—1873 годы видно, что врач П. Козакевич успешно проводил все необходимые операции (боковое камнесечение, вырезание рака нижней губы и груди, отнятие конечностей и т. п.), приобрел и небольшую частную практику, которая вместе с 1000-рублевым годовым жалованьем позволяла ему содержать жену и пятерых детей. Но, наблюдая за показаниями термометра, установленного на южном окне своей квартиры, на солнце, он обратил внимание на то, что в Симбирске “в самое короткое время” происходит переход от максимальной к минимальной температуре суток, что, в свою очередь, оказывает неблагоприятное “сильное влияние на здоровье людей” при столь быстрых переходах от холода к теплу и обратно¹. Эти колебания температур оказывали влияние на жизнь животных и на растительный мир.

Первые два года Павел Михайлович и его родные проводили метеонаблюдения с помощью термометра, установленного на высоте 2,69 метра над поверхностью земли, у окна, обращенного почти прямо на юг, и проверяли главным образом действие солнца на природу. При составлении таблиц метеонаблюдений они указывали степень облачности неба (по 10-бальной шкале), а также другие погодные явления, которые наблюдались без помощи инструментов. 20 мая 1874 года Козакевичи установили на полуметровой высоте дождемер с собирающей поверхностью 275 квадратных сантиметров.

¹ Симбирские губернские ведомости, 1874, 22 июня.

Посылая таблицы своих метеонаблюдений в Главную физическую обсерваторию (Пулковскую), Павел Михайлович выразил готовность вести наблюдения и за барометрическим и гигрометрическим состоянием атмосферы, направлением и силой ветра, если ему пришлют “полную серию метеорологических предметов”. Это пожелание было выполнено поздней осенью 1875 года, когда представитель ГФО забрал инструменты, предназначавшиеся для устройства метеостанции при самарской гимназии, которые лежали там без применения и передал их доктору Козакевичу.

Вот теперь-то, получив приборы, Павел Михайлович оборудовал настоящую метеостанцию, оснащенную 2 барометрами, 4 термометрами (для определения температуры и влажности воздуха), волосяным гигрометром, флюгером, указателем силы ветра, двумя дождемерами, солнечными экваториальными часами (определяющими время с точностью до одной минуты), и другими инструментами и приспособлениями.

Руководствуясь “Инструкцией для метеорологических станций”, разработанной академиком Г. И. Вильдом, Козакевич уже с 1 января 1876 года начал вести наблюдения по ночной программе: трижды в день (в 7 утра, 1 час дня и 9 часов вечера) фиксировать направление и силу ветра, степень облачности неба и направление движения облаков, количество выпавших осадков, температуру и влажность воздуха. В примечаниях полагалось условными знаками отмечать росу, иней, изморозь, гололед, туман, дождь, снег, крупу, град, круг и венец около Солнца, круг и венец около Луны, радугу, грозу, молнию, зарницу, метель и другие явления природы. В конце месяца делалась обработка материала — подсчитывалось число сухих, дождливых, ветренных или снежных дней, выводились средние температуры воздуха, отмечались максимальные температуры, подсчитывалось общее количество осадков и так

далее. Затем выверенные и аккуратно заполненные типографские бланки месячных наблюдений высылались в столичную Главную физическую обсерваторию.

Понятно, что столь сложную работу в одиночку не в состоянии проводить даже свободный от всякой иной службы человек, а ведь Павел Михайлович был врачом, заведующим хирургическим отделением губернской больницы. Поэтому с самого начала его постоянными помощниками по ведению метеонаблюдений являлись жена Софья Григорьевна и старший сын Игорь, а впоследствии к ним подключились остальные дети — Владимир, Сергей, Павел и Софья.

Поддержка родных помогала Павлу Михайловичу справляться с основной работой — главным источником существования большой семьи. Тем не менее, осенью 1875 года, вследствие конфликта, разгоревшегося из-за “всевозможных пошлостей и низостей”, к которым прибегала земская управа, Козакевич в знак протеста, вместе с коллегами Н. Фененко, И. Покровским, П. Германом и Ф. Арнольдовым, покинул больницу. Этот небывалый инцидент оживленно обсуждался не только в Симбирске, но и в Казани, Вятке. А столичный журнал “Современная медицина” (1876, № 12) в сообщении о коллективном выходе врачей в отставку заметил: “Письма из Симбирска полны негодования над обращением земских сановников с врачами. Необходимо упрочить их положение вмешательством правительства”:

Увы, правительство не вмешалось, и Павлу Михайловичу пришлось содержать семью на случайные гонорары... “Такой относительный неуспех среди симбирцев, — вспоминал А. Кадьян, — я приписываю его прямоте, его, так сказать, честности, он и тут считал ненужным кривить душой, приспособляться к больному. Он часто говорил прямо то, что думал, например, указывал на ненужность своих посещений или по не-

значительности болезни (хотя бы пациент был выгодным), или по невозможности помочь больному”¹.

Вот почему, когда в селе Репьевке открылся лазарет Общества Красного Креста и Козакевичу предложили должность старшего врача, он согласился на отъезд и в 1877—1878 годах лечил раненых воинов, прибывших с русско-турецкой войны на Балканах. В середине 1879 года Павел Михайлович был назначен заведующим земским пригородным медицинским участком, охватывавшим пространство в тысячу с лишним квадратных верст с населением (включая и Симбирск) в 53 тысячи человек.

Поразительно, но несмотря на все тяжкие испытания и неурядицы домашняя метеостанция Козакевича также аккуратно и скрупулезно продолжала свою работу, а результаты наблюдений регулярно отправлялись в Пулковскую обсерваторию для использования учеными-климатологами России. Высшей же наградой для Павла Михайловича стали строки из отчета Главной физической обсерватории за 1879 и 1880 годы, принадлежащие перу академика Г. И. Вильда: “Желая выразить господам наблюдателям свою признательность за услуги, оказанные ими науке многолетними и большею частью безвозмездно производимыми метеорологическими наблюдениями, Императорская Академия наук, по моему представлению, утвердила следующие лица корреспондентами Главной физической обсерватории: врача Козакевича в Симбирске...”²

Работу же метеостанции осложняли трудности, связанные с проживанием Козакевичей в частных домах. Наверное не всяких хозяев устраивало изъятие части двора под площадку для приборов, хождения наблюда-

¹ Симбирская земская газета, 1885, 15 декабря.

² Симбирский вестник. — У-к, 1993, с. 186.

телей-квартирантов с фонарями ранним утром и поздним вечером, чем, очевидно, объясняются переезды семьи доктора в октябре 1879, сентябре 1882 и октябре 1885 годов¹.

Павел Михайлович регулярно публиковал данные о количестве выпавших в Симбирске осадков, средних и абсолютных (максимальных и минимальных) температурах воздуха по пентадам (пятидневкам) в "Симбирской земской газете". Его таблицы помогали агрономам в какой-то мере предвидеть метеоусловия в соответственные периоды сельскохозяйственных работ.

Но врач-метеоролог не чурался и злободневных социальных проблем. Так, 17 октября 1882 года в "Симбирской земской газете" он выступил с обличительной статьей "Вымирание населения Симбирска".

"Город Симбирск лежит, как известно, — писал Козакевич, — в плодороднейшей местности Российского Государства, на матушке-кормилице Волге, по которой сплавляют с своей стороны ежегодно почти на миллион рублей хлеба. Этот город пользуется притом и климатом, в котором другие города живут и процветают. Казалось бы, — продолжал он, — поэтому и наш город должен бы жить и процветать. На деле же оказывается совсем не то: оказывается, что г. Симбирск вымирает, и стало быть, вовсе не процветает. Для доказательства этого грустного факта обратимся к сведениям местного статистического комитета. Берем эти сведения за пять лет из "Календарей Симбирской губернии" и "Всеподданейшего отчета начальника Симбирской губернии за 1880 год".

Приведя из этой официальной статистики показатели устойчивого уменьшения численности населения города, Павел Михайлович с грустью делает вывод:

¹ Климатологический справочник СССР. Вып. 12. Ч. 1. — Куйбышев, 1968, с. 191

“При таком порядке Симбирск должен совсем исчезнуть менее чем за 200 лет... Не пора ли, наконец, подумать, кому следует, о вымирании Симбирска и взять против него меры. Ведь в других странах, не в наших, к сожалению, вымирание населения в каком-нибудь месте или даже только большая смертность в нем вызывает тревогу, энергическое изучение причин и соответствующие меры”. (Нетрудно представить, что сказал бы врач, если бы был очевидцем того, что в 1992—1997 годах во всей России происходит вымирание населения).

Ура-патриотам не понравилась эта статья и они со страниц “Симбирской земской газеты” пытались оправдать высокую смертность в городе тем, что в его больнице умирают и не коренные жители. Но правда жизни была видна каждому непредубежденному человеку: народ систематически недоедал, за нищенскую оплату трудился с рассвета до темна, жил в антисанитарных условиях. И глубоко прав был доктор А. Кадьян, который расценивал выступления в печати П. Козакевича как нежелание “приспосабливаться к обстоятельствам” и решимость “твердо проводить в жизнь свои принципы, хотя бы они шли прямо вразрез с выгодами его и его семьи”.

Заботой о создании доступных условий для оздоровления симбирян проникнуто и обращение в 1881 году П. Козакевича и И. Покровского в городскую думу с просьбой сдать им в аренду на 30 лет “Обрезков сад” (на южной окраине). Они обязались благоустроить этот участок и создать там кумысолечебное заведение (по примеру Самары, где доктору Постникову сдали землю под кумысолечебницу на 96 лет!) и выстроить “небольшие барачные домики”. Врач А. М. Сахаров поддержал эту задумку коллег, но дума после ряда проволочек не соизволила дать добро.

Сам же Павел Михайлович, не считаясь ни с какими трудностями, пять лет самоотверженно тянул лямку единственного земского врача-универсала пригородного участка. К несчастью, он заболел воспалением кишок и рожей и скончался 22 сентября 1885 года, в возрасте 53-х лет. В очерке, посвященном благородному образу П. М. Козакевича и зачитанному на собрании Симбирского общества врачей 19 ноября 1885 года, А. Кадьян с полным основанием заявил: "Павел Михайлович умер так, как он родился и жил — бедняком. После него, кроме книг, инструментов и нескольких неоконченных работ, ничего не осталось... Это был человек науки и человек честный".

Глубже и полнее всех это понимала замечательная семья Козакевича, которая свято чтит высокие принципы своего главы. Свидетельство тому — потрясающий факт: жена и дети Павла Михайловича после его смерти неукоснительно продолжали метеонаблюдения на своей станции, внося тем самым вклад в научную сокровищницу Пулковской обсерватории. Примечательно, что академик Г. И. Вильд в отчете ГФО за 1887 и 1888 годы, не ведая о кончине П. М. Козакевича, традиционно высоко оценил его услуги, оказанные "науке многолетними и большею частью безвозмездно производимыми метеорологическими наблюдениями", за которые Академия наук вновь утвердила его корреспондентом Главной физической обсерватории.

Материальные затруднения вынудили младшего из сыновей, Павла Козакевича, овладевать курсом старших классов дома и сдавать испытания зрелости в симбирской классической гимназии в 1886 году (без древних языков) экстерном¹. И тем не менее, в 1889 году Софья Григорьевна Козакевич передала Карамзинской общественной библиотеке безвозмездно 110 томов из книжного собрания покойного мужа. Большая часть

¹ ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 550, л. 92.

этого дара — справочные издания по метеорологии, годовые отчеты Пулковской обсерватории, медицинская литература на русском и немецком языках, справочники о курортах Кавказских минеральных вод, Астраханских грязелечебниц, курорте Карлсбад. Другая часть дара Козакевич состояла из философских трудов Вс. Соловьева, А. Шопенгауэра, сочинений Д. Фонвизина, А. Грибоедова, Э. Золя, Б. Гарта, А. Прилежаева, Д. Мамина-Сибиряка, то есть из книг, рассчитанных на широкого читателя¹.

В том же 1889 году Козакевичи покинули Симбирск и нам неизвестна их дальнейшая судьба. Но добрая память о Павле Михайловиче и его родных, которые почти два десятилетия подвижнически несли метеовахту и своим бескорыстным и самоотверженным трудом способствовали развитию отечественной службы погоды, навсегда сохранится в летописях метеорологии. Увековечению их памяти будет способствовать создаваемый усилиями сотрудников Государственного историко-мемориального заповедника “Родина В. И. Ленина” музей “Симбирская метеорологическая станция”.

Такие экспонаты, как таблицы метеонаблюдений, составленные Павлом Михайловичем и его родными, в наши дни совершенно необходимы при долгосрочном прогнозировании погоды. Мне же, как автору книг о гимназических годах В. И. Ленина, еще в 1970-х годах тоже приходилось знакомиться с ними в архиве Приволжского управления гидрометеорологической службы в Куйбышеве, чтобы выяснить, какая была погода в Симбирске в те или иные рубежные для Ульяновых дни. Скажем, 16 (28) августа 1879 года, когда Володя пошел в 1-й класс классической гимназии, или 26—27 июня 1887 года, когда он с матерью и сестрой Ольгой покидал свой родной город...

¹ Хронологический каталог Карамзинской общественной библиотеки, № 13296—13351, 13705—13758.

КЕРЕНСКИЕ И УЛЬЯНОВЫ

В мае 1917 года в популярном столичном еженедельнике “Нива” появился биографический очерк об Александре Федоровиче Керенском, военном министре Временного правительства. Уже начало его жизненного пути в изложении репортера выглядело сенсационно:

“Он родился на Волге, в г. Симбирске, в памятный для России 1881 год. Отец его, Федор Михайлович, был директором Симбирской гимназии... Первые детские воспоминания А. Ф. Керенского, тогда шестилетнего ребенка, — это, по его словам, смутные воспоминания о тихом ужасе, охватившем Симбирск, когда там узнали о казни сына местного директора народных училищ, студента Александра Ульянова (родного брата нашего “пломбированного” Н. Ленина) за участие его в попытке последних народовольцев казнить (1 марта 1887 года) царя Александра III, тогда уже окончательно придавившего слоновьей тяжестью своего самодержавия несчастную Россию”¹.

Как и следовало ожидать, заявление, призванное убедить общество в столь раннем (с шестилетнего возраста!) становлении демократических взглядов Керенского и сообщение о его, так сказать, соседствовавшем с Ульяновыми детстве, произвели должный эффект и придали входившему в апогей славы Александру Федоровичу, возглавившему правительство, романтический ореол. Многих читателей, конечно, заинтересовало и то, что к тому же отец министра-председателя, Федор Михайлович, был директором мужской гимназии во время учения в ней Александра и Владимира Ульяновых.

¹ Нива, 1917, № 19, 13 мая, с. 287.

Владимир Ильич, как известно, не успел написать ни своей автобиографии, ни мемуаров, но сохранившиеся в архивах гимназический аттестат, удостоверявший награждение его золотой медалью, и выпускная характеристика, подписанная Ф. Керенским и 14-ю членами педагогического совета, благодаря поволжским краоведам, получили широкую огласку. Естественно, что вокруг этих и некоторых других документов, касающихся школьной учебы братьев Ульяновых в Симбирске, возникли самые различные пересуды. Поэтому вскоре после кончины Ленина его старшая сестра Анна Ильинична в своих "Воспоминаниях об Ильиче", публиковавшихся в журналах "Молодой большевик", "Молодая гвардия" и "Пролетарская революция" в 1924 году, сочла необходимым остановиться на личности директора Ф. М. Керенского.

Со свойственной ей объективностью Анна Ильинична в этих очерках, а также в "Воспоминаниях об Александре Ильиче Ульянове" (1927 г.) дала негативную оценку учебно-воспитательному поцессу в симбирской гимназии, типичной для России 1870—1880-х годов. Что касается лично Федора Михайловича, то она с признательностью упомянула о проявленной им и другими преподавателями лояльности по отношению к брату казненного Александра Ульянова: "... Керенский очень ценил Владимира Ильича, относился очень хорошо к умершему за год перед тем отцу его, Илье Николаевичу" и, желая помочь "талантливому ученику", направил на него "добронравную" характеристику в Казанский университет¹.

В последующие десятилетия тема "Керенские и Ульяновы" множество раз обыгрывалась в публицистической и художественной литературе, кино и театре. И чем дальше, тем больше в "неожиданное сплетение

¹ Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. — М., 1988, с. 188.

человеческих судеб” привносилось небылиц и элементарных искажений истории авторами — любителями “жареных фактов”.

Казалось, что бывший премьер Временного правительства, долгое время трудившийся в США над своими мемуарами, внесет ясность и в свою родословную, и в отношения родителей в Симбирске с семьей Ульяновых, и в деятельность отца на посту директора классической гимназии. Такую попытку экс-премьер действительно предпринял в фундаментальных воспоминаниях “Россия на историческом повороте”, изданных в 1966 году в Соединенных Штатах и перепечатанных в 1990—1991 годах в московском журнале “Вопросы истории”, начав их с истоков собственной биографии: “Отец мой, Федор Михайлович Керенский, был директором мужской гимназии и средней школы для девочек. Карьера его сложилась отнюдь не ordinarily. Он родился в 1842 году в семье бедного приходского священника Керенского уезда Пензенской губернии”. Далее говорится, что после окончания “особой школы для детей священнослужителей” Федор Керенский поступил в Пензенскую духовную семинарию. “Подобно многим из своих братьев, которым предстояло посвятить себя церкви, он не чувствовал подлинного призвания к этому поприщу и вместо того, чтобы пойти по стопам отца, всем сердцем отдался изучению истории и классической филологии”¹. Однако нужда заставила его стать учителем в приходской школе, и только после того как “в результате изнурительного труда он сумел накопить достаточно денег, поступил в Казанский университет”.

Впоследствии, по словам мемуариста, его отец “в возрасте 30 лет получил назначение на пост инспектора средней школы, а в 37 лет стал директором школы в

¹ Вопросы истории, 1990, № 6, с. 116.

Вятке. Двумя годами позже он возглавил мужскую гимназию и среднюю школу для девочек в Симбирске". Что касается своей матери, то Александр Федорович, не назвав даже ее имени, отчества и девичьей фамилии, не указав ни года, ни места рождения, упомянул лишь, что она — "дочь начальника топографического отделения при штабе Казанского военного округа, а по материнской линии — внучка крепостного крестьянина, который, выкупившись на свободу, стал в Москве процветающим купцом. От него мать унаследовала значительное состояние". С Федором Михайловичем она познакомилась в Казани, будучи "одной из его учениц"¹.

Трудно сказать, почему, но факт остается фактом, что мемуарист, имевший под руками и справочную литературу, немало напутал в биографии своего отца и почти ничего не сказал о матери. При работе в госархивах Пензы, Казани и Ульяновска мне удалось выявить документы, позволяющие полнее и точнее осветить основные вехи жизни родителей экс-премьера, а также характер их отношений с семьей Ульяновых.

Замечу, что Федор Михайлович родился не в Керенском уезде, а в селе Керенки Городищенского уезда Пензенской губернии, не в семье священника, а — дьякона, и не в 1842, а 1837 году². К духовному сословию принадлежали и родственники его родителей — Кургановы, Гусевы и другие.

По семейной традиции, вслед за старшими братьями Григорием и Александром, Федор Керенский был помещен отцом не в какую-то абстрактную "особую школу для детей священнослужителей", а в Пензенское духовное уездное училище, где в 1846—1852 годах обучался катехизису, священной истории, русской словесности, латинской и греческой грамматикам, всеобщей

¹ Вопросы истории, 1990, № 6, с. 116.

² Симбирские епархиальные ведомости, 1897, № 12, с. 492.

и русской географии, арифметике, церковному уставу и нотному пению. В последующие 6 лет мальчик учился в Пензенской духовной семинарии, постигая там богословие, философию, словесность, физико-математические науки, церковную и гражданскую историю, латинский, французский и еврейский языки.

Братья Григорий и Александр после выпуска из семинарии были определены священниками в Пензенскую и Симбирскую епархии, а он, закончив летом 1862 года духовное образование, с осени следующего года начал службу в качестве учителя географии, арифметики и славянской грамматики в Нижнеломовском духовном уездном училище. Еще через четыре года, весной 1863 года, Федор Михайлович в том же училище удостоился места второго учителя греческого языка, священной и русской истории¹.

Казалось бы, после 17-летнего пребывания в духовных учебных заведениях если что и могло изменить его судьбу, то только поступление в духовную академию, или принятие сана приходского священника. Однако в июле того же, 1863 года, надо полагать, к изумлению родных, Федор Керенский принимает неординарное решение: уйти из духовного ведомства и стать учителем русского языка в каком-нибудь училище Министерства народного просвещения. Осуществление этого замысла было возможно лишь после сдачи испытания по русскому языку комиссии гимназических преподавателей. Попечитель Казанского учебного округа допустил Федора Михайловича к такому испытанию, и его принимали коллеги И. Н. Ульянова по Пензе (сам Илья Николаевич в это время переезжал на службу в Нижний Новгород). После благополучного исхода экзамена он был исключен из духовного звания и определен учите-

¹ Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. 81, оп. 1, д. 664, л. 1.

лем русского языка в Наровчатское уездное училище родной Пензенской губернии. Здесь Ф. Керенский прослужил два года (без особо “изнурительного труда”, но и не накопив “достаточно денег”) и вновь, неожиданно для окружающих, аж на 28-м году жизни, становится своекоштным студентом историко-филологического факультета Казанского университета. Закончил же его успешно в 1869 году, со степенью кандидата¹. Нетрудно подсчитать, что со студенческой скамьи он расстался 32 лет и, следовательно, указания сына-мемуариста, будто бы отец 30-ти лет стал “инспектором средней школы”, — очередная неточность.

Руководство учебного округа отметило способного и исполнительного выпускника университета назначением на должность преподавателя русской словесности в престижную императорскую 1-ю казанскую классическую гимназию. Показателем благорасположения начальства было и то, что Керенскому доверили также уроки педагогики и словесности в Родионовском институте благородных девиц и мариинской женской гимназии (а не в “средней школе для девочек”, как это представлялось его старшему сыну).

В 1874 году преуспевающий преподаватель женился на только что окончившей мариинскую гимназию золотой медалистке Надежде Александровне Адлер, 20-летней дочери подполковника-топографа, московской уроженке, немке по национальности. В том же памятном году Федор Михайлович удостоился должности инспектора 1-й гимназии. Немаловажное значение для столь быстрого и почетного повышения сыграло то обстоятельство, что он успел получить официальное право на преподавание латыни — одного из главных

¹ Тема его диссертации: “Вопрос о связи русских отреченных верований и в особенности астрологических с такими же верованиями других народов и с календарем Брюса”.

предметов. А через три года служебное усердие Керенского было вознаграждено определением на пост директора Вятской классической гимназии и одновременно председателя педсовета тамошней мариинской женской гимназии.

Довольно скоро, в 1878 году, министр народного просвещения граф Д. А. Толстой провел ревизию вятских гимназий, возглавлявшихся преуспевающим новым директором, и остался доволен его деятельностью. Федор Михайлович не преминул воспользоваться хорошим настроением грозного министра и обратился к нему с покорнейшей просьбой о переводе в одну из приволжских гимназий. Министр пообещал исполнить это желание и 24 марта 1879 года подписал приказ о назначении его директором классической гимназии в Симбирске. Прибыл же Ф. Керенский в город на Волге летом и поселился с женой и тремя дочками — Надеждой, Еленой и Анной (соответственно 1875, 1877 и 1879 годов рождения) а казенной пятикомнатной квартире, находившейся в северо-западном углу первого этажа учебного корпуса гимназии. Здесь родятся его сыновья: 22 апреля 1881 года — Александр, а 17 июня 1883 года — Федор¹.

Кстати, Александр Федорович сохранил в памяти несколько “идиллических картин” своего раннего детства, связанных с жизнью в гимназическом корпусе. “Длинный коридор делил наш дом надвое, — писал он в мемуарах 1966 года, — на мир взрослых и мир детей. Воспитанием двух старших сестер, которые посещали среднюю школу (мариинскую гимназию. — Ж. Т), занималась гувернантка — француженка. Младшие же дети были отданы на попечение няни, Екатерины Сергеевны Сучковой. В детстве она была крепостной и не научилась грамоте... Она будила нас утром, одевала, корми-

¹ ЦГА Узбекской ССР, ф. 47, оп. 1, д. 2551, л. 5.

ла, водила на прогулку, играла с нами... Перед сном рассказывала нам какую-нибудь сказку... В наших повседневных детских занятиях и играх мать была значительно ближе к нам, чем отец. Отец никогда не вмешивался в жизнь нашей детской”¹.

Не стерлись и воспоминания о прогулках по длинному и крутому спуску к берегу Волги. “На полпути к реке стояла скромная церквушка, к которой приткнулось маленькое чистенькое кладбище. Вокруг этой церкви раскинулся пышный сад. Священник церкви был старший брат моего отца, — писал А. Керенский. — Нас водили к нему ранней весной в пору цветения яблонь и вишен, или осенью по возвращении из деревни, когда варили чудесное яблочное и грушевое варенье... Сравнивая непритязательный прицерковный домик с нашим просторным домом, мы, дети, чувствовали эту разницу и делали свои собственные выводы”².

Документы свидетельствуют, что священником старинной Смоленской церкви (ее зарисовку в 1833 году сделал А. С. Пушкин) с 1881 года, действительно, являлся Александр Михайлович Керенский, по совместительству исполнявший обязанности законоучителя 3-го приходского училища (подведомственного И. Н. Ульянову). По отзывам современников, это был кроткого нрава, добросердечный и отзывчивый к нуждам других человек³. Может быть из-за своей скромности он не так уж часто навещался к брату — директору гимназии с генеральским званием. Во всяком случае его тезка племянник пишет о посещениях их квартиры другим священником: “Я до сих пор помню старого протоиерея нашего кафедрального собора (П. И. Юстинова, законоучителя гимназии. — Ж. Т.), который приходил по воскресеньям к нам к чаю и давал мне читать

¹ Вопросы истории, 1990, № 6, с. 118.

² Там же, с. 121.

³ Симбирские епархиальные ведомости, 1912, № 21, с. 823.

популярные религиозные брошюрки с толкованием важнейших религиозных праздников”¹.

Кроме этих двух церковнослужителей в мемуарах экспремьера упоминается еще одно конкретное лицо — дочь начальника губернского жандармского управления генерал-майора П. М. Бадке Соня, которую приводили к Керенским на уроки танцев.

Соня и Оля... Как созвучны и схожи по написанию эти имена. Не в этом ли причина утверждения киевского профессора В. Кудина, появившегося в “Аргументах и фактах” (1988, № 45, 5—11 ноября), о том, что “Керенский-младший был хорошо знаком с семьей Ульяновых, ближе всего знал младшую сестру Ленина Ольгу, о которой упоминает в дневниках”.

Эта версия была подхвачена другими любителями сенсаций и дополнена подробностями, будто бы “у Керенского в вещах сохранился портрет младшей сестры Владимира Ильича Ольги Ульяновой”².

Однако сам Александр Федорович в своих мемуарах и интервью не заявлял о том, что был “хорошо знаком с семьей Ульяновых” вообще и с Ольгой, в частности. Он, конечно, мог помнить, что, когда ему было 3—4 года, родители обменивались традиционными для людей одного положения визитами с семьей директора народных училищ Симбирской губернии в пасхальные и рождественские праздники. Во время какого-то из них Ольга Ульянова могла угостить его сладостями, поинтересоваться игрушками. Только таким и могло быть знакомство четырехлетнего Саши с 14-летней Ольгой. После же кончины Ильи Николаевича (12 января 1886 года) Ульяновы и Керенские не обменивались и такими визитами вежливости.

¹ Вопросы истории, 1990, № 6, с. 119.

² Литературная газета, 1990, 30 мая.

Нелишне напомнить авторам, стремящимся удивить миллионы читателей еженедельников “Аргументы и факты” и “Неделя” якобы “неожиданными сплетениями человеческих судеб”, вроде близкого знакомства Саши Керенского с семьей Ульяновых, что в конце 1886 года симбирские врачи констатировали у него опаснейший характер заболевания правой ноги — туберкулез бедренной кости. Родители возили его по заледеневшей Волге в закрытом возке на лечение в Казань, где по указанию профессора Студенского был изготовлен тяжелый “кованный сапог” на больную ногу, и мальчик лежал дома в специальной кровати целых полгода, то есть до лета 1887 года¹.

Вряд ли в эту пору директор гимназии и его жена могли специально рассказывать своему шестилетнему тяжело больному сыну об аресте и казни Александра Ульянова за участие в попытке покушения на царя. Вероятнее всего об отражении этого дела в Симбирске он мог что-то случайно слышать в более позднее время.

Небезынтересно в связи с этим припомнить заявление А. Ф. Керенского в интервью 1917 года еженедельнику “Нива” о том, что первыми его “товарищами детских игр” в Симбирске были “дети трудового народа, оставленные царем Александром III за порогом гимназии”.

— Мужики, а туда же лезут учиться в гимназию, — сказал царь в 1887 году, когда ему доложили, что один из политических был репетитором крестьянского сына, учившегося в гимназии. И царский холоп, тогдашний министр народного просвещения, вернее народного затемнения, граф Делянов, запретил принимать в гимназии крестьянских и мещанских детей, — “кухаркиных детей”. Вот какие “первых дней” уроки дал “батюшка-царь” своему маленькому “поданному”

¹ Вопросы истории, 1990, № 6, с. 121.

А. Ф. Керенскому. Совсем другие уроки давала ему матушка-Волга”¹.

Даже если допустить, что няня оставляла на какие-то минуты директорских сыновей погулять в гимназическом дворе, обнесенном забором, то и в этом случае они могли там общаться не с детьми “трудового народа”, а только с пансионерами, резвившимися под неусыпной опекой надзирателей. Что же касается дяляновского циркуляра о “кухаркиных детях”, то в Симбирске его предворял в жизнь никто иной, как... Ф. М. Керенский.

Уже в отчете за 1887 год он подчеркивал, что отклонил 5 прошений о приеме детей в первый класс гимназии из-за “крайней бедности” их родителей, которые “по своему социальному и экономическому положению не представляются надежными в надзоре за детьми”. В результате предпринятых Федором Михайловичем мер резко снизился прием в подготовительный и первый классы: если в 1886 году было зачислено 72, то в 1887-м — только 24 мальчика, то есть в три раза меньше!² И в характеристиках на выпускников 1887 года (Ф. Пугалина, П. Шипакина — соучеников В. Ульянова) директор указывал, что эти сыновья “людей бедных” из-за недостатка средств “едва ли в состоянии будут пройти университетский курс”³.

Если бы Александр Федорович знал, что в Симбирске циркуляр о “кухаркиных детях” исполнял неукоснительно его отец, то вряд ли затронул бы эту проблему в мемуарах. И, конечно, о самом циркуляре он узнал не в шести-семилетнем возрасте и мог размышлять о нем гораздо позже.

Впрочем, в воспоминаниях А. Ф. Керенского есть и другие сюжеты, освещение которых ведется не по фак-

¹ Нива, 1917, № 9, 13 мая, с. 288.

² ГАУО, ф. 101, оп. 1, д. 540, л. 23.

³ Трофимов Ж. Гимназист Владимир Ульянов, с. 170.

там, запечатленным памятью мальчика-дошкольника, а уже с высоты прожитых лет. Так, подчеркивая, что еще в симбирскую пору “религия была и навсегда осталась составной частью жизни” их семьи, Александр Федорович продолжает рассказ с позиций взрослого интеллигента: “Конечно, в религиозной вере была и другая сторона, официальная, казенную сущность которой выражал Священный синод — бездушный бюрократический институт. Своей борьбой с инакомыслием, своим бездушным отношением к нуждам людей он лишь укреплял позиции атеизма”¹.

Сравнивая Симбирск с Ташкентом, где прошли его школьные годы, мемуарист с удовлетворением отмечал, что в Средней Азии “не было сословия дворян, вздыхавших по ушедшим временам крепостного права, не сказались и нищета разоренных крестьян. Не ведал Туркестан и нелепой государственной политики, сохранявшей неграмотность сельского населения, пагубных запретов детям “низшего сословия” посещать школы, подавления любых проявлений свободомыслия в учебных заведениях, в печати, гонений против общественных организаций”².

Здесь налицо явная идеализация социально-экономической обстановки на окраинах империи, с точки зрения взрослого, с устоявшимися политическими взглядами человека, в прошлом — сына крупного государственного чиновника. Заметна она и в заявлении: “между 1880 и 1890 годами большинство русских учащихся относилось к школе (гимназии. — Ж. Т.) либо со скукой, либо даже с ненавистью, но только не в Туркестане. Нас не пичкали бездушными формальными догмами, как это было в европейской России”³. Ведь

¹ Вопросы истории, 1990, № 6, с. 119.

² Там же, с. 124.

³ Там же, с. 125.

широко известно, что в эпоху первой русской революции и в Ташкенте молодежь открыто выступала против “формальных догм”, насаждавшихся учебным начальством. И опять-таки мемуарист не допускает и мысли о том, что в становлении “скуки и даже ненависти” к классической школе свою лепту внес Ф. М. Керенский, особенно когда директорствовал в Симбирске.

Более того, сам-то Александр Федорович убежден, что его отец обладал “замечательным педагогическим талантом”¹. Эту же мысль он вложил в уста ректора петербургского университета, который, отчитывая его за произнесение речи во время студенческих волнений, заявил ему: “Не будь вы сыном столь уважаемого человека, как ваш отец, внесший такой большой вклад в служение стране, я немедленно выгнал бы вас из университета. Предлагаю вам взять отпуск и пожить некоторое время с семьей”².

В наши дни некоторые историки тоже высоко отзываются о Ф. М. Керенском. Так, Г. Иоффе называет его “интеллигентом-демократом”, для которого главная цель жизни (как и для его коллеги и “добротного знакомого” И. Н. Ульянова) — служение народу на ниве народного просвещения. “В судьбе семьи Ульяновых, — продолжает Иоффе, — после смерти ее главы и страшной казни старшего сына — народовольца Александра — Федор Михайлович, не убоившись отчуждения и враждебности симбирской “общественности”, принял горячее участие”³. К сожалению, этот лестный отзыв, как и мнение ульяновца Д. Точеного, полагающего, что Ф. М. Керенский был другом И. Н. Ульянова и обладал различными “хорошими человеческими чертами”, — ничем не подкрепляется⁴.

¹ Вопросы истории, 1990, № 6, с. 117.

² Там же, с. 130.

³ Лидер. — М., 1990, № 10, с. 34.

⁴ Симбирский курьер. 1992. 21 апреля.

Но известно и другое: некоторые питомцы симбирской классической гимназии в своих воспоминаниях, опубликованных в 1905—1910-х годах, дали уничижительные оценки бывшим учителям и наставникам, всему гимназическому укладу. Сохранились нелестные высказывания и педагогов о Ф. М. Керенском как директоре, преподавателе и человеке.

Обе эти точки зрения имеют право на существование, ибо Федор Михайлович был неординарной и противоречивой личностью и только тщательный анализ документов о его служебной деятельности поможет высветить его истинный образ.

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ А. А. ЗНАМЕНСКОЙ

О героине этого очерка — энергичной просветительнице и необыкновенной доброхотке — с похвалой писали в симбирских изданиях конца XIX — начале XX веков. Но в годы первой революции за связь с левыми эсерами Александра Александровна попала в тюрьму, а затем оказалась в вынужденной эмиграции. В 1918 году, будучи сторонницей плехановского “Единства”, она осуждала разгон Учредительного собрания, заключение Брестского мира с Германией и вообще была противницей большевиков. С победой советской власти в гражданской войне Знаменская стала лояльно относиться к ней и до конца жизни работала рядовым библиотекарем.

Казалось бы советские краеведы должны были акцентировать свое внимание не на ее столкновениях с царизмом, а затем и Советами, а на изучении и пропаганде большого вклада Знаменской в образование и культуру нашего края. Однако в 1930—1970-х годах апологеты сталинского “Краткого курса истории ВКП(б)”, игнорируя заслуги просветительницы, всячески выпячивали неприятие Знаменской Октябрьской революции и превратили ее в какую-то одиозную личность. Историков, которые при освещении подвижнической деятельности Знаменской в дооктябрьскую эпоху не касались ее поведения в 1918 году, шельмовали, обвиняли в “политических ошибках” (в том числе и автора этих строк). В наши же дни авторы, именующие себя “демократами”, ударились в другую крайность: представляют Александру Александровну чуть ли не деятельницей белогвардейского движения. Пользуясь случаем, я познакомлю читателей, хотя и с некоторым опозданием, с непростой, но подлинной историей А. А. Знаменской, чья жизнь и деятельность неразрывно связана с историей нашего края и достойна нашей памяти и уважения.

РУССКАЯ ФРАНЦУЖЕНКА

Основная масса французов, для которых Россия стала второй родиной, — это эмигранты эпохи Великой революции 1789—1793-х годов, а также участники наполеоновского похода на Восток во время войны 1812 года. Но, как это видно из автобиографии Александры Александровны Знаменской, ее предки появились в России еще в петровские времена. “Родилась я 31 декабря 1852 года, — вспоминала она, — в деревне Макаровке Лаишевского уезда Казанской губернии. Родители по мужской линии и по женской... православные. Андре Даниэль Делярю (эта фамилия писалась де-Ла-Рю, а впоследствии, окончательно обрусев, превратилась в “Деларю” — Ж. Т.), мой прадед, во времена гонений на кальвинистов в царствование Людовика XIV бежал из Франции в Швецию, а потом в Россию, где он принял русское подданство и женился на русской — дочери екатерининского опального вельможи Левашева. По женской линии прадед — немец Реслен — женился на русской, которая вела свое происхождение от татарского мурзы Матюнина”¹.

Уже дед Александры Александровны Данила Андреевич Деларю был вполне русским чиновником и дворянином, владельцем богатого имения в Казанской губернии. Своим сыновьям он дал прекрасное образование. Старший из них, Михаил, воспитывался в Царскосельском лицее, где под влиянием свежих преданий о Пушкине и Дельвиге сам пристрастился к стихотворчеству и впоследствии стал видным поэтом пушкинского периода. Другой сын — Николай, был

¹ Петров С. Б. Литератор А. С. Глинка (Волжский) и его личный фонд в ЦГАЛИ; Сергеев П. Документы А. Знаменской. — Ульяновская правда, 1993, 1 августа.

видным чиновником министерства финансов, а как писатель-дилетант тоже вошел в историю российской словесности XIX века.

Младшего же из сыновей — Александра, отец решил сделать своим преемником по ведению хозяйства и тот, прослужив до чина губернского секретаря, вышел в отставку и осел в родовой вотчине — селе Макаровке Лаишевского уезда, расположенной в 60 верстах восточнее Казани. Однако, живя в захолустье, Александр Данилович интересовался общественной и культурной жизнью страны, выписывал из столицы журналы, газеты и книжные новинки. Характерно в этом отношении письмо от 23 января 1848 года к брату Николаю в Петербург: “Пришли мне с первою почтою “Сочинения” Байрона во французском переводе Дюфокомпре, хотя они и запрещены, но Исаков (книготорговец. — Ж. Т.) верно тебе продаст”.

Свое хозяйство Александр Данилович старался вести на научной основе и поэтому добивался лучших результатов, чем соседние помещики. “В Казани меня считают великим агрономом, — с полуиронией сообщал он брату Николаю, — что мне не очень льстит, потому что казанцы большею частью скоты и дармоеды, которые думают только о визитах, балах и сплетнях, как везде на святой Руси”¹.

Но болезни не щадили и его дом: малышкой умерла дочь Аделаида. Впоследствии семья пополнилась Натальей и Сергеем, но еще молодой ушла из жизни жена Александра Сергеевна. Второй женой Александра Даниловича стала Глафира Антоновна (урожденная Апелляционина), которая и стала матерью Александры Александровны. Знаменская в своей автобиографии упоминает ее, но очень скупно: “Девяти лет я была привезена

¹ Отдел рукописей Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 242, оп. 1, д. 26, л. 36, 54.

вместе с сестрою и братом в Казань... Мать решила отдать меня и сестру в казанский Родионовский институт." Это закрытое учебное заведение предназначалось для "девиц благородного звания" но, как и во всех ему подобных, оно характеризовалось бездушным отношением преподавателей к воспитанницам и схоластическим и зачастую бестолковым преподаванием. Дело кончилось тем, что вольнолюбивая и смелая натура Александры Деларю не выдержала и после какого-то конфликта с классной дамой отец забрал ее из института.

Для продолжения же образования 16-летней дочери Александр Данилович пригласил в качестве домашнего наставника выпускника естественного отделения физико-математического факультета Казанского университета Федора Александровича Знаменского. Отчество его в справочниках значилось "Павлович". Впрочем, и фамилия у него должна была быть иной, и происходил он не "из мещан", а из дворян. Дело в том, что Федор Александрович был сыном европейски известного музыкального критика, автора трехтомной биографии Моцарта, воспитателя композитора Милия Балакирева, одного из участников литературно-театрального общества "Зеленая лампа" декабриста Александра Дмитриевича Улыбышева. История русской культуры тесно связана с именем его родных. Так брат, профессор В. Д. Улыбышев состоял членом "комитета по устройству Исаакиевского собора". Елизавета Улыбышева издала в Москве несколько томов своих стихов на французском языке. Другая сестра, Екатерина, была корреспонденткой П. Я. Чаадаева, и именно ей адресованы его "Философские письма". Наконец, согласно распротраненному преданию, происхождение фамилии Улыбышевых связано с Дмитрием Донским: в одном из сражений храбрец-воин защитил своей грудью князя и тот, в благодарность, выдал за него свою единственную дочь Улыбу.

После ухода в отставку с государственной службы в чине действительного статского советника (штатского генерала) Александр Улыбышев поселился в родовом имении Лукино, недалеко от Нижнего Новгорода. Обстоятельства сложились так, что он фактически разошелся с женой и от крепостной девушки имел двух сыновей, которым по закону не имел права передать свои фамилию и отчество. Поэтому один из них стал Федором Павловичем Знаменским, а другой — Иваном Сидоровичем Покровским...

Родственники жены Улыбышева вынудили его составить такое завещание, по которому “незаконнорожденные” сыновья получили в наследство всего лишь по 500 рублей. После смерти же отца (мать умерла раньше) Федору и Ивану пришлось ютиться на скотном дворе, питаться в людской. Но сильные духом и телом братья успешно окончили уездное училище, затем гимназию и университет (содержа себя частными уроками). Иван Сидорович, попав в “ускоренный курс врачей из студентов 5 курса”, накануне 1865 года был назначен лекарем в 41-й Селенгинский полк, дислоцировавшийся в Волынской губернии. Федор Александрович университет закончил летом 1865 года с первичным научным званием “действительный студент”. Затем после годичной работы над диссертацией он защитил ее и получил в 1866 году диплом кандидата наук.

Обычно выпускники университета, даже с кандидатским дипломом устраивались преподавателями гимназий. Но Знаменский предпочел должность судебного следователя Казанской уголовной палаты. Однако, когда Александр Данилович Деларю пригласил его к себе в качестве учителя для дочери Александры, он согласился. Мужчина 32 лет, представительной наружности, общительный, начитанный, остроумный, веселый и при этом — блестящий математик, Знаменский стал желанным гостем в доме хлебосольного Деларю и, вольно

или невольно, — предметом обожания его юной дочери Александры. А 12 мая 1869 года они уже были обвенчаны.

В конце этого же года брат Федора Александровича Иван Сидорович Покровский, прослуживший уже военным лекарем на Украине, а затем — врачом земской больницы в Тетюшском уезде Казанской губернии, получил престижное место “ординатора Симбирских больничных заведений”. Вскоре в Симбирскую губернию перебрались и Знаменские, купив на деньги из приданого Александры Александровны 1226 десятин земли при селе Степное Анненково Симбирского уезда, в 60-ти верстах западнее губернского города.

Село это, построенное “на враге Черемховом ключе” еще в XVII столетии, было большим и принадлежало аж четырем помещикам. К моменту приезда четы Знаменских, оно насчитывало двести с лишним дворов, в которых проживало около 1700 крестьян. Действовала церковь во имя св. Сергия Радонежского и обширная часовня. А вот учиться-то крестьянским детям по существу нигде было¹.

Но недаром современники называли подъем народного просвещения в Симбирской губернии начала 70-х годов “весной земской школы”. Здесь, благодаря энергичной деятельности инспектора народных училищ губернии Ильи Николаевича Ульянова, городские и многие сельские общества, все восемь уездных и губернское земства, многие из образованных и состоятельных помещиков увлеклись работой по созданию и благоустройству сельских начальных училищ, старались заполучить в них учителей, прошедших подготовку на педагогических курсах в Симбирске.

Илья Николаевич хорошо знал Ивана Сидоровича Покровского, лечившего его детей и безвозмездно ис-

¹ Мартынов П. Селения Симбирского уезда. — 1903, с. 321.

полнявшего обязанности врача уездного училища в Симбирске, через него познакомился и со Знаменскими вскоре же после их приезда сюда. Наверное уже зимой 1872 года он убедил Александру Александровну и ее мужа в безотлагательной необходимости создания школы в Степном Анненкове. Во всяком случае из архивных документов достаточно известно, что Ульянов посетил это село в 1873—1876 годах четыре раза. После пребывания 15 декабря 1873 года Илья Николаевич с удовлетворением отметил в своем отчете: “Училище для детей обоего пола в с. Анненкове, открытое с октября 1873 года, превосходно помещается в особом вновь выстроенном доме, в котором имеется и квартира для учительницы. Обстановка училища производит приятное впечатление на посетителя. В светлой и теплой классной комнате стоят 20 парных ученических столов, весьма удобных, и классная доска, а по стенам развешаны дорогие картины английского издания. Училище содержится на сбор с крестьян, в количестве 167 рублей, с пособием от земства и попечителя школы местного землевладельца г. Знаменского, всего около 4000 рублей”¹.

Не меньший, чем муж, а даже больший интерес к школе проявляла Александра Александровна. Она с живейшим интересом вникала в весь процесс обучения и воспитания крестьянских детей, причем не только своего училища, но и в соседних селах. Помогала на месте, чем могла, учителям и учительницам, приглашала брать у нее книги, устраивала для них литературные беседы и чтения. “Впервые в своей местности, — вспоминал педагог-современник, — А. А. Знаменская ввела в обыкновение устраивать школьные праздники, приняла на себя заботы и попечительство над другой со-

¹ Ульянов И. Н. Отчет... за 1873 г., с. 70 — 72; Отчет... за 1874 г., с. 46 — 47; Отчет... за 1876 г., с. 60.

седней школой, находившейся в 6 верстах от ее имения. Она вывела эту школу из того материального упадка, в котором она находилась, и поставила ее на ряду с лучшими школами уезда”¹.

Александра Александровна была не только просветительницей, но и лекарем в буквальном смысле этого слова. Под руководством брата мужа, Ивана Сидоровича Покровского, она, по словам доктора, “сделалась врачом-дилетантом и до учреждения земской медицины имела огромную практику среди народа, выполняя свою миссию не хуже, если не лучше иногда настоящих земских врачей... Все население, особенно женщины, получали от нее советы во всех житейских невзгодах...”²

Федор Александрович, как и жена, тоже значился в числе немногих активных “друзей начальной школы”. Он постоянно вникал в жизнь школы в Степном Анненкове и щедро помогал ей материально. Кроме того, будучи членом училищного совета симбирского уездного земства, он осматривал определенную часть начальных училищ в других селах — несмотря на то, что в 1878 году он был избран участковым мировым судьей.

Его “камера мирового судьи” находилась в селе Тютюшском, а обслуживать пришлось еще четыре волости (Ключевскую, Тушинскую, Подкуровскую, Ртищевую-Каменскую), и поэтому Федор Александрович часто находился в длительных командировках.

В 1883 году на семью Знаменских обрушилось страшное горе: от скарлатины и дифтерита умерло сразу четверо маленьких детей. В довершение драмы выяснилось, что Федор Александрович состоял в связи с гувернанткой детей. Наступил разрыв между Александрой

¹ Городской и сельский учитель. — Казань, 1897. Вып. 6, с. 13.

² Рукописн. отд. ГПБ им. С.-Щедрина, ф.816, оп. 2, д. 1783, л. 15.

Александровной и мужем, после которого она с четырьмя детьми уезжает в Симбирск, а он, продолжая судебскую службу в Тетюшском, время от времени навещался в семью. Мало-помалу мир между супругами восстановился, а в 1885 и 1886 годах семья даже пополнилась сыновьями Евгением и Георгием.

Круг друзей и знакомых Александры Александровны, проживавшей на Покровской улице, состоял исключительно из ревнителей народного просвещения. Это был и ее деверь Иван Сидорович, который как врач-педиатр лечил безвозмездно в уездном училище, а затем в женской гимназии и кадетском корпусе. Охотно общалась она с соседом по имению, попечителем Ново-Никулинского народного училища, писателем Валерьяном Никаноровичем Назарьевым и его женой Гертрудой Карловной (и даже стала крестной матерью их дочери), с учительницей 5-го женского народного училища (попечительницей которого она сама являлась) Верой Васильевной Кашкадамовой и, конечно, с директором народных училищ губернии Ильей Николаевичем Ульяновым, его женой Марией Александровной и их дочерью Анной, учившейся на Бестужевских курсах в Петербурге.

Об отзывчивости Александры Александровны к чужой беде свидетельствует в своих воспоминаниях А. И. Ульянова-Елизарова. В трагические дни января 1886 года Анна Ильинична, проводившая дома каникулы, была потрясена внезапной кончиной отца и, обеспокоенная резко пошатнувшимся материальным положением семьи, хотела на время прервать учебу на петербургских Бестужевских курсах и остаться в Симбирске. Но близкие знакомые все же советовали возвратиться в Петербург, и среди них — А. А. Знаменская, которая предложила “и деньги для окончания курса”¹.

¹ Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Александре Ильиче Ульянове. — М.—Л., 1930, с.116.

Чтобы оценить все благородство этого поступка, следует учитывать и еще одно обстоятельство. Симбирское “общество”, считавшее столичные женские курсы рассадником нигилизма, весьма неодобрительно относилось к девушкам из семей, осмелившимся пренебречь этим мнением. Понятно, что моральная и материальная поддержка Александры Александровны в такой обстановке не имела ничего общего с обычной благотворительностью и обуславливалась идейными причинами и душевным порывом.

Примечателен и другой факт. Во второй половине 80-х годов в Симбирске существовал нелегальный кружок самообразования, в который вошло и несколько гимназистов. Кузнец П. А. Фадеев утверждает в своих воспоминаниях, что на одном из собраний кружка присутствовал и Владимир Ульянов. Фадеев полагал, что его туда ввела Знаменская, “хорошо знакомая с семьей Ульяновых”. Александру Александровну привлекала в этом кружке довольно сплоченная кучка интеллигенции, горячо обсуждавшая злободневные проблемы и искренне желающая чем-то помочь многострадальному народу.

Эта “кучка” группировалась вокруг доктора медицины Александра Александровича Кадьяна, отбывавшего в Симбирске ссылку. Здесь была и Мария Гисси, ранее отбывавшая ссылку в Восточной Сибири за помощь народолюбцам. Интересной личностью был и Василий Маненков, поэт и публицист, выступавший в газетах Поволжья под псевдонимом “Старостин”, ранее привлекавшийся к дознанию за связи с местным подпольем. Это он запечатлел в стихотворной форме собрания кружка:

Вперед-вперед — мы восклицаем,
Когда сойдемся вечером;
Журналы лучшие читаем

И строго судим обо всем;
Кричим и спорим о народе,
О нуждах, бедствиях его,
О просвещеньи, о свободе...¹

Нужда и бедствия народа приобрели катастрофический характер в 1891 году, когда из-за сильнейшей засухи в 17 губерниях страны, особенно в Поволжье, десятки миллионов людей стали голодать. Чтобы спасти голодающих от смерти, симбирское общество стало создавать столовые, питательные и медицинские пункты, проводить благотворительные вечера с лотереями и чтениями. Во всех этих мероприятиях по оказанию помощи "младшему брату-мужичку" самое деятельное участие принимали А. А. Знаменская и Лидия Николаевна Сахарова, жена врача-демократа Ивана Матвеевича Сахарова. Дружеские связи между ними приобрели настолько прочный характер, что фамилии Знаменских и Сахаровых зачастую фигурировали рядом в отчетах о прошедших в городе мероприятиях по оказанию помощи голодающим. Вместе Александра Александровна и Лидия Николаевна намечали ближайшие просветительские задумки и почины.

¹ Трофимов Ж. Демократический Симбирск молодого Ленина. — Саратов, 1984, с. 130.

ОСНОВАТЕЛЬНИЦА ГОНЧАРОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

На рубеже 1880 — 1890-х годов, как и в эпоху падения крепостного права, в России вновь стала модной проблема народного просвещения. Печать как правого, так и левого толка оживленно обсуждала возможность введения всеобщего обязательного обучения, сообщала о состоявшихся в различных городах и всяких чтениях для народа, изданиях для него дешевых книг и т. п. А 15 мая 1890 года министр внутренних дел утвердил-таки “Правила о бесплатных народных библиотеках и порядке надзора над ними”.

Несмотря на наличие таких возмутительных запретительных указаний, как недопущение в бесплатные народные библиотеки научно-естественных, философских и литературно-художественных журналов (“Вестник Европы”, “Русская мысль” и др.) и даже многих произведений Л. Толстого, Тургенева, Гончарова, Достоевского, эти “Правила” были все же шагом вперед, ибо допускали с разрешения начальства создание библиотек и читален.

Для Александры Александровны Знаменской и Лидии Николаевны Сахаровой это было главным, ибо мечта о создании такой библиотеки в Симбирске могла стать явью. Но еще более обрадовал их почин нижегородских просветителей, разработавших устав “Общества распространения народного образования”, которым предусматривалось устройство народных чтений, воскресных школ, библиотек и других вспомогательных средств образования”. Загоревшийся этой идеей “тесный кружок людей, преданных делу образования” и группировавшийся вокруг Знаменской, решил учредить в Симбирске такое же “Общество”. За образец был взят нижегородский проект и представлен в “инстанции”. Однако вскоре выяснилось, что Министерство народ-

ного просвещения намерено создать общий для всех регионов устав таких "Обществ", но когда оно его сотворит — никому неизвестно, ибо с такими делами на Руси не принято спешить...

Чтобы не терять времени, Александра Александровна решила приняться за частичное выполнение намеченной "Обществом" цели — устройство народной библиотеки-читальни в память И. А. Гончарова. В осуществлении этой мысли помогал приехавший летом 1892 года в Симбирск чиновник крестьянского банка 28-летний кандидат Петербургской духовной академии Михаил Федорович Суперанский. Опираясь на правительственный устав от 15 мая 1890 года, он составил устав для задуманной в Симбирске библиотеки-читальни.

"Губернатор, от которого зависило дать ход проекту, потребовал обеспечения библиотеки в виде 400 рублей деньгами и 200 томов книг. Рассчитывая на поддержку людей сочувствующих, — вспоминала Знаменская, — я гарантировала и то и другое. Дело закипело. При горячем участии съехавшихся на праздники (рождественские. — Ж. Т.) учащийся молодежи, очень удачно сошел благотворительный вечер и дал необходимые для начала средства (270 руб. — Ж. Т.). Путем воззваний, писем и просьб удалось собрать около сотни разного рода книжек, доставлена была из деревни пожертвованная мною небольшая библиотека в 300 томов, куплено несколько новых книг, выписано 2 газеты, и все было готово к разрешенному уже открытию библиотеки. Но тут возникло новое затруднение; обещанное городом бесплатное помещение под библиотеку-читальню оказалось занятым, другого такого же в виду не имелось, а между тем расход на квартиру не входил в более чем скромный бюджет библиотеки. Новые жертвования дали возможность обойти и это затруднение".

Александра Александровна ни на кого не жалуется и никого не обвиняет, но за строками ее воспоминаний все равно просматривается, если не равнодушие, то недостаточное внимание отцов города к благородному начинанию Знаменской и ее единомышленников: ведь доступной библиотеки для податных сословий Симбирск не имел, да и память знаменитого своего уроженца И. Гончарова на родине ничем не увековечена.

Можно представить приподнятое настроение Александры Александровны, Лидии Николаевны Сахаровой, М. Ф. Суперанского, М. Г. Медведевой и их близких, когда 17 января 1893 года состоялось открытие первой в России (за исключением столичных) бесплатной библиотеки-читальни имени Гончарова. Приютилась она в квартире из трех комнаток, нанятой за 8 рублей в месяц в доме на Панской (ныне Энгельса) улице. Одна была отведена для читальни, другая для абонементов, третья — для сотрудников библиотеки. Обстановку составляли: книжный шкаф, некрашенный стол для читателей и два грубых на козлах стола для абонементов, покрытых красным сукном, 12 табуреток, две висячих керосиновых лампы. Единственное украшение — большой портрет Гончарова, исполненный масляными красками художником С. П. Жемчужниковым. Штат состоял из заведующей — Знаменской, секретаря — Суперанского и библиотекаря Марии Григорьевны Медведевой, которая получала 10-рублевое жалованье в месяц, а также сторожа¹.

С первого же дня работы библиотеки (в будние дни с 16 до 20 часов, в воскресные с 13 до 18 часов), она, по наблюдению современника, была полна народу, преимущественно воспитанников народных училищ, которые “массою стояли даже в сенях и на улице, ожидая очереди...” За первые два дня работы полки шкафа опус-

¹ Красный библиотекарь, 193, т. 10, с. 26.

тели и, по словам Знаменской, “наглядно и громко вопияли о назревшей в публике потребности в книге”¹.

“Насколько успешно наша Гончаровская библиотека достигла своей цели, — отмечалось в казанском “Волжском вестнике” (1894, 30 марта), — видно, например, из следующего: Карамзинская библиотека, обладая капиталом в 17 000 руб. и громадным запасом книг, при расходе в 1757 руб. и даровом помещении имела 553 абонента и выдано было из нее книг 16507. Гончаровская же... имела 864 абонента и 23 829 выдач книг”, (Сравнение не совсем корректно, ибо детская книжка прочитывается быстрее, чем капитальные издания, которые составляли основу симбирской публички). Более важно другое: каждая из 1367 книг Гончаровской библиотеки обернулась в среднем 14 раз за год!

Летом 1893 года городские власти дозволили Гончаровской библиотеке разместиться в рекреационной зале 5-го женского начального училища, находившегося в бывшем доме Егорова на Лосевой (ныне Федерации) улице. Кроме того, город, “вследствие особого ходатайства” выделил библиотеке 100 рублей на год. В полтора раза большую сумму по подписному листу пожертвовала великая княгиня Екатерина Михайловна. Александра Александровна и ее муж Федор Александрович внесли по 100 рублей. Но на год библиотеке требовалось иметь хотя бы 700 рублей и Знаменская устраивает любительские спектакли и вечера, обращается с просьбами к иногородним благотворителям, колесит в тарантасе по городу с подписными листами, просит о взносах книгами, журналами.

Среди жертвователей деньгами и книгами оказались известные в Симбирске семьи писателя В. Н. Назарье-

¹ Отчет Симбирской бесплатной народной библиотеки-читальни в память И. А. Гончарова за 1901 год. — С-к, 1902, с. 14.

ва, чиновников А. И. Алатырцева, Д. Е. Коведяева, Н. А. Сабанина, дочери врача А. Ф. Щербо, доктора И. С. Покровского, а также известная детская писательница Е. Н. Водовозова, мать знаменитого художника В. С. Серова, библиофил Н. А. Рубакин. С 1894 года библиотекарю М. Медведовой в выдаче книг и ведении записей в журналах учета помогали по собственной воле молодые энтузиасты В. В. Кашкадамова, В. В. Варламов, Н. О. Татарина, Е. С. Рамзайцева, В. С. Глинка, В. И. и Е. И. Ишерские, другие учителя и служащие. С этого же года и городская дума повысила пособие библиотеке до 300 рублей в год.

О популярности Гончаровской библиотеки-читальни говорят статистические данные отчета за 1895 год. Общее число читателей достигло 1548 горожан, из коих 1047 мужского и 501 женского пола. Основная масса — это дети от 8 до 15 лет (943 человека) и юноши от 15 до 20 лет (292 человека). Но и взрослых (до 70 лет) значилось 285 человек, причем всех сословий: из духовных, дворяне, чиновники, купцы, почетные граждане, военные, мещане, крестьяне.

Наладив работу гончаровской библиотеки-читальни, Александра Александровна вернулась к основному делу своей жизни — помощи народному образованию. В 1895 году она энергично способствовала “устройству и ведению хозяйственной части при съезде сельских учителей”. В этом же году она единогласно была избрана почетным членом и председателем только что учрежденного в Симбирске “Общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших в училищах Симбирской губернии”.

Чуть ли не доброй половиной книг, поступавших в качестве пожертвований, не разрешалось пользоваться в народных библиотеках, и поэтому они без движения покоились в запасном фонде. А в начале 1897 года пришла новая беда: вследствие поступившего разъяснения

народного просвещения, пришлось изъять из употребления все приложения к получаемым библиотекой журналам и газетам.

После удаления этих приложений заметно поредели полки в шкафах. Для того, чтобы как-то заполнить образовавшуюся брешь, А. А. Знаменская и ее соратники организуют несколько благотворительных вечеров, на сбор от которых удалось приобрести в Москве у букинистов за треть, и даже за четверть действительной стоимости более 250 томов хороших ценных книг¹. Тем не менее, при постоянном росте числа читателей все острее ощущался недостаток литературы.

Александра Александровна хотела преобразовать свою библиотеку из **народной** в **публичную**, так как в нее в этом случае вошли бы хранящиеся под спудом пожертвованные книги и приложения к периодическим изданиям. “Но препятствием к подобному преобразованию, — вспоминала Знаменская, — служило со стороны школьного начальства запрещение учащимся посещать **публичные** библиотеки, а учащиеся составляли половинное количество всех пользующихся в библиотеке книгой и этим запрещением лишался чтения наиболее нуждающийся в нем класс читателей”².

Являясь уже почти 20 лет попечительницей 5-го женского начального училища, она загорелась идеей открытия в городе воскресной школы для взрослых и в том же 1895 году ее хлопоты перед министром народного просвещения, как отмечалось в казанском педагогическом журнале А. И. Анастасиева, “увенчались успе-

¹ Отчет Симбирской бесплатной народной библиотеки-читальни И. А. Гончарова за 1900 и 1901 годы. — С-к, 1902, с. 16.

² Там же, с. 17.

хом только благодаря энергии и беззаветной преданности ее делу образования”¹.

В 1896 году городская дума отказала в пособии Гончаровской библиотеке, и Знаменской опять пришлось обращаться за помощью к “иностранцам знакомым и незнакомым лицам, ездить по городу с подписным листом, получать отказы, условные пожертвования с обещанием дать столько-то, если такой-то даст ту же сумму”². Потерей для библиотеки явился уход в 1896 году М. Суперанского, сославшегося “на недосуг”. В 1897 году город выделил субсидию библиотеке в 500 рублей, но для покрытия растущих расходов опять-таки приходилось прибегать к поиску пожертвований, ибо рос и развивался читатель, росли и его требования.

“Он уже не удовлетворялся более обменом тонких брашюрок на тонкие книги, — вспоминала Александра Александровна, — он искал более содержательные книги, которые могли бы отвечать на разнообразные запросы его. Читатель спрашивал новые журналы, спрашивал русских поэтов, не в отрывках только, а полностью, русских писателей, и их критиков. Из библиотеки он уходил огорченный, неудовлетворенный... Не раз приходилось слышать восклицания: “И что это за библиотека, просил Некрасова — не дают, спрашивал Достоевского, тоже говорят нет, Гончарова только “Фрегат Паллада” предлагают, а еще Гончаровской прозывается!”

А причиной этих невзгод и неурядиц были цензурные указания министерства народного просвещения, согласно которым приходилось изымать из употребления “все приложения к получаемым библиотекою жур-

¹ Городской и сельский учитель... Вып. VI. — Казань, 1897, с. 80.

² Отчет... за 1901 год, с. 15.

налам и газетам”, а также значительную часть из пожертвованной горожанами литературы и периодики. Эти недозволенные к выдаче народными бесплатными библиотеками издания складывались по указанию Знаменской “до поры, до времени” в отдельное помещение, представлявшее, по ее выражению, “заколдованный клад, доступ к которому составляет секрет для окружающих. И вот этот клад лежал под спудом, а заведовавшие библиотекой тщетно бились в изыскании способа извлечь его и сделать доступным читающей публике”¹.

В извлечении этого клада помогла статья в одном из столичных изданий, автор которой указывал на “существование и совместимость публичных библиотек с отделением народной библиотеки”. Знаменская немедленно возбудила перед начальством ходатайство в этом духе, но получила отказ под предлогом того, что частному лицу не позволялось открытие **бесплатной** народной библиотеки...

Тогда, весной 1899 года, Александра Александровна возбудила перед губернатором ходатайство о разрешении ей открыть платную публичную библиотеку с читальным залом, с платой за абонемент: в месяц — 20 коп., а за год — один рубль. Разрешение было получено, и 3 октября “библиотека А. А. Знаменской” (таково ее официальное название), приютившись в стенах зала Гончаровской, открыла свои действия. Читательские взносы, конечно же, не покрывали расходов публичной, но она, как платная, не могла искать поддержки ни у частных лиц, ни в редакциях газет и журналов, ни в общественных учреждениях.

Отважная учредительница прекрасно знала об этих препонах, и если пошла со своими близкими на создание публичной, то только из-за внимания к нуждам

¹ ГАУО, ф. 137, оп. 37, д. 207, л. 32.

того читателя, с которым их сблизил Гончаровская библиотека. “Хотелось, — по словам самой Знаменской, — во что бы то ни стало **начать только дело**, пробить брешь к залежавшимся под спудом книгам, по мере сил наладить, упорядочить его, а затем передать тому учреждению, которое пожелает обеспечить его дальнейшее существование”.

Но благородная цель — “доставить нуждающемуся читателю широкое и возможно бесплатное пользование хорошей, полезной книгой” оказалось выше сил одиночек, и Александра Александровна готова была предложить свое детище туда, “где ему были обещаны и свет, и простор” — симбирскому земству. Но лишь тогда, когда новая библиотека будет обставлена, а работа в ней налажена.

А пока обе библиотеки — Гончаровская и платная Знаменской — помещались вместе, работали в одни и те же часы и обслуживались одними и теми же сотрудниками, имея общий читальный зал. Мария Медведева в своих воспоминаниях так объяснила преимущества этой общности: “В читальню книги выдавались бесплатно. Совместное помещение обеих библиотек дало возможность нелегально выдавать книги из библиотеки (публичной. — Ж. Т.) читателям народной библиотеки”¹. Впрочем, посетителей интересовали не столько книги, сколько периодика, которая, из-за своей дороговизны, многим была недоступна. В библиотеке же Знаменской имелись: “Вестник Европы”, “Русская мысль”, “Русское богатство”, “Мир Божий”, “Исторический вестник”, “Вестник иностранной литературы”, “Образование”, “Журналы для всех”, “Вестник самообразования”, разнообразные иллюстрированные издания, приложения к журналам².

¹ Красный библиотекарь, 1939, № 10, с. 28.

² ГАУО, ф. 137, оп. 37, д. 207, л. 34.

Между тем, Александра Александровна продолжала быть попечительницей 5-го женского училища и возглавлять деятельность "Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Симбирской губернии", которое оказывало учителям и их семьям не только чисто материальную помощь. Деятельная и изобретательная Знаменская договаривалась с врачами о даровом лечении членов общества; организовала поездку народных учителей на Всероссийскую выставку 1896 года в Нижний Новгород; уговорила состоятельных членов сдавать ей прочитанные газеты, и она, за свой счет, рассылала их 17 сельским учителям; в 1900 году по ее инициативе в селе Матюanine, недалеко от г. Алатыря, был открыт дешевый санаторий для народных педагогов и т.п. Но главной ее заботой в 1895—1901 годах был интернат в Симбирске для сыновей и дочерей народных учителей, которые обучались в городских гимназиях и ремесленном училище.

Здоровье же самой Александры Александровны, растившей и своих шестерых детей, начало сдавать и 16 сентября 1901 года, в десятую годовщину смерти И. А. Гончарова, на торжественном заседании, посвященном его памяти, она предложила городу свою библиотеку-читальню имени знаменитого романиста и выразила убеждение: "Я верю, что дело это, проведенное мною с такими препятствиями и затруднениями, не заглохнет в руках моих деятельных преемников, но будет расти и развиваться в интересах читателя и города. И это будет наидостойнейший способ почтить память нашего знаменитого согражданина великого русского писателя Ивана Александровича Гончарова"¹. Принимая дар, руководство думы попросило учредительницу и заведующую библиотекой составить отчет за истекший год. Александра Александровна сделала большее: она написала и историю возникновения и развития Гончаровской библиотеки-читальни.

¹ Почетная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1902 год, с. 225.

Само собой разумеется, что и после передачи своего детища Знаменская вникала в его нужды. Увы, дело шло намного хуже, чем можно было предполагать, и 1 ноября 1903 года она, находясь в Казани (где лечилась), с горечью пишет в симбирскую городскую думу, что, не переставая следить за отданной городу библиотекой, убедилась, что “в течение 2-х лет город не увеличил ее капитала ни на одну книгу...”

Александра Александровна при этом не жаловалась и не укоряла, ибо в последний свой период жизни в Симбирске убедилась, что новый городской голова и некоторые гласные сочувственно относятся к библиотечному делу и готовы принять от нее и вторую, платную библиотеку-читальню. Подтвердив свою готовность сделать и этот дар городу, Знаменская просила соблюсти такие условия: “Во-первых, я желала бы сохранить за собой право голоса в совещаниях по делам библиотеки. Во-вторых, просила бы, чтобы библиотека эта обслуживала книгами и журналами прежних лет всех народных учителей Симбирского уезда, состоящих членами “Общества взаимопомощи учащихся и учивших в училищах Симбирской губернии. Кроме того, — продолжала она, — я бы очень просила, чтобы то жалованье, которое платилось мною Гончаровской библиотекарше и ее второй помощнице по Знаменской библиотеке, осталось бы за ними”¹.

Однако среди отцов города нашлись такие, которым некоторые условия дарительницы показались неприемлемыми, и Знаменская в письме от 19 февраля 1904 года засвидетельствовала, что она стремилась лишь к одной цели: “Чтобы библиотека продолжала развиваться, неукоснительно обслуживая при этом как можно больше район нуждающегося в хорошей книге люда. Настоящим письмом, — продолжала она, — я отказы-

¹ ГАУО, ф. 137, оп. 37, д. 207, л.3.

ваюсь от всех заявленных мною условий, оставляя лишь одно — немедленный перевод библиотеки в другое, более обширное помещение.

В настоящее время, — констатировала Александра Александровна, — помещение библиотеки настолько стеснено, что в нем не находится более места для установки нового библиотечного шкафа, а между тем книгами переполнены все шкафы, на полках они стоят в 3 ряда и этим крайне затрудняют выдачу книг. Вновь приобретаемые книги ставить решительно некуда и оставлять дело в таком положении решительно невозможно. Если до апреля месяца этого года город не придет ни в какому решению, то я вынуждена буду взять обратно сделанное мною предложение. Силы и здоровье мне не позволяют в настоящее время лично поддерживать и следить за библиотекой, а для того, чтобы она работала в желаемом направлении, если город не найдет возможности принять ее, я передам ее в руки того уездного земства Симбирской губернии, которое сочувственно отнесется к поставленной мною задаче”.

Эта угроза передать библиотеку в другой уезд подействовала, и 24 апреля 1904 года Симбирская городская дума “положила дар г-жи Знаменской принять, выразить ей благодарность и назначить ее почетною попечительницею библиотеки”. Одновременно было обещано дарительнице, что более удачное помещение для библиотеки будет найдено... Но опытная дарительница не очень-то верила последнему обещанию и в ноябре заявила, что если город “стесняется ассигнованием средств на наем помещения, то она соглашается уплатить за квартиру за первый год 240 рублей”.

Настойчивость Александры Александровны сделала свое дело: с 1 декабря 1904 года ее платная библиотека была переведена на Покровскую (ныне Л. Толстого, № 66) улицу в дом Л. И. Беляева, с платою за нее 30 рублей в месяц. А 5 января 1905 года “Симбирские

губернские ведомости” сообщили читателям об открытии с разрешения губернатора платной “городской библиотеки-читальни, пожертвованной городу А. А. Знаменской”. В этом, более удобном и обширном помещении и читальный зал был сравнительно просторный и светлый. Обеими библиотеками заведовал гласный городской думы Иван Иванович Стеклов, который свои обязанности выполнял не за страх, а за совесть. Библиотекарем продолжала работать М. Г. Медведева. Удивительно, но это факт: библиотека обслуживала читателей 353 дня в году. Причем, в будние дни утром с 10 до 14, а вечером с 16 до 20 часов. В воскресные и праздничные табельные дни — с 13 до 18 часов¹.

Поучительны и инициативы, которые под влиянием Знаменской вошли в практику Гончаровской библиотеки: раз или два в месяц сюда приходили заведующие десяти учебных заведений (исправительного и детского приютов, учительского интерната, двух воскресных школ, ремесленного училища им. М. В. Лебедева и др.), которые брали до 40 книг для чтения своим воспитанникам. А в доме трудолюбия грамотные рабочие читали вслух принесенные книги неграмотным.

Сама же Александра Александровна после передачи своих библиотек городу, увлеклась политической деятельностью. В определенной мере этому способствовал муж дочери Ольги Александр Сергеевич Глинка, исключенный из Московского университета за связи с революционным подпольем и отбывавший гласный надзор в Симбирске, а также старый знакомый писатель-народник В. И. Маненков. Как видно из жандармских донесений, в доме Знаменской на Покровской улице производились “чтения тенденциозного характера”, находили себе приют политические ссыльные. В период

¹ Отчет симбирских городских библиотек публичной платной и бесплатной имени И. А. Гончарова. — С-к, 1909, с. 1.

первой русской революции Знаменская подолгу находилась в Казани, где поддерживала тесные отношения с эсерами. А в 1906 году, по рассказу И. С. Покровского, она “как редактор-издательница революционной газеты сделалась центральной фигурой самого крайнего кружка революционной молодежи; состав всей редакции и сотрудников, все были арестованы, посажены в тюрьму и затем осуждены и высланы в разные места необъятной России. Последняя была арестована А. А. Знаменская, просидела 9 месяцев в тюрьме и затем присуждена к ссылке на три года в Иркутскую губернию или за границу тоже на 3 года — куда захочет. Началась скитальческая жизнь по Европе — жила в Париже, Лондоне, Риме, Мадриде и т. д. Встречи и знакомства с эмигрантами”¹.

Иван Сидорович так живо описал в своих письмах знаменитому Милию Алексеевичу Балакиреву некоторые подробности о неутомимой просветительской и крайней антиправительственной деятельности невестки, что тот в ответном письме от 3 января 1907 года из Петербурга в Симбирск к Покровскому полутрагически заявил: “Бедный русский народ! О его интересах никто не думает и в 100-й доле той самоотверженности, которую проявила ваша Александра Александровна. И несмотря на то, что о равноправии нашего крестьянина и речи не может быть возбуждено, но интеллигенция собирается, не снявши с него цепей, посадить ему на шею еврея”.

По возвращении из ссылки-эмиграции в Симбирск, Александра Александровна почувствовала, что администрация смотрит на ее деятельность, “как на чуму”, и все пути ей были закрыты. Но постепенно она снова завоевала себе положение и стала приводить в порядок

¹ Рукописный отдел ГПБ им. С.-Щедрина, ф. 816, оп. 2, д. 1713, л. 45.

все основанные ею общественные предприятия: взяла в свои руки ведение интерната, хлопоты о разрешении издавать газету. И, конечно же, опять вникает в работу Гончаровской и платной публичных библиотек.

Самым отрадным явлением в библиотеке-читальне имени Гончарова стало то, что из года в год росло количество читателей-ребят. Для того, чтобы они не мешали взрослым и не заглядывали в неподходящие их возрасту издания, 1 сентября 1913 года детская читальня была переведена в отдельную комнату. Важным событием стало поступление трехтысячного фонда библиотеки городских народных училищ, после чего увеличился и штат Гончаровской. Но и в рубежном 1917 году ею и платной по-прежнему заведовал И. Стеклов, а библиотекарем работала М. Медведева. К этому времени эти городские книгохранилища располагали почти 40-тысячным фондом, выписывали до ста наименований периодических изданий¹.

В 1919-м обе библиотеки Знаменской были объединены в одну под названием Гончаровской. В следующем году М. Медведева перевезла в левое крыло здания, где помещалась Гончаровская, и богатства Карамзинской общественной библиотеки. С начала 1920 года все они фигурировали под названием "Центральная городская библиотека имени Гончарова и Карамзина", но свои фонды хранили обособленно друг от друга. Примечательно, что для посетителей читальня была открыта во все дни недели (кроме понедельника) с 12 дня до 12 часов ночи и сотрудники поэтому трудились в три смены².

В это время в штат библиотеки была зачислена вернувшаяся из странствий Александра Александровна.

¹ Никитина Н. Народная библиотека в Симбирске. — Ульяновская правда, 1993, 28 января.

² Заря, 1921, 15 июня.

К сожалению, даже М. Медведева не оставила воспоминаний об этой поре жизни своей бывшей наставницы и заведующей Гончаровской библиотекой. О конце же жизненного пути 70-летней общественной деятельницы газета "Заря" (орган Симбирского губкома РКП(б) и губисполкома) известила читателей краткой заметкой: **"Смерть основательницы Гончаровской библиотеки.** В 2 часа ночи на 28 февраля скончалась от сыпного тифа основательница Гончаровской библиотеки Знаменская.

Похороны состоялись 1 марта на Покровском кладбище".

В архиве ЗАГСа причина смерти указана иная: "старость". Проживала Александра Александровна на Нижне-Минаевской улице в доме № 9, у своего сына Александра. В графе о роде занятий умершей указано: "служашая". В последний путь мать провожал и младший сын Александры Евгений Знаменский.

Незадолго до первой годовщины со дня ее кончины общественность Симбирска довольно широко отметила 30-летие Гончаровской библиотеки. Газета "Экономический путь" 30 января 1923 года под заголовком "Праздник просвещения" поместила статьи читателей, которые высоко оценивали создание А. А. Знаменской первой в провинциальной России бесплатной библиотеки-читальни в память И. А. Гончарова. Б. Путилов, в качестве одного из "старых подписчиков" с глубочайшей признательностью назвал эту библиотеку "почти единственным общедоступным пролетарским рассадником просвещения. Ярким моментом в жизни библиотеки было празднование 25-летия ее в 1918 году. На нем присутствовала учредительница Гончаровской библиотеки А. А. Знаменская".

В 1924 году Центральная городская библиотека имени Гончарова и Карамзина получила статус губернской и вместе с некоторыми другими книгохранилищами

заняла все помещения бывшего Дома дворянского собрания на Новом Венце, а 21 января 1925 года была преобразована в Дворец книги имени В. И. Ленина. Мемориальная доска, установленная в бывшей бальной зале, гласила, что в состав Дворца книги вошли Карамзинская и Гончаровская библиотеки, а также Губернская центральная библиотека (осн. в 1918 г.), Центральная детская библиотека (осн. в 1914 г.) и Губернский коллектор (осн. в 1918 г.). По справедливости же следовало бы упомянуть и публичную библиотеку А. А. Знаменской, фонды которой, как и Гончаровской, тоже стали неотъемлемой частью Дворца книги имени В. И. Ленина.

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ПРАВДЕ

Имя Александры Александровны Знаменской после ее кончины на полтора десятилетия исчезло из краеведческой литературы и вновь появилось в статье М. Г. Медведевой “История библиотеки в Симбирске—Ульяновске”, напечатанной в столичном журнале “Красный библиотекарь” № 10 за 1939 год. Мария Григорьевна лучше, чем кто-либо, знала, что основательницей Гончаровской библиотеки была Знаменская, но кто-то так “отредактировал” статью, что роль “помещицы-либералки” была сведена к получению ею разрешения на открытие библиотеки-читальни, ибо она, мол, имела “свободный доступ к власти имущим”.

Эту же версию в художественном оформлении изложила в альманахе “Литературный Ульяновск” (1948, № 2) Анна Караваева, бывшая директриса Дворца книги им. Ленина: “Однажды в уютной комнате педагога народного училища Веры Васильевны Кашкадамовой собрались ее друзья: молодая девушка Мария Григорьевна Медведева, попечительница нескольких народных училищ либерально настроенная помещица Знаменская, жена врача Сахарова и служащий крестьянского банка Суперанский, известный либеральный библиофил... Заговорили о Карамзинской библиотеке, куда читателей ходит гораздо меньше, чем она могла бы вместить... читатели должны вносить довольно большой залог. Собеседники пришли наконец к выводу, — продолжала Караваева, — в Симбирске нужно открыть народную бесплатную библиотеку-читальню”. И тут же учредители распределили между собой заботы: Знаменская хлопочет “о разрешении на открытие и о помещении... собирает пожертвования от знакомых помещиков, а собирать пожертвования и книги по городу вызвалась Мария Григорьевна”.

Краевед-литератор Петр Сергеевич Бейсов в своей книге “Гончаров и родной край”, вышедшей двумя изданиями (1951 и 1960), инициаторами создания Гончаровской библиотеки-читальни назвал В. Кашкадамову, М. Суперанского и М. Медведеву. И только в 1962 году на юбилейной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения И. А. Гончарова, Петр Сергеевич смог упомянуть и А. Знаменскую¹. Но какой-то рок все еще довлел над уважаемым краеведом и “платную публичную библиотеку А. А. Знаменской” он именует “платной общественной библиотекой имени И. А. Гончарова...”

Замалчивал фамилию Знаменской (но по иным мотивам) опытный краевед Г. Н. Федоров. В статье “На рубеже двух революций” (Ульяновская правда, 1977, 26 марта) создателями Гончаровской библиотеки он назвал В. Кашкадамову и М. Медведеву. Коснувшись же открытой в 1899 году “платной общественной библиотеки”, в которой имелись “труды Маркса, Энгельса и Ленина и другая марксистская литература”, Григорий Нилович так и не упомянул создателя этой библиотеки — Знаменскую.

Работая над книгами о революционном прошлом Симбирска, о В. И. Ленине и семье Ульяновых, я не мог не заметить неприязненного отношения руководителей идеологической работы Ульяновска к личности Знаменской в связи с тем, что она в 1918 году относилась нелояльно к Советской власти. Но ведь, во-первых, Г. В. Плеханов и В. И. Засулич не приняли Октябрьскую революцию и тем не менее никто не вправе умалять или замалчивать их исторические заслуги в создании социализма в России. И, во-вторых, партийные и советские органы Симбирска 1919—1923 годов лучше

¹ Материалы юбилейной Гончаровской конференции. — У-к, 1963, с. 302.

чем кто-либо знали, чем именно занималась Знаменская в городе во время господства здесь белогвардейцев в 1918 году, но относились к ней лояльно и чттили ее память по 1923 год включительно. Наконец, полностью разделяя ленинское указание о том, что заслуги того или иного деятеля следует оценивать прежде всего за то, что они дали в свое время, а не за то, чего не дали в будущем, я был просто обязан в полном объеме показать вклад Александры Александровны и ее деверя доктора-демократа И. С. Покровского в распространение просвещения и освободительных идей в Симбирске. Мой очерк об этих деятелях появился в апрельском номере ленинградского журнала "Нева" за 1971 год под названием "Движимые чувством гуманности и прогресса".

В то время я служил в Ленинграде, но предвидел, что как только очерк будет прочитан моими ульяновскими оппонентами, они не преминут выразить свое неудовольствие по поводу "воскрешения" фигуры А. А. Знаменской. Однако события превзошли все мои ожидания. Из Ульяновского обкома КПСС в Ленинградский обком было переслано письмо двух краеведов, в котором они предъявляли ко мне серьезные претензии. Суть их, в изложении сотрудника редакции "Невы" В. Сошонко, сводилась к следующему:

1. "Летом 1917 года, когда Керенский затеял наступление на фронте, Знаменская создала в Симбирске женский ударный батальон. С 23 по 9 сентября 1918 г. в Симбирске, захваченном белогвардейцами выходила газета "Возрождение", орган "Союза возрождения России". Ее редактором была Знаменская".

2. "Грубейшей политической ошибкой авторы письма считают, — продолжал Сошонко, — публикацию цитаты из письма композитора Балакирева без комментариев. Получается, говорят они, что больше всех для народа сделала Знаменская, а о большевиках нет даже упоминания".

3. “Грубой политической ошибкой названо также утверждение о том, что Знаменская полвека своей жизни отдала распространению освободительных идей, поскольку часть жизни она посвятила и борьбе с ними (1917—1919 гг.)”.

В заключение краеведы, по словам Сошонко, требовали предотвратить выступления Трофимова и публикации его материалов в журнале “Нева”. Если учесть, что директор института истории партии при Ленинградском обкоме партии С. Дмитриев признал публикацию моего очерка тоже “ошибочной”, а также и то, что редакция “Невы” в связи с этим отказалась публиковать уже подготовленный к печати мой материал “Последняя симбирская весна”, то нетрудно представить состояние, в котором оказался я под градом тенденциозных нападок.

Для того, чтобы дать редакции “Невы” обстоятельный ответ на все обвинения, пришлось выехать в Ульяновск и проштудировать газеты 1917—1918 годов, редактором которых значилась Знаменская, уточнить некоторые детали ее дальнейшей жизни и деятельности, а также оценки в советской печати вклада Александры Александровны в культурную и общественную жизнь Симбирска.

В своем ответе редакции “Невы” я отверг все обвинения о якобы допущенных “политических ошибках” и сделал это по “пунктам”:

1. “Женский батальон смерти” создавался в **июне 1917 года**, и не Знаменской, а “Лигой равноправия женщин”, а пропаганду в пользу создания батальона вел “Симбирянин” и другие буржуазные газеты города, в том числе и “Симбирская народная газета”, редактором которой являлась Знаменская. Но более важно другое. Этот батальон был отправлен на **германский фронт**. Однако шумная затея скандально провалилась. “Едва добравшись до станции Инза, “ударницы” разбежа-

лись...”, — так говорится в книге “Очерки Ульяновской организации КПСС” (Ч. 1. У-к, 1964, с. 247), одним из авторов которой был Г. Федоров... Естественно, что этот трагикомический эпизод нельзя причислять к “антисоветской” деятельности Александры Александровны. Что же касается редакторства в “Возрождении”, то оно продолжалось всего лишь месяц — с 9 августа по 9 сентября 1918 года. Но ни одной статьи за ее подписью там нет. Фактическими руководителями редакции и ведущими авторами являлись С. Гортинский и Н. Охотин, которые не раз подчеркивали, что они — “плехановцы”.

2. Примитивно выглядит заявление моих оппонентов, будто “грубейшей политической ошибкой” является публикация отрывка из письма М. Балакирева, где говорится, что об интересах “бедного русского народа никто не думает и в 100-й доле той самоотверженности”, которую проявила А. А. Знаменская. Мои оппоненты полагали, что после этих слов великого композитора, написанных в 1907 году, автору следовало бы сказать, что “больше всех для народа сделали большевики, а не Знаменская”. Но ведь речь в данном случае шла не о большевиках, а о деятельности конкретной просветительницы, и такой ханжеский и антинаучный комментарий унижал бы и Балакирева, и читателей “Невы”.

3. Совершенно надуманным является и обвинение меня в “грубой политической ошибке” за утверждение о том, что Знаменская на протяжении **полuveка** способствовала распространению освободительных идей, “поскольку часть жизни она посвятила и борьбе с ними (1917—1919)”. Во-первых, ни в 1917, ни в 1919 годах Знаменская ничем не проявила себя в “борьбе с ними”. Речь может идти только о 30 днях 1918 года ее формального редакторства в газете “Возрождение”. Сама же Александра Александровна лично ни разу не выступила с какой-нибудь статьей. Когда я писал в своем

очерке в “Неве”, что она в течение **полувека** способствовала распространению освободительных идей, то при этом имел в виду период с 1871 года до победы Великого Октября. Строго говоря, это составляет 47 лет, но разве в популярном очерке автор не вправе округлить эту цифру до полувека? И кому не ясно, что когда в советской печати говорили о распространении **освободительных** идей, то имели в виду **дооктябрьскую** эпоху, а не гражданскую войну...

Редакцию “Невы” эти объяснения удовлетворили, но я больше никогда не пытался публиковаться в этом журнале. Однако об Александре Александровне я не забывал и в очерке “Писарева доставали у сына декабриста”, вошедшем в мою книгу “Ульяновы” (1978 г.), о Знаменской было сказано почти так же, как и в нашу-мевшей публикации в “Неве” 1971 года, только мысль о том, что она на протяжении полувека способствовала распространению освободительных идей в Симбирске, выражена иначе: “Тюремное заключение, ссылка, эмиграция и постоянные преследования по возвращении в Россию (1910 г.) не сломили решимости матери шестерых детей бороться за освобождение народа. К сожалению, А. А. Знаменская в период гражданской войны была сторонницей плехановского “Единства”.

Если учесть, что за эту книгу мне в 1979 году была присуждена областной журналистской организацией премия им. М. И. Ульяновой, то можно полагать, что теперь-то о просветительской деятельности Александры Александровны и, в частности, о создании ею Гончаровской и платной публичной библиотек, краеведы будут рассказывать в полный голос. Но не тут-то было. Даже в сборнике “Край Ильича”, вышедшем в 1980 году, утверждалось, что Гончаровская библиотека создана “В. В. Кашкадамовой, М. Г. Медведевой и др.”, а в историческом очерке “Край симбирский” к именам Кашкадамовой и Медведевой добавили только М. Ф. Суперанского.

В известном смысле поворотной в истории А. А. Знаменской стала статья доктора исторических наук Д. С. Точеного и его супруги кандидата исторических наук Н. Г. Точеной "В политическом отношении весьма неблагонадежна...", появившаяся 2 марта 1991 года в "Симбирском курьере". Достаточно сказать, что авторы вложили в уста Александры Александровны следующую тираду, якобы высказанную ею на митинге в захваченном в июле 1918 года белогвардейцами Симбирске: "Если Николай II разгонял неудобные ему Государственные Думы, то Ленин распустил Учредительное собрание. Оба отличались в подавлении прессы, арестовывали с одинаковой энергией ненавистных им ораторов и депутатов, наполняли тюрьмы социалистами..."

Чтобы показать свой новаторский подход к освещению жизни и деятельности Знаменской, ученая чета применила весьма ухищренный прием показа ее "полезнейших и добрых поступков" — через мнимую похвалу своему основному оппоненту, приписать ему научную недобросовестность: "Талантливый краевед Ж. А. Трофимов посвятил ей (Знаменской. — Ж. Т.) несколько страниц в своей книге "Ульяновы". Не вспоминая, разумеется, о ее белогвардейской деятельности... Правда, далеко не все краеведы отличаются такой смелостью, как Ж. А. Трофимов. Большинство стараются о ней не упоминать. От греха подальше. Возьмем, например, книгу "Край симбирский", вышедшую совсем недавно, в 1989 году". Прочитав из нее строки о том, что создателями Гончаровской библиотеки были В. Кашкадамова, М. Медведева и М. Суперанский, супруги Точеные заявляют: "А архивные данные вносят существенную поправку в представленную информацию. Они позволяют утверждать, что главным организатором Гончаровской библиотеки-читальни была А. А. Знаменская".

Неловко как-то себя чувствуешь, читая подобного рода откровения Дмитрия Степановича: ведь он сам как член редколлегии книги “Край симбирский” и должен был бы не допустить замалчивания имени Александры Александровны! Что же касается камешка, брошенного в огород Трофимова за то, что он не упомянул о “белогвардейской деятельности” Знаменской в книге “Ульяновы”, то разве не ясно, что при рассказе о событиях 1886 года не было никакой необходимости говорить о деятельности знакомой Ульяновых в... 1918 году. Но более важно другое: супруги Точеные не смогут ничем доказать, что Александра Александровна занималась “белогвардейской деятельностью”.

Оставляя на совести ученой четы беллетристические пассажи из жизни Знаменской в Симбирске 1921—1922 годов (вроде: “Единственным средством существования у нее были уроки французского языка в школах города. Оплата скудная. Ее не тронули, не арестовали. Этому остается удивляться. Может быть, у чекистов возникло чувство жалости к старухе...?”), перейдем к заключительному абзацу статьи: “По нашему мнению, А. А. Знаменская заслуживает памятника. Кроме И. Н. Ульянова, никто больше не сделал для народного образования Симбирской губернии. А уж назвать одну из улиц Симбирска, одну из школ ее именем — сам Бог велел”.

В каких это “школах” Александра Александровна вела уроки французского языка — ведомо только самим авторам. Что же касается роли Знаменской в развитии народного образования Симбирской губернии, то она явно преувеличена. Достаточно сказать, что в Симбирском уезде не меньшую роль, чем она, сыграл ее муж Ф. А. Знаменский, который около 40 лет был попечителем школы в Степном Анненкове, и в качестве члена уездного училищного совета оказывал помощь десятку других сельских училищ.

Характерный пример того, что Д. и Н. Точеные имеют поверхностное представление о семье Знаменских, я приводил 6 февраля 1992 года в “Ульяновской правде”. Силясь убедить читателей “Симбирского курьера” в том: что Федор Александрович Знаменский был противником Советской власти, супруги вложили в его уста антибольшевистский анекдот, якобы рассказанный им Александре Александровне 7 декабря 1917 года. На деле же Федор Александрович скончался еще... 12 октября 1910 года!

Но, несмотря на столь очевидные казусы, мои оппоненты в дальнейшем продолжали извращать даже точно установленные факты. Широко известны слова А. И. Ульяновой-Елизаровой, что после смерти Ильи Николаевича А. А. Знаменская усиленно убеждала ее продолжить учебу в Петербурге на Бестужевских курсах, “предлагая и денег для окончания курса”. Но Анна Ильинична вовсе не говорила, что эта помощь была принята. Тем не менее Д. и Н. Точеные “дополняют” этот эпизод домыслами о том, что Знаменская **“помогала материально** Анне Ильиничне, дабы та могла в 1886 году(?) спокойно закончить... курсы” (Симбирский курьер, 1992, 21 апреля). В статье же, опубликованной 17 декабря 1993 года в университетском “Вестнике”, ученая чета исправила ошибку относительно даты, указав 1886—1887 годы, но зато теперь по их воле Александра Александровна “помогала” материально не одной Анне Ильиничне, а “сестрам(!) В. И. Ленина”.

Подобного рода опусы нужны литераторам, коллекционирующим сплетни и анекдоты о вожде. Громадное же большинство жителей нашего города ждет от ученых и публицистов объективного освещения истории вообще и ее выдающихся представителей, в частности. Александра Александровна Знаменская, самоотверженно трудившаяся над просвещением простых тружеников, приобщавшая их к передовой культуре, помогав-

шая сотням народных педагогов и их семьям как-то облегчить свое существование и подлечить здоровье, смело боровшаяся против всех проявлений деспотизма за светлое будущее Отечества, достойна того, чтобы ее имя было почетно увековечено. Разумеется, прежде всего лучшим памятником явится подлинная история ее жизни и деятельности. Ее портрет, наряду с портретами других видных просветителей и доброхотов нашего края, должен экспонироваться во Дворце книги им. В. И. Ленина, краеведческом музее им. И. А. Гончарова и музее "Народное образование Симбирской губернии в 70—80-х годах XIX века". Дом же, где жила Александра Александровна, уместно увековечить мемориальной доской.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Так начинался Симбирск	6
Время основания города	13
Первоначальный вид города	18
Вид города Симбирска 1765 года	27
Губернский архитектор Михайло Рушка	37
Зодчие-академики М. П. Коринфский и И. А. Бенземан	48
Первый историограф Симбирска (Т. Г. Масленицкий) ...	63
Историк Иван Пушкарев	73
Труды и подвиги питомца Генштаба Липинского	83
Феномен Ивана Твердышева	93
Общественные сады Симбирска	101
О месте рождения Н. М. Карамзина.	111
Дом Карамзина	129
О памятнике Н. М. Карамзину	138
Губернатор Загряжский	147
Сплетения семейных уз (Зыков, Еремеев, Зайцев, Яковлев, Пучков, Зайцев)	160
Династия Крыловых	168
О таинственном Кореневе и его стихах	187
"Губернская фотография" Д. Д. Минаева	200
Знаменитый псовый охотник (Матвеев, Яковлев)	213
Замечательный чудак (Н. Я. Зыков)	223
Так сколько же лет нашему театру?	234
Редкостное дарование (К. З. Пузинский)	248
Один из талантливейших людей России (Андреев-Будак)	256
Сеятель знания на ниве народной (Н. М. Николаев)	268
Симбирский Диоген (Е. В. Лобачев)	278
Корреспондент Пулковской обсерватории (Козакевич)	288
Керенские и Ульяновы	298
Подлинная история А. А. Знаменской	312

Научно-популярное издание

Трофимов

Жорес Александрович

“СИМБИРСК И СИМБИРЯНЕ”

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор *Давыдова Н. И.*

Корректоры: *Гранитова Н. В., Гульнова Г. Н.,*

Пятигорец О. В.

Сдано в набор 2.09.97 г. Подписано в печать 27.10.97 г.

Формат 70 x 100 $\frac{1}{32}$. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Тип-Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,95. Уч-изд. л. 15,7.

Тираж 1000 экз. Заказ № 2346. Цена договорная.

Ульяновское областное книжное издательство

“Симбирская книга”,

432060, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 23.

ГУП облтипография “Печатный двор”,

432601, г. Ульяновск, ул. Пушкирева, 27.

иллюстрации

Гравюра города Симбирска (1765 г.).

●

*Рисунки А. С. Пушкина (1833 г.) и
В. А. Жуковского (1837 г.),
сделанные в Симбирске.*

●

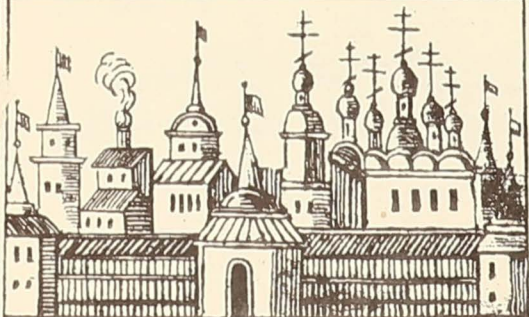
Чертежи дома Карамзина (1804 г.).

●

Чертежи театра Прянишникова (1879 г.).

●

*Фотографии достопримечательностей
города и портреты героев очерков
этой книги.*

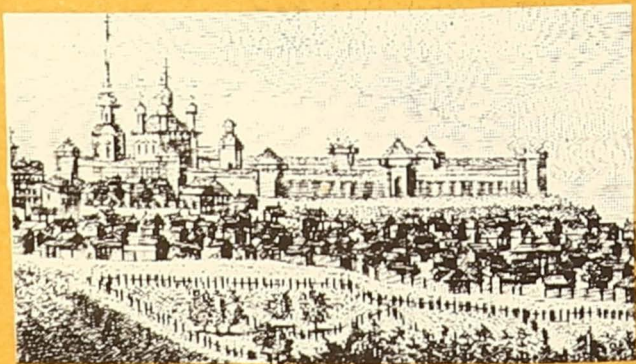

ГРАДЪ СѢНБИРСКЪ СЛАВНЫЙ И ПОХВАЛНЫЙ
КРАСТОАНИИ ѠМОСКВЫЙ ЧРЕЗЪ ВОЛО-
ДИ МЕРЬ ѠН ВЕРСТЪ.

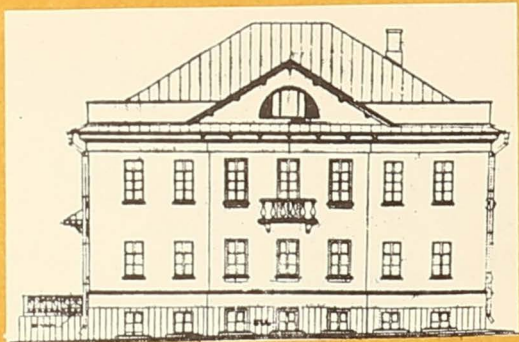
Град Симбирск славный.
Лубочный рисунок начала XVIII века.

Вид города Симбирска 1765 года.
Рис. А. И. Свечина и М. И. Махаева.
Гравюра П. А. Артемьева 1770 года.

Симбирский кремль 1765 года. Рис. А. И. Свечина и
М. И. Махаева. Фрагмент из гравюры П. А. Артемьева.

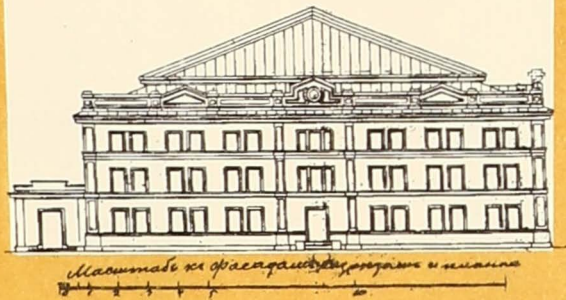
Дом Карамзина. Рис. 1804 года.

Н. М. Карамзин. 1820-е гг.

Памятник Карамзину.
Конец XIX века.

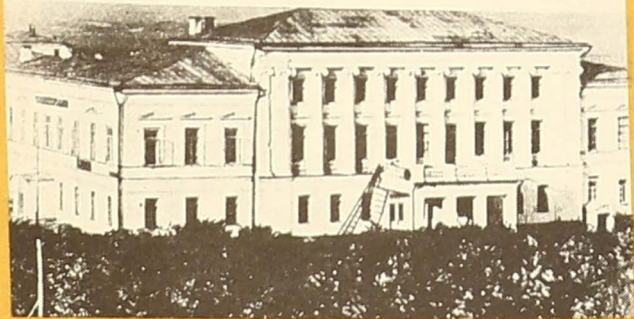

Проект на постройку здания театра М. Ф. Прянишникова. Симбирск, 1879 г.

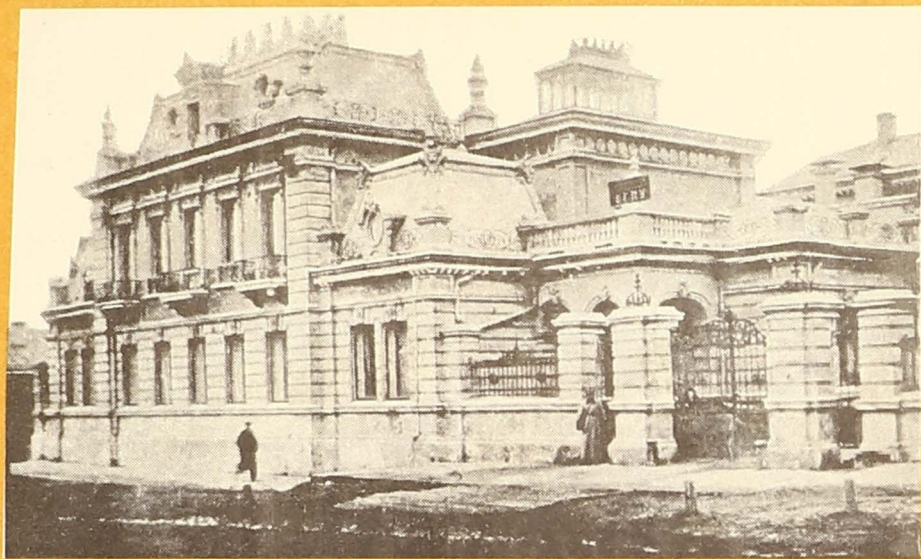

Троицкий кафедральный собор. 1890-е годы.

Симбирск. Дворянский домъ и Карамзинская Библиотека.

Дом дворянского собрания и Карамзинская библиотека.
1890-е годы.

Дом А. А. Крылова. 1930-е годы

Здание б. театра М. Ф. Прянишникова (со стороны Соборной
площади) 1900-е годы.

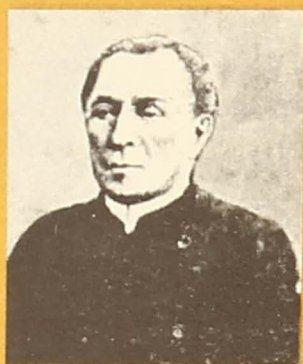
Д. Л. Кирмалова, Н. А. и
С. В. Крыловы. 1867 год.

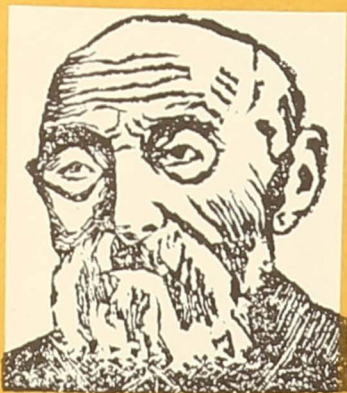
Н. А. Гончаров. 1860-е годы

П. М. Мачеварианов.
1880 г.

К. З. Пузинский.
1910-е годы

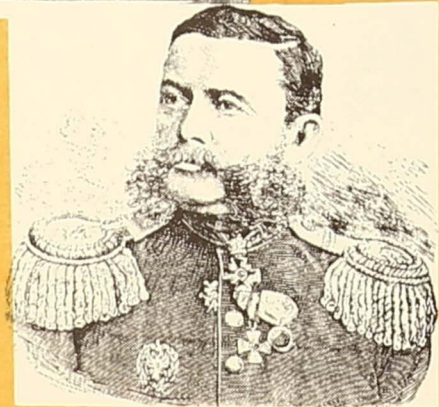
М. В. Лебедев. 1890-е годы.

В. И. Андреев-Бурлак.
1870-е годы.

А. М. Загряжский
с семьей
1820-е годы

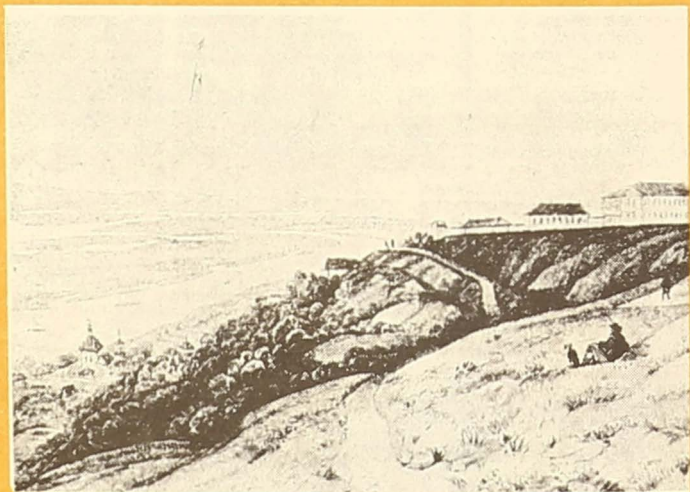
А. О. Липинский.
1880 г.

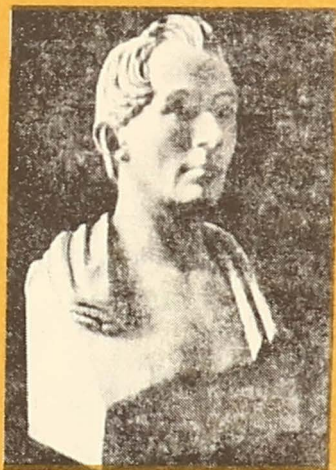
Бывшее здание 1-го приходского училища.
1900-е годы.

Здание областного театра драмы.
Современный вид.

Вид Симбирского Венца. С рисунка сепией
В. А. Жуковского и Клары, 1837 г.

С. И. Гальберг

Рисунок А. С. Пушкина. Сделан с переправы через Волгу близ Симбирска

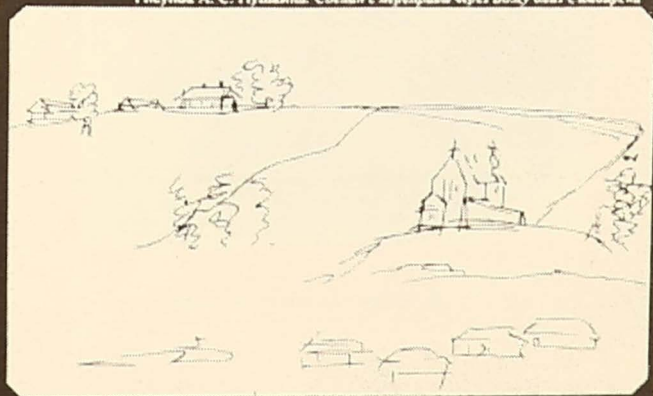
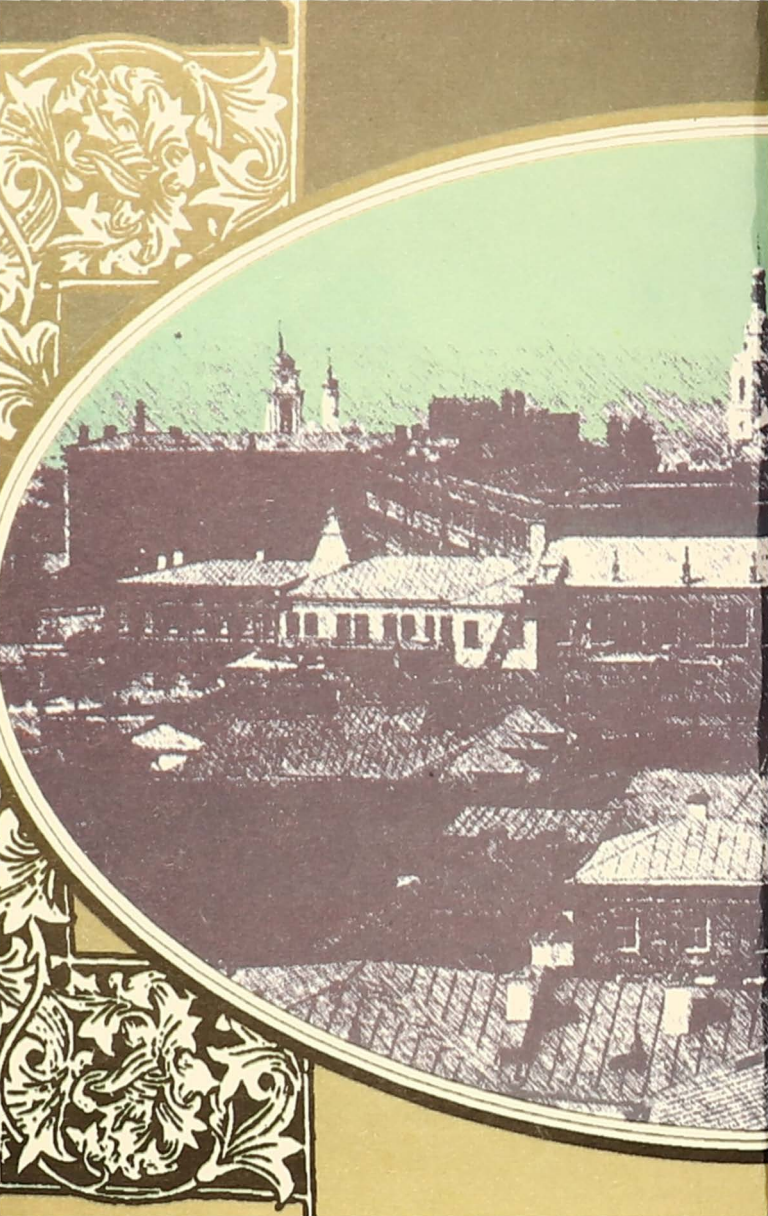

Рис. А. С. Пушкина. Сделан с переправы через Волгу.
Симбирск, 15 сентября 1833 г.

А. А. Знаменская. 1880-е годы.

up 2010
up 2019

5 =

